

БЕЗ ПРАВА НА ПОКОЙ

БЕЗ ПРАВА НА ПОКОЙ

**РАССКАЗЫ
О МИЛИЦИИ**

**Куйбышевское книжное издательство
1983**

Рецензент В. А. Чернецов

Без права на покой: Рассказы о милиции /Составитель Г. П. Сокольникова./ — Куйбышев: Кн. изд-во, 1983. 272 с.

Очерки, документальные рассказы и повести, помещенные в этой книге, посвящены теме охраны государственной собственности, борьбы с бесхозяйственностью, расточительством, рвачеством. На примерах, взятых из жизни Куйбышевской области, авторы показывают целеустремленную и напряженную работу, которая ведется в этом направлении.

Б 11301—030
М148(03)—83 10.83 0802010203

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БУДЕТ РАСКРЫТО!

Диалог писателя и генерала милиции

Идея написать сценарий документального фильма о раскрытии органами милиции только что совершившегося преступления не на шутку увлекла меня. Показать на экране от начала до конца сам процесс раскрытия криминальной тайны, рассказать языком кино о повседневной работе уголовного розыска и следствия и, быть может, попытаться вскрыть истоки возникновения того или иного конкретного преступления — все это будоражило воображение и торопило поскорее сесть за пишущую машинку. Мысленно я рисовал себе самые разные фрагменты будущей картины — скажем, обнаружение первых следов преступника, сцены его задержания, допросов, готово было и само название фильма — «Преступление будет раскрыто», и я, перебирая в памяти знакомых мне асов розыска и следствия, уже намечал кандидатуры возможных героев будущей документальной ленты. В общем, оставалось как будто одно — взять и начать работу над сценарием. Но уходили день за днем, а моя «Эрика» оставалась нерасчехленной: что-то мешало «взять да и начать». Впрочем, буду откровенным: я отчетливо сознавал, что мешало мне не некое мистическое «что-то», а неуверенность в своем праве утвердить столь категорично тезис о закономерности раскрытия любого преступления. Возможно, говорил я себе, милиция превосходно справится с раскрытием преступления, о котором пойдет речь в фильме, но ведь этот успех можно будет рассматривать и как счастливый случай, как удачу, как благоприятное стечение обстоятельств как, наконец, пример «образцово-показательной» работы наиболее умелых и опытных милицеских кадров.

Но может ли каждый из нас надеяться и рассчитывать на то, что обязательно будет раскрыто каждое преступле-

ние? Какие гарантии неопременного торжества законности и правопорядка может дать нам милиция? На чем именно, наконец, зиждутся эти гарантии?

С этими вопросами и сомнениями я и пришел в кабинет к генерал-майору милиции Василию Федоровичу Шарапову. Более тридцати пяти лет он отдал службе в милиции, пройдя путь от рядового милиционера до начальника областного управления внутренних дел. Кто же еще, как не он, решил я, может дать мне исчерпывающий ответ?

Наш диалог я записал. На мой взгляд, читателю он будет небезынтересен.

— Василий Федорович, пусть и неофициально, но принято считать эмблемой советской милиции щит и меч. Символика ее очевидна. Щит олицетворяет собой главное предназначение органов милиции — защиту порядка, покоя, жизни народа, а значит, каждого из нас, от посягательств тех, кто сознательно не хочет считаться с законами социалистического общества. Меч — символ справедливого и неотвратимого возмездия, какое ждет всякого преступника и нарушителя правопорядка. В общем, эмблема ваша проста и довольно воинственна, что вполне естественно, ведь милиция, по сути дела, всегда, ежечасно и ежеминутно сражается со злом во имя торжества справедливости и добра. Так вот, в чем вы видите залог того, что возмездие будет обязательно и неотвратимо, а если другими словами, то можете ли вы с уверенностью утверждать, что поединок преступник — милиция непременно закончится в пользу последней?

— Оснований для такой уверенности у нас много. На каждом из них я подробно останавлиюсь чуть позже. А пока хочу заметить, что само слово «поединок» далеко не самое удачное, если вы хотите определить им нашу борьбу с преступностью. Загляните в словарь русского языка и убедитесь: «поединок» означает «единоборство», то есть схватку один на один. Образно говоря, поединок в чистом виде — это когда человек с рогатиной выходит на медведя. Ну а облава на волка, в которой участвуют и загонщики, и собаки, и охотники, когда одинокий хищник мечется в окружении людей и флажков, — это уже не поединок. Слишком неравны силы. Так вот, хотя всякое сравнение неизбежно хромает, нашу борьбу с преступностью я сравню скорей с коллективной охотой на волка, чем с еди-

ноборством с медведем. Нас много — преступник один. К тому же мы сильнее, ловчее, увереннее, а главное — мы действуем организованно и сообща.

Вот вам простой пример: где-то в городе совершено преступление — квартирная кража. Не имеет значения, много ли, мало ли украдено, для милиции важен сам факт, что кто-то посягнул на гарантированные Конституцией права советского человека. Обычно в кинофильмах вы видите сначала выезд оперативной группы, а затем уже разные, я бы сказал, приключения отдельных сотрудников милиции. Для практики же нашей характерны не столько приключения, сколько подключения. С выездом оперативной группы на место совершения преступления приходит в действие огромный и сложный розыскной механизм милиции, о масштабах действия которого преступник наверняка даже не подозревает. Стучат телетайпы, передавая в райотделы милиции ориентировку — первичную информацию о характере преступления и приметах подозреваемых лиц. По рации оповещаются дорожно-патрульные службы. Дежурные операторы на ЭВМ информационного центра УВД начинают обработку уже полученных данных, делая нужную выборку. Во всех райотделах города подробно инструктируются наряды патрульно-постовой службы, которые получают сведения о совершенной краже и приметах возможных преступников. В общественных пунктах охраны правопорядка о том же информируются дружинники. В лаборатории экспертно-криминалистического отдела исследуются обнаруженные следы и отпечатки пальцев...

Легко ли, судите сами, преступнику уйти, скрыться, перехитрить, а другими словами — противостоять такой силе? Когда-то, сразу после революции, работникам советской милиции, особенно в сельской местности, приходилось действовать в одиночку, а в их борьбе с бандами численный перевес был не всегда на стороне стражей закона. В историю Самарской милиции навеки вписано имя милиционера Василия Никитина из Пестравского района, бесстрашно встретившего смерть в 1921 году от бандитских пуль. В неравных схватках с преступниками гибли многие молодые парни-милиционеры, сотрудники угрозыска. Но те времена стали историей. Да и организованная преступность искоренена у нас в стране давным-давно.

— Однако, насколько я знаю, вам самому тоже дове-

лось в свое время участвовать в ликвидации бандитских групп. И было это вовсе не в послереволюционные годы, а значительно позже.

— Верно. Во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы эта проблема — борьба с бандитизмом — опять встала перед нашей милицией. Бежавшие из мест заключения уголовники, бывшие бендеровцы и власовцы нередко организовывались в преступные группы. Помню, как в 1946 году мы, сотрудники отдела борьбы с бандитизмом, в течение нескольких суток преследовали вооруженную банду. Их — десять, нас — шестеро. Кругом кусты, бурелом, высокие травы. Ловить преступников в лесу — ох и сложное дело. Рассыпались мы по тайге, прочесываем в ней свой участок, ну и естественно, что схваток один на один избежать было трудно. Продираясь сквозь заросли, я долго преследовал одного из бандитов. Наконец прострелил ему руку, а он под поваленную сосну залез. Вытащил я его, перевязал рану и повел... а куда — не знаю, заблудился в тайге. Плутаем мы с ним, а уже темнеет. И вдруг вижу — навстречу кто-то. Свои? Бандиты? Мой пленник, как заметил, рванулся от меня в кусты, я — за ним. Сбил его с ног, поднялся с пистолетом в руке и вздохнул с облегчением: наши... Ни один отсюда от нас не ушел — последних взяли, когда те стали речку переплывать.

— Что ж, прямо-таки готовый сюжет для приключенческого рассказа «Двое в тайге». Все-таки ведь именно в единоборстве, хоть оно, как вы говорите, сейчас нетипично, проявляется наиболее ярко и привлекательно личность советского милиционера — борца со злом, радетеля за справедливость.

— Не спорю, ситуации, когда сыщик в одиночку сражается с преступником, безусловно для литераторов более выигрышны. Но... выигрышны лишь в смысле внешней занимательности, что ли. Пусть они, эти ситуации, чаще возникают в литературе, чем в жизни... Нет, не годится нам без крайней необходимости рисковать своими замечательными людьми, разменивать их голова на голову с преступниками. Мы стремимся в любом случае гарантировать себе полное превосходство сил. В зарубежных детективных романах на щит поднимается главным образом от-

важный сыщик-одиночка, все время балансирующий на грани смертельного риска. Да и наши советские авторы нередко старательно подставляют своих героев-милиционеров под удар, создавая положение, в какое попасть можно разве что по глупости или по неумению. В реальной жизни, в практике нашей работы возникают, конечно же, ситуации, когда сотруднику милиции приходится вступать порой и в неравную схватку с преступниками. Но такие эпизоды — исключение из правила. В своей деятельности, повторяю, мы стремимся обеспечить стопроцентный успех, независимый от каких-либо случайностей. Милиция обязана быть сильнее. Всегда!

— Однако ведь не во всех случаях решает чисто количественный перевес. Не секрет, что опытный преступник долго и тщательно продумывает каждый свой шаг и уничтожает малейшие следы преступления. Разве не бывает, что оперативная группа, приехав на место преступления, не обнаруживает ну абсолютно ничего, что могло бы помочь хотя бы выбрать направление поиска?

— Практически так не бывает. Преступник действует не в вакууме, а потому следы он оставляет всегда. Как правило, он и не подозревает об этом, хотя вроде бы и делает все, чтобы замести за собой эти следы. Зато наши криминалисты знают, где их искать. И след в их понимании — это не только след ступни или, скажем, отпечаток пальца. Уликой, изобличающей преступника, может стать самая ничтожная, казалось бы, почти невидимая мелочь. Помню, как пришлось мне в свое время расследовать убийство девушки, совершенное в кукурузном поле, вдали от населенных мест. Казалось, не было никаких следов — только отпечаток колес когда-то проехавшей грузовой автомашины с прицепом. Огромный объем работы пришлось проделать, пока не обнаружили на протектере одного из грузовиков несколько прилипших зернышек овса. Но при чем тут вроде бы овес? А при том, что разыскиваемый нами автомобиль с прицепом, разворачивавшийся в кукурузном поле, заехал, ну совсем чуть-чуть, в полосу овса. Эксперты исследовали зерна и подтвердили, что на колесах — тот самый сорт овса и именно в той самой стадии зрелости, в какой он был в момент преступления. Улика сыграла решающую роль: преступник сознался в убийстве.

Но что — зерна... По нынешним временам такой

след — очевидность. Криминалистическая наука сегодня подвинулась так далеко, что неопровержимыми доказательствами вины или невиновности могут стать микроскопические частицы практически любого вещества. Сел преступник на старую скамейку — и прибор обнаруживает на его брюках мельчайшие пылинки облупившейся краски. Соприкоснулся вплотную со своей жертвой — и ворсинки свитера или шерстяной ткани перешли с одежды на одежду. Микропорошинки, въедающиеся в лицо стрелявшего, пыль с серванта, даже запах могут изобличить преступника. Как бы он ни берегся, каким бы хитрым и осторожным он ни был.

— У экспертов-криминалистов, видимо, существует определенная специализация?

— А как же иначе? Ведь криминалистика — это наука, требующая от людей, ею занимающихся, глубоких знаний в физике, химии, почерковедении, психологии... Поэтому у нас в экспертно-криминалистическом отделе УВД работают несколько лабораторий: автотехническая, физическая, химическая, почерковедческая, пищевая, а также фотолaborатория. И в каждой из них есть виртуозы своего дела. Для Нины Николаевны Любовской, например, почерк человека — уже его характеристика, а любая, самая искусная его подделка так же очевидна, как грубый грим на лице. При расследовании многих хозяйственных преступлений заключение эксперта-почерковеда играет порой решающую роль. Существуют приборы, с помощью которых можно обнаружить, а затем усилить следы, оставшиеся на чистых страницах от вдавливания карандаша или шариковой ручки при письме. Я уж не говорю о любых подчистках или вытравлении текста — с подобными задачами наши криминалисты справляются просто: для этого есть специальные электронные приборы, помогающие легко читать то, что было написано ранее, в инфракрасных или ультрафиолетовых лучах.

О современной криминалистической технике можно было бы рассказать еще многое. На вооружении экспертов милиции десятки сложнейших приборов, металлоискатели, чуткие не только к черным, но и к цветным металлам. Но не стану перечислять — я ведь говорю об уровне нашей криминалистической науки лишь для того, чтобы этим аргументировать свой тезис: сложно пре-

ступнику замести следы, когда против него — наука. Ее достижения — еще один веский аргумент, подкрепляющий тезис о неизбежности справедливого возмездия.

— Наука наукой, однако и в достаточно отдаленные от нас времена, когда советская криминалистика была, скажем так, еще в пеленках, мастера уголовного розыска тоже разгадывали самые сложные ходы преступников. Правда, мы знаем о них в основном по художественной беллетристике, но...

— Но прототипы своих литературных героев писатели находили, как правило, в самой жизни. Это вы хотели сказать? Совершенно верно. Профессионалы, думающие, опытные, умеющие логически мыслить, обладающие тонкой интуицией, у нас были, есть и будут. И с каждым десятилетием профессионализм наших сотрудников уголовного розыска, следователей, экспертов углубляется. Накапливается, изучается и обобщается опыт старших поколений. Работа в органах милиции не терпит дилетантизма — слишком велика ответственность нашей профессии. Например, в инспекции по делам несовершеннолетних мы подбираем людей с педагогическим образованием — иначе им трудно было бы заниматься воспитанием и перевоспитанием своих подопечных. А в органах борьбы с хищениями социалистической собственности нам уже недостаточно, если сотрудник имеет только юридическое образование. Здесь у нас работают специалисты, до тонкостей разбирающиеся в бухгалтерском учете, в экономической структуре промышленных предприятий, компетентные в торговле, в строительстве, в вопросах снабжения и сбыта.

О том, какими доками, если нужно, могут быть работники нашего ОБХСС, свидетельствует, например, недавнее дело о злоупотреблениях на Приволжском маслозаводе. Там группа преступников — директор, заведующая производством и мастер — систематически обманывали государство, создавая неучтенные излишки молока. Из них на заводе делали сливочное масло, сметану, творог, а продавали «налево» — частным лицам. Выручка шла ворами в карман.

Поймать расхитителей было далеко не просто: они

искусно запутывали следы, пользовались халатной небрежностью бухгалтеров маслозавода и совхоза «Солнечный», подделывали документы. Десять тысяч рублей прикарманили таким образом преступники. Но и это не все: они ухитрились ограбить государство еще на пять тысяч рублей — за счет незаконных премий, которые они получали за якобы достигнутое перевыполнение плана по выработке творога. На самом же деле на заводе производили сверхнормативный обрат, который жулики отпускали в совхозы и колхозы по стоимости творога. А по документам посмотришь — вроде бы все чисто.

Но как ни ловчили хапуги, перехитрить ОБХСС им не удалось. Въедливая, высококвалифицированная проверка доказала их вину — хапуги оказались на скамье подсудимых. Иначе и быть не могло: противостояли преступникам профессионалы высокого класса.

— Видимо, я не совсем точно поставил вопрос. Углубление профессиональных знаний, накопление опыта, мастерства, высокая техническая оснащенность — весь этот естественный прогресс аналогичен непрерывному совершенствованию и других областей человеческой деятельности. Хирург сегодняшней, например, знает и умеет гораздо больше, чем знал и умел его собрат по профессии сто лет назад. То же можно сказать и о металлурге, и о железнодорожнике, и о зоотехнике. Я же имел ввиду чисто индивидуальные качества людей, избравших делом своей жизни борьбу с преступностью. Независимо от уровня развития любой профессии, науки, в том числе и криминалистической, во всякие времена были, есть и будут работники талантливые и посредственные, энтузиасты и холодные ремесленники, а то и просто бездарь, которым никакой технический прогресс не в силах помочь справиться со своим делом хорошо. Так вот, если в прошлом, когда техническая и научная оснащенность розыска была близка практически к нулю, на первый план выходили личностные качества сыщика. А в какой степени они важны сегодня? Признаться, когда я слушал ваш, Василий Федорович, рассказ о мощи современного розыскного аппарата — мощи технической, научной, организационной, — у меня подспудно складывалось впечатление, что преступник так или иначе «поймается сам собой» — ну куда ему, бедолаге, деться? А впечатление это невольно тянет за собой мысль: в конце концов не так уж и важно, какие имен-

но винтики будут в этом механизме. Лишь бы они четко выполняли свои функции. А свои Шерлоки Холмсы, комиссары Мегрэ, Эркюли Пуаро нам не так уж и нужны. Своими «незапрограммированными» действиями они только помешают четкой работе механизма.

— Категорически возражаю. Таланты, своеобразные, острые, нестандартно мыслящие, умеющие взглянуть на ситуацию с необычной точки зрения, нам нужны необычайно. Не боюсь преувеличить, утверждая, что наша профессия, и в особенности это касается уголовного розыска, — профессия творческая. Интуиция, художественная жилка, артистизм розыскной работы нужны сотруднику милиции не в меньшей степени, чем умение логически размышлять, анализировать факты и выкристаллизовывать главное из второстепенного. Каждый из больших мастеров угрозыска — это почти непременно самобытная личность. И наиболее сложные, наиболее нетипичные дела мы, как правило, стараемся поручать именно таким, обладающим яркой индивидуальностью, сотрудникам.

Вы, возможно, слышали о краже живописных полотен из залов Куйбышевского художественного музея?

Три года назад у нас в Куйбышеве было совершено из ряда вон выходящее преступление: из залов художественного музея были похищены пять подлинников картин Репина и Куинджи. Ценность их огромна. И дело даже не во многих десятках тысяч рублей ущерба — преступники, по существу, надругались над всеми куйбышевцами, гордившимися этими живописными сокровищами, не исключено было, что преступники намеревались сплавить украденные картины за кордон.

Задача найти украденные полотна была поставлена перед группой самых искусных, высокоинтеллектуальных сотрудников уголовного розыска. Первый успех пришел почти сразу: две картины были найдены, преступник пойман с поличным. Но три наиболее ценных полотна как в воду канули — ни следа, ни зацепки. Как это часто бывает, пойманный вор взял всю вину на себя, надеясь получить от сообщников после отбытия срока наказания хорошую компенсацию за молчание.

Чтобы отыскать остальные, далеко упрятанные картины, сотрудникам областного управления угрозыска пришлось крепко поломать головы. Много эрудиции, смекалки и воображения потребовалось им, прежде чем они убеди-

лись, что украденные картины еще никуда не проданы и не уничтожены. Еще большей изобретательности потребовали разработка и осуществление самой операции. Я ничуть не преувеличу, если скажу: сработали наши сыщики абсолютно безошибочно, хотя противостояли им искушенные, интеллектуальные преступники. Картины Репина и Куинджи вернулись в музей.

— Василий Федорович, я позволю себе вспомнить ваши же слова, сказанные в начале этой беседы. А именно: выражение «поединок» — не самое удачное из тех, какими можно охарактеризовать взаимоотношения органов милиции и преступника. Но вот преступник пойман, он остается с глазу на глаз со следователем. Преступник запирается, отрицает все... Собственно, если быть юридически точным, до суда его и называть-то еще преступником нельзя. Следователь должен сломить его сопротивление, припереть к стенке неопровержимыми фактами, убедить чистосердечно признаться в совершенном преступлении. Иной раз такое противоборство длится недели и месяцы. По-вашему, это тоже не поединок?

— Представьте себе, нет. Не поединок. Хотя с внешней стороны как будто и похоже — один на один. И звучит заманчиво. Но если судить не по форме, а по существу, то в подавляющем большинстве случаев следователь выступает не как противник, не как враг того, кто сидит на допросе напротив него, а как более сильный, умный, а главное — доброжелательный человек. Заметьте, именно доброжелательный, хотя путь из кабинета следователя и ведет его собеседника на скамью подсудимых. Следователь, избличая преступника в совершенном, склоняет его к чистосердечному признанию не потому, что хочет поскорее закрыть дело, а потому, что стремится добиться наименьшего ущерба для личности человека, совершившего преступление. Ведь неисправимых мало, а жизнь доказывает, что большой срок лишения свободы отнюдь не является лучшей мерой перевоспитания. Так что следователь совсем не заинтересован в том, чтобы возмездие нарушителю законности было непременно «на полную катушку». Раскаяние, чистосердечное признание, помощь следствию, возмещение причиненного ущерба — все это суд непременно учитывает, и растолковать преступнику эту истину должен следователь. И в то же время следователь своими дейст-

виями доказывает преступнику — воспитательный момент немаловажный! — что и в его случае сработала непреложная закономерность: всякое преступление будет раскрыто, вина — доказана, а справедливая кара — обязательна и неотвратима.

— Но разве не бывает, что следствие терпит поражение? Из-за своей ли неопытности, из-за отсутствия убедительных улик — неважно. Так или иначе, а преступника милиция вынуждена бывает отпустить. Где же тогда гарантия, обеспечивающая наш с вами краеугольный тезис, что всякое преступление будет раскрыто?

— Напомню еще раз: человека, чья вина не установлена судом, называть преступником никто не вправе. Так что, говоря официально, преступников милиция не отпускает. Мы стражи закона, и потому строжайшее соблюдение его духа и буквы считаем своей первейшей обязанностью. Презумпция невиновности личности для нас священна, человек не обязан доказывать свою невиновность, в доказательствах нуждается только вина. И потому, когда истекают установленные Уголовно-процессуальным кодексом сроки и веских доказательств у следствия недостаточно, сотрудники милиции освобождают подозреваемого...

— Даже если внутренне убеждены, что перед ними — преступник?

— Даже если убеждены. Хотя, скажу прямо, такое бывает не часто.

— И все же бывает? Представляю, какие чувства должны испытывать в этих случаях сотрудники милиции! Сознание того, что злодеяние осталось безнаказанным, мне кажется, не может не мучить. Должно быть, это больно задевает профессиональную гордость?

— Вопросы профессиональной амбиции — это пустяк по сравнению с горькой мыслью, что отпущенный преступник может снова причинить людям зло, снова нарушить закон. Много лет прошло, а в памяти у меня до сих пор живет некий Пастушков. Такие случаи запоминаются на всю жизнь. Помню, в бытность мою в Красноярске, где

я работал заместителем начальника краевого управления уголовного розыска, поступило ко мне сообщение о тяжком преступлении на станции Козулька. Сразу начали отрабатывать несколько версий. И вот одна ниточка привела к некоему Пастушкову, этакому молодому красавцу, неоднократно судимому, наглому и самоуверенному. Когда улики появились достаточно, Пастушкова задержали. Сначала он держался спокойно, даже нахально. Потом шумел, возмущался — незаконно, мол, задержали. Много часов провел я с ним с глазу на глаз в кабинете — и дрогнул Пастушков. Поймался на противоречиях, да и улики против него были серьезные. Все рассказал о преступлении. Подписал признание. Потом попытался бежать из-под стражи. Написал брату, что он сознался и что теперь ему будет худо.

И надо ж было такому случиться: бывалые соседи по камере подговорили подростка Ваську С. взять преступление Пастушкова на себя! Я встретился с парнишкой, по доброму поговорил с ним. Он признался: «Дядьки научили...» Пастушков ничего не знал о Ваське и уже ни на что не надеялся. Но когда он ознакомился — так положено — с материалами следствия и увидел протокол с самооговором Васьки С., то сразу изменил тактику. Заявил: преступления я не совершал! Суд направил дело на доследование, а когда обозначенные законом сроки истекли, Пастушкова освободили.

Он пришел ко мне, улыбаясь: «Хорошо вы меня раскололи, на мне вина. Да только я жить хочу, а потому — до свидания». Кровь во мне так и кипела: я-то знал наверняка, что Пастушков — преступник. Но закон есть закон. «Знай же, Пастушков, — сказал я ему, — что мои глаза и уши будут ходить за тобой. За преступление свое ты все равно ответишь сполна!»

И он ответил, хотя и уехал от нас в Среднюю Азию и постарался замести за собой все следы. Ответил сполна, как я ему и обещал.

Я ни минуты не сомневался, знал: от правосудия он все равно не уйдет. Справедливость должна торжествовать не через раз, а в ста случаях из ста. Только тогда мы имеем право считать, что честно исполняем свой служебный долг.

А что значит для людей нашей профессии понятие служебного долга? Оно неотделимо от понятия долга гражданского. Милиция ведь и создана для того, чтобы оберегать права государства и советских граждан от

посягательств на них преступных элементов. Само содержание нашей работы пропитано глубоким гуманизмом. И потому отношение к своему делу у нас не может быть бесстрастным. Чего-чего, а эмоций в избытке. Мы ведь каждодневно соприкасаемся с человеческой бедой. Несчастья честных, хороших людей не могут не вызывать в наших сердцах сочувствие, горечь, жалость, обиду... И закипает ярость на тех, кто причинил этим людям страдания, жжет святая ненависть к этому, для тебя пока еще абстрактному преступнику, который сделал чужую беду источником существования, который сознательно топчет нашу законность, оскверняет нашу мораль, надругивается над нашим образом жизни. И тогда говоришь себе: глаз не сомкну, а тебя, подлеца, найду! И вину твою докажу, и ответишь ты за свое преступление перед людьми полной мерой!...

Вспоминаю годы своей работы в отделе борьбы с бандитизмом, в уголовном розыске. Ох и кипишь, бывало, негодуешь, ни дня тебе, ни ночи — тут и азарт поиска, и радость удач, и гордость своей победой... А в конечном итоге — огромное моральное удовлетворение от своего дела, от своей профессии. Когда не только умом, а сердцем понимаешь, что борешься за торжество справедливости, за победу добра над злом, тогда себя не жалеешь. Преступник, вступая в схватку с милиционером, защищает только свою жизнь — так поступает и зверь. Работники милиции борются не за себя — за покой и безопасность других людей, а собой они нередко и жертвуют.

Ярким примером такой самоотверженности может служить подвиг рядового милиции Владимира Кошеля. Впервые в жизни был назначен он в поисковую группу. Морозной ночью искали опасного вооруженного преступника — его заметили на улицах Комсомольского района города Тольятти. Тревожные сообщения поступали в райотдел милиции: в Шлюзовом преступник стрелял в прохожего, затем в одной из квартир им был тяжело ранен другой житель поселка. И вот поступило последнее сообщение: след преступника ведет в район дачного массива.

Владимир Кошель вышел на маршрут, держа на поводке овчарку Вегу. Когда группа поиска оказалась на пустыре, залитом светом заводских прожекторов, Кошель вызвался проверить одну из дач — маленький домик с темными окнами. Обогнув дом, он распахнул дверь и пустил внутрь Вегу. Тотчас стукнул выстрел, раздался предсмерт-

ный визг собаки. Преступник был здесь! Еще немного, и он увидит на освещенном пустыре работников милиции и, конечно же, откроет по ним стрельбу. Владимир не колебался и мгновения: с пистолетом в руке он бросился в дом. Снова громыхнул выстрел — и Кошель, обливаясь кровью, упал на пол.

Но и в эту, последнюю минуту своей жизни, Кошель помнил о своем долге. Слабеющими пальцами милиционер сжимал пистолет, ловя на мушку темную фигуру бандита, метавшуюся по комнате. Выстрел, другой, третий... Кошель потерял сознание, и оно уже не вернулось к нему. Но его последний выстрел попал точно в цель...

Владимир Кошель посмертно награжден орденом Красной Звезды. Приказом министра МВД СССР он навечно зачислен в списки личного состава Тольяттинской милиции. Пожертвовав собой, он исполнил свой долг до конца.

Так что давайте будем считать, что готовность работника милиции пойти на смертельный риск, его повседневная заряженность на подвиг — это тоже веский аргумент в пользу утверждения, что преступление будет раскрыто.

— Не могу не согласиться с вами. Человек, горячо верящий в правоту своего дела, конечно же, имеет много больше шансов на победу, чем его противник, у которого такой убежденности нет. Хотя ведь и в преступном мире попадают сильные личности, не менее глубоко убежденные в том, что путь, ими в жизни выбранный, единственно правильный.

— Только не стоит преувеличивать ни силу таких личностей, ни глубину их убеждений. И вообще, давайте-ка будем поточнее в выражениях: нет у нас в стране такого социального явления — «преступный мир». Есть среди преступников немногочисленная прослойка людей, которых, честное слово, не хочется и людьми-то называть: закоренелые рецидивисты, живущие по звериным законам, давно утратившие всякое понятие о человеческой морали, светлых чувствах, достоинстве, долге. Закрывать глаза на их существование значило бы уподобиться страусу, прячущему голову в песок. Они есть, и наша прямая обязанность — обезопасить общество от их гнусных посягательств.

Но подавляющее большинство из тех, кого суд

объявляет преступником, — это либо оступившиеся, либо попавшие под дурное влияние, либо попросту распустившиеся, а значит — неустойчивые, слабые люди. Правоохранительные органы, к которым относится и милиция, не дают спуска и таким — за каждое преступление или нарушение законности надо платить. Но наказание, принуждение для таких людей — это и воспитание их, это, я бы сказал, и суровый назидательный урок, который преподают нарушителю закона наши правоохранительные органы. И начинается этот урок именно с нас, с милиции. Мы первые доказываем ему, и не только словесно, а прежде всего своими энергичными, умелыми действиями по раскрытию преступления, что противозаконный его поступок был бессмысленным и вредным прежде всего для него самого, потому что всякая надежда на безнаказанность — абсолютно беспочвенна. Четкая работа органов милиции оказывает убедительное воспитательное воздействие и на все окружение нарушителя закона — на его родных, близких, друзей-приятелей, знакомых, для которых раскрытое милицией преступление является своеобразным профилактическим предупреждением. Так что значение этого урока-назидания велико.

— Однако и такой урок идет не всякому впрок. Иначе у нас вообще не было бы лиц, многократно судимых.

— Верно, определенная категория людей считает преступный образ жизни единственно приемлемой для них формой существования. Но, повторяю, не надо представлять их какими-то демоническими личностями, наподобие профессора Мориарти у Конан-Дойля. Среди тех, кто совершает преступления, особенно хозяйственные, встречаются порой не только умные, но и недюжинные личности. И все же преступник-интеллектуал — это скорее литературный, чем жизненный тип. С такими милиция имеет дело в тысячу раз реже, чем с субъектами, находящимися на крайне низком уровне развития. Не буду останавливаться на тех, кто совершает преступления впервые и единожды, среди них встречаются люди разные, хотя пьянство, распущенность, отвращение к труду характерны для большинства. Скажу о закоренелых рецидивистах-уголовниках: среди них я, при своем 36-летнем опыте работы в милиции, не встречал ни одного, как говорят, «высоколобого» интеллигента. Типичный рецидивист почти всегда имеет минимальное для нашего времени образование,

а часто он умственно неразвит, руководят его поступками не какие-либо убеждения, а инстинкты и самые примитивные желания, высокие же понятия морали и долга для него — звук пустой. Так что ничего романтического в его облике нет, да и личностью такого не назовешь. Страшен он лишь тем, что душа его покрыта заскорузлой коркой и потому чужие страдания, беды и горести, а зачастую и сами чужие жизни для него не имеют никакой цены.

Но даже если преступник и опытен, и нагл, и дерзок, все равно тягаться с нашей милицией — я еще и еще повторяю это — ему не по зубам. И не только потому, что на нашей стороне отлаженный розыскной аппарат, техника, криминалистическая наука и высокое профессиональное мастерство сотрудников. Дело еще в самих людях, в качестве наших кадров. Современный советский милиционер по всем, как говорится, параметрам выше преступника. Мало того, что недоучке противостоят следователи, инспектора ОБХСС и уголовного розыска, как правило, имеющие институтские дипломы. От работников милиции мы требуем отличной физической подготовки, умения быстро бегать и метко стрелять, владеть приемами самбо, уметь водить мотоцикл и машину.

Всему этому они учатся изо дня в день, как учатся умению общаться с людьми, владеть приемами психологического воздействия, разбираться в человеческих поступках и чувствах. Огромное значение мы придаем идейно-политическому воспитанию своих кадров — не случайно в рядах милиции очень высок процент коммунистов и комсомольцев. Мужество, смелость, выдержка, самообладание — эти качества характера для работника милиции не просто желательны, как для людей иных профессий, но обязательны: такова уж специфика нашей профессии.

Вот конкретный пример того, как эти качества проявляются в повседневной работе, — один эпизод из жизни лейтенанта милиции Игоря Авласенкова... Как-то зимним вечером, обходя свой участок, Авласенков заглянул на квартиру к своему подопечному Кулькову, отбывшему срок заключения и не желавшему устраиваться на работу. Когда дверь отворилась, лейтенант увидел в прихожей пьяную компанию — около десятка мужчин и женщин. Инспектор решил ознакомиться с документами кульковских дружков, и в этот момент из комнаты, зажав в руке бритву, выскочил сам Кульков. Если бы Игорь не успел уклониться, лезвие перерезало бы ему горло. Из глубокого

пореза, пересекшего лицо, хлынула кровь. Авласенков выхватил пистолет. Он решил во что бы то ни стало задержать Кулькова и его собутыльников. Но как это сделать? Не сводя дула пистолета с присутствующих, он ухитрился нажать кнопку звонка соседней квартиры и попросил срочно вызвать по телефону милицию.

А Кульков и его компания, поняв, что молоденький лейтенант лишь грозит им оружием, а стрелять не намерен, пошли на него стеной. Кто-то схватил гирю, Кульков попытался вырвать пистолет... Обливаясь кровью, Авласенков из последних сил отбивался, сдерживая озверевших хулиганов, и единственное, чего и боялся он тогда, так это нажать курок. Ведь даже выстрел в воздух был опасен — пуля могла срикошетировать, попасть в человека. К тому же Авласенков знал, что в квартире есть ребенок...

Можете себе представить, сколько мужества, выдержки, нравственных сил понадобилось лейтенанту милиции, чтобы выдержать, не сорваться, забыть о себе и думать лишь о безопасности других.

Он вышел победителем, да иначе и быть не могло. Студент-заочник университета, умница, веселый и добрый парень и в то же время знающий свой долг, свое дело милиционер-профессионал, поистине рыцарь без страха и упрека. Нет уж, слишком мало у преступников шансов на успех, когда за них берутся такие ребята, как Игорь. А ведь Авласенков не исключение, его фигура как раз очень типична для нынешнего поколения милицейских кадров. А каковы кадры, таково и качество работы. А коль высоко качество — значит...

— Значит, есть и веские гарантии, что преступление будет раскрыто! Это вы хотели сказать, Василий Федорович?

— И это, конечно. Но и еще кое-что добавлю. Поскольку в наши ряды приходит все больше высококультурных, умных, отлично знающих свое дело специалистов, то и контакты милиции с населением становятся с каждым годом все дружественнее и теснее. В борьбе с преступностью и в охране порядка у нас много добровольных помощников — дружинников, членов оперативных комсомольских отрядов, нештатных сотрудников.

Нашим следователям и инспекторам уголовного розыска охотно помогают люди всех возрастов и профессий.

Разыскивая преступника, милиционер идет к людям, зная, что вместе с ними он становится стократ сильнее. А преступник — отщепенец. Он боится и избегает людей. И как бы он ни ловчил, как бы ни прятал концы в воду, рано или поздно он бывает разоблачен, ибо спрятаться от всего мира невозможно. У него союзников нет, у милиции союзник — весь народ.

Вот вам, пожалуй, один из самых главных аргументов в пользу неопровержимого торжества справедливости и добра, в котором вы, кажется, несколько сомневались.

— Извините, Василий Федорович, но сомнения уже позади. Ваша аргументация дает мне моральное право назвать будущий фильм именно так: «Преступление будет раскрыто».

— Пишите смело. А милиция не подведет.

ТРУДНЫЕ КОНТАКТЫ

«Хочу папе-маме»

Наташенька еще совсем маленькая. Когда ее спрашивают:

— Сколько тебе лет, девочка?

— Уже два годика, — отвечает она и протягивает ручонку, старательно растопырив два пальчика.

— Все-о! — весело улыбаясь, говорит Наташенька всякий раз, когда просыпается. — Все-о! — повторяет она громче, глядя в сторону родителей. — Вставай-те! Уже без пяти утра... Хочу папе-маме. — И звучит это у нее так радостно...

Это Наташенькино «хочу папе-маме» мне остро вспомнилось при разговоре с четырнадцатилетним Олегом Ш.

— А отец знает, какими делами ты занимаешься? — спросила я.

— У него другая семья. Мне было два года, когда он ушел.

Помню: несколько лет назад ребятам, желающим стать юнкорами телестудии «Товарищ», были предложены вопросы короткой анкеты на тему «Мой папа». Мы получили тогда много писем от девочек и мальчиков пятых-шестых классов. Они писали:

«Люблю своего папу за доброту и справедливость».

«Мой папа — ударник коммунистического труда. Он не раз получал грамоты за хороший труд».

«Мы с папой — большие друзья».

«Я люблю своего папу за то, что он никогда не отказывает в помощи другим».

«Я хочу стать такой же, как мой папа».

«Мой папа невысокого роста, глаза у него озорные и веселые. Он худощавый, не курит и не пьет».

Но были среди писем и другие.

«Не хочу писать про отца. Он все время с бутылкой».

«Мой папа работает шофером. Папу своим другом

назвать не могу. Причина та, что он часто бывает пьяный. Работать рядом с папой не желаю».

И еще одно письмо.

«Это очень хорошо, когда у человека есть отец. У меня его нет».

Почему-то подумалось, что вот так, наверное, мог бы ответить на вопросы анкеты и Олег Ш., с которым я встретила в инспекции по делам несовершеннолетних Самарского районного отдела внутренних дел.

— У него другая семья, — упрямо повторил он.

— Но ты с ним встречаешься?

Вместо ответа — молчание.

Передо мной сидел светловолосый, с заспанными глазами мальчик. Именно мальчик. Таким он мне тогда показался. Его вместе с друзьями задержала ранним утром патрульная служба во время ограбления киоска. Когда пришла бабушка Олега, внука увели в изолятор временного содержания.

— Позвоните Верке, — сказала она, обращаясь сразу ко всем. И пояснила: — Матери Олежки.

— Она что, не знает, что мальчика задержали? — спросила начальник инспекции Валентина Васильевна Брагина.

— Знает, — сухо прозвучало в ответ.

Матери Олега в тот день я так и не дождалась, хотя сын не ночевал дома четверо суток. Потом я узнала, что она сослалась на занятость: в театре готовилась премьеры.

Валентина Брагина и другие

Капитан милиции Брагина и ее сослуживцы называли этот день «черным».

— Знаете, бывают такие дни, когда начинаешь вдруг терять веру в смысл своей работы, — призналась Валентина Васильевна. — Это же наши мальчики... Сколько силы, времени, наконец, терпения отдаешь им, а они... — И Валентина Васильевна, кроме Олега, назвала еще двух соучастников ограбления: Сережу И. и Игоря Т.

«Это же наши мальчики...» В голосе Брагиной я услышала те же интонации, как накануне, когда, знакомя меня с профилактическими делами, она нередко говорила: «Бедные дети», — вкладывая в свои слова, конечно, не материальный, а духовный смысл. Дети, обделенные

лаской, заботой, лишённые семейной дружеской атмосферы, дети, взрослеющие в одиночестве.

«Слава чувствует свою физическую ущербность...»; «Люда очень дерзка, видно, родители недодали тепла душевного, ласки...»; «Саша — педагогически запущенный ребенок...». Короткие комментарии Брагиной говорили о том, как хорошо знает она корни одиночества, замкнутости или озлобленности своих подопечных.

Да, знает. Чтобы суметь помочь подростку найти самого себя. Чтобы проба сил, попытка познать свои возможности не выливалась в уродливые, антиобщественные формы. Чтобы первые самостоятельные шаги приводили к хорошему, а не к плохому.

Помочь подростку найти себя, а порою и защитить от самого себя — вот к чему стремится капитан милиции Валентина Васильевна Брагина. Это же самое является заботой всего коллектива инспекции по делам несовершеннолетних Самарского РОВД.

О Брагиной здесь в шутку говорят, что она родилась милиционером. Почему? Может быть, потому, что обостренно воспринимает несправедливость, зло, чутка к доброму, хорошему в людях. И еще потому, что смела и мужественна, преданна избранному делу. А другие? И о других можно сказать то же самое.

Лидия Александровна Ишутина пришла работать в детскую комнату милиции с опытом преподавателя средней школы. В девчонках очень интересовалась, что делают следователи, эксперты, но «срезалась на экзаменах в юридический». Сейчас Л. А. Ишутина — лучший участковый инспектор инспекций по делам несовершеннолетних области.

— Хочу быть лейтенантом милиции, как мама, — говорит восьмилетняя Таня.

Людмила Ивановна Барабанова, говоря ее словами, «ни малейшей мысли о работе в милиции никогда не имела». Она воспитывала детей в детском саду, учила ребят в школе. И если бы не случай, так бы и прошла мимо своего призвания. Теперь не представляет себя без этой работы.

— Трудно? — спросила я.

— Трудно. Но я занимаюсь любимым делом. — И, чуть задумавшись, энергично, добавила: — Только из-за одного Димки и то бы начала все сначала.

Кто же такой Димка?

Мальчонке было семь лет, когда его поставили на учет в детской комнате милиции и завели профилактическое дело. Основание: за бродяжничество и кражи.

Где он только не побывал! Причем признавал только самолет или пароход — железнодорожного транспорта не принимал. Воровал в группе подростков. Воровал лихо и много. И было еще у него две страсти — много читал и любил собак.

Как-то приболудилась к их компании бездомная дворняжка. Ребята кормили ее, поили, одним словом, заботились. А потом... потом сожгли. Облили бензином и сожгли.

— Мне кажется, — сказала, заканчивая свой короткий рассказ Людмила Ивановна, — тогда начался в Диме перелом. Это очень повлияло на мальчика.

Сейчас Дмитрию А. восемнадцать лет, и восемь из них Барабанова день за днем боролась за него. Последнее ее педагогическое решение (последнее ли?) — определение Димы в студенческий стройотряд «Медик».

— Сейчас Дима работает. Хорошо работает. И я верю в него.

— Заходит сюда?

— А как же! — энергично проговорила Людмила Ивановна и счастливо улыбнулась.

Просматривая профилактические дела, где было сказано: «Считаю возможным снять подростка с учета в инспекции по делам несовершеннолетних в связи с исправлением поведения», — я проникалась радостью инспектора.

А сколько раз вот так же писала Нина Ивановна Бритакина, инспектор с самым большим, почти двадцатилетним стажем?

У члена бюро райкома комсомола Нины Бритакиной был выбор: ей предложили работать в райисполкоме или в органах милиции. Комиссара оперативного комсомольского отряда при линейном отделении милиции больше привлекало второе предложение. Она чувствовала, что у нее «получается с подростками». На чем же удерживается это «получается» все долгие годы? Опять-таки на искренней заинтересованности судьбой другого человека, на желании помочь ему во что бы то ни стало в трудную минуту, на ее удивительной способности вступать в контакт с ребятами, хотя не каждый пустит к себе в душу, особенно тяжело с агрессивными, зараженными микробом

жестокости. И тогда помогает не только сердце. Помогают опыт, практика, юридическое образование.

Десятки чужих судеб взяли на себя работники инспекции по делам несовершеннолетних. А ведь все они — матери, у всех есть свои дети. Но и чужие судьбы для них вовсе не чужие. И чужих ребят они называют не иначе как «Милый Андрюша», «Мой Толик», «Золотой был мальчик». Все ли родители так называют своих сыновей и дочерей? К несчастью, нет! На память приходят фразы иного содержания.

Что посеешь...

— Наконец-то он попался, заберите его. Я так ждала этого дня! — говорила мать о четырнадцатилетнем сыне.

— Лишить ее материнства. Разве это мать! Она... — И следовало страшное выражение, которым отец-старик характеризовал поведение взрослой дочери.

Когда и откуда приходит такая отчужденность, даже ненависть к людям, которые по крови самые близкие, самые родные? Тут без разговора об ответственности родителей, об ответственности взрослых не обойтись.

К ребятам применяются различные меры социальной профилактики. За проступки, квалифицируемые как преступление, они предстают перед судом (юридическая ответственность определена с четырнадцати лет).

А какую ответственность несут родители, главные виновники разыгрываемых драм и трагедий не на сцене, а в жизни? Штраф в тридцать рублей, душевные переживания, моральные издержки перед соседями и знакомыми? Нередко приходится слышать:

— В кого только такой уродился?

— Это все улица!

Но «плохая улица» может захватить только тогда, когда родители вовремя не сумели объяснить своему ребенку, и не только объяснить, а примером своей жизни показать, что такое хорошо и что такое плохо, когда дом не стал его домом, потому что родители далеки от своего ребенка, его переживаний, стремлений, впечатлений, когда отец и мать не вызвали жажды духовной жизни.

Мир личности складывается с детства. Большое значение для психического развития ребенка имеют

первые годы его жизни, особенно первые пять лет. Если вспомнить Л. Н. Толстого, то он утверждал: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние». А вот что писал А. С. Макаренко: «...Главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и что вы сделали до пяти лет — это 90% всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается». А если до пяти лет не воспитать ребенка как нужно, считал он, то потом придется его перевоспитывать.

Годы отрочества и юности — годы второго рождения человека, ибо именно в эти годы формируется гражданин нашего социалистического общества. И нам не безразлично, каким он будет.

Контингент ребят, с которыми приходится встречаться капитану Брагиной и ее коллегам, относится к категории перевоспитуемых, причем поддающихся этому процессу с трудом. И понятна обеспокоенность инспекторов, что не всегда семья является их союзником. Больше того, к сожалению, есть немало семей, которые сами доставляют немало хлопот инспекции. Только у одной Ишутиной на учете состоят двадцать пять неблагополучных семей. Это кроме тридцати двух подростков!

Как-то, присутствуя на заседании комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкоме, я насчитала всего... двух отцов. Причем один из них начал было оправдывать своего сына, выпившего с друзьями винца на деньги, которые, как сказал этот отец, «на Руси принято дарить в день рождения» (где он нашел такой обычай?). Словом, ответ за своих взрослеющих сыновей в основном держали матери. А отцы? Есть над чем задуматься.

Знакомясь с педагогической литературой, я натолкнулась на такие вот безрадостные цифры: лишь в десяти семьях из ста родители бывают вместе с детьми в театрах, кино, на прогулках. Исследуя семьи неблагополучных подростков, ученые выяснили: в каждой третьей отец не занимается бытовым трудом, не приучает детей что-либо мастерить. Зато иные в избытке имеют время на выпивки. А водка не только губит жизнь тех, кто ее пьет, но и обедняет существование их детей. Кроме того, подростки склонны к подражанию взрослым.

Как бы подытоживая наш разговор о некоторых родителях, Нина Ивановна Бритакина очень категорично, сухо сказала:

— Распустились совсем. Не хотят детьми заниматься, учиться искусству их воспитания.

Все ли в порядке?

Белоголовый мальчонка с испуганными и мокрыми от слез глазами забился в угол и, горько всхлипывая, повторял: «Мама, мамочка!».

Как объяснить крохотному Сереже, что нельзя больше оставаться ему с мамой, что его мама — опустившаяся женщина, пьяница и тунеядка?

И еще щемящая сердце сцена:

— ...Не забирайте у меня Юрочку. Поверьте, в последний раз.

Перед членами комиссии райисполкома по делам несовершеннолетних — стояла молодая женщина. Светловолосая, аккуратно подстриженная, в модном платье и в босоножках на танкетке, она скорее напоминала старшую сестру Юры, но никак не мать, которую вызвали на комиссию, чтобы рассмотреть вопрос о лишении ее материнских прав.

Лишение родительских прав, лишение материнства — для инспекторов это как тяжелая болезнь, огромное душевное потрясение. Однако в интересах ребенка приходится прибегать и к подобной мере, если все другие меры воздействия исчерпаны. Так оказались в детском доме четырехлетний Сереженька и его двенадцатилетняя сестра. Дети стали сиротами при живых родителях! Юрочкиной матери дали «последнюю возможность», надеясь, что одумается, образумится наконец, исправит свое поведение и перестанет бросать малютку по ночам ради поисков будущей счастливой жизни.

— Сыночек — твое будущее, твой росточек любви, — говорила ей Валентина Васильевна и, возможно, вспоминала свою мать, родившую и воспитавшую одиннадцать детей. Слова песни: «Милая моя, добрая моя, нежная моя мама» — это про Прасковью Филипповну, которая была хранительницей домашнего очага, хозяйкой дома, его добрым духом. И пока была жива, слетались в родное гнездо взрослые дети, ее сыновья и дочери.

Великий дар быть Матерью дан женщине самой Природой. Женщина носит под своим сердцем мальчика, воспитывает сына, будущего мужчину. И, наверное, права

народная мудрость, утверждающая, что надо прежде всего хорошо воспитать женщину, потому что мужчина — уже производное.

Вы не задумывались, почему первые слова, которые произносят наши дети, — «дай-дай!» и «ма-ма»? Мне кажется, если в малышкином «дай-дай!» выражается инстинкт борьбы за существование — дескать, я живу, хочу есть, играть, то в его «ма-ма»! — потребность в ласке, тепле, защите. И недавно я вдруг нашла подтверждение этой своей мысли у Сергея Образцова. Приведу его слова дословно (он пишет о посещении детского дома в Польше):

«Там были разные дети — и большие, и маленькие. Сперва они стеснялись людей, говорящих на похожем и совсем непонятном языке, потом развеселились и один мальчик залез ко мне на колени. Лет, наверное, трех, может, меньше. Был он в одной рубашонке, веселый, толстенький. Опрокинулся навзничь, и я хлопал его по маленькому круглому животу. Тогда он обнял меня, поцеловал в щеку и сказал: «Мама». Он был сиротой. У него не было ни папы, ни мамы, и значит, слово «мама» вмещало для него такие понятия, как дорогой, любимый, родной».

...И еще одна короткая история, которая возвращает нас в инспекцию по делам несовершеннолетних.

— Как тебя мама ласково зовет?

— Никак...

— Может быть, сейчас она сердита на тебя, расстроена твоим поведением, а раньше?

— Ну как... Витька.

Витька сидел беспокойно, то и дело озирался по сторонам и тревожно спрашивал:

— Валентина Васильевна, а мама придет?

— Придет, обязательно придет, — говорила Брагина, хотя сама не очень-то была в этом уверена.

Накануне отправки Вити К. в спецшколу она позвонила его матери:

— Придите, пожалуйста, завтра к сынишке.

— А зачем? — раздраженно прозвучало в телефонной трубке.

— Как зачем? Это же ваш сын! Поговорите с ним, скажите хорошие, добрые слова, напутствие.

Она все-таки пришла, но даже не села рядом с сыном.

Чувствовалось, что ее тяготят оставшиеся до прощания полчаса.

Валентина Васильевна пожалела, что, понадеясь на Витину мать, не забежала по пути в магазин и не купила пряников...

Сейчас Виктор К. в спецшколе. Как сложится его дальнейшая жизнь, пока сказать трудно. Но недавно Валентина Васильевна Брагина получила от него письмо. Кончалось оно словами: «Все в порядке».

Наташенька еще совсем маленькая. «Хочу папе-маме», — говорит она и пытается удержать в своих маленьких ладошках папину и мамину руки. Она счастлива. Так пусть же будут счастливы и другие дети!

◆

БЕЗ ПРАВА НА ПОКОЙ

Далеко за полночь в квартире начальника отдела уголовного розыска Садкина раздался требовательный, продолжительный звонок. Не успев разомкнуть сладко спяющие веки, Иван Михайлович нащупал телефонный аппарат, который стоял рядом, в изголовье кровати.

— Слушаю.

— Товарищ подполковник, докладывает дежурный...

— Да, да, слушаю.

Говорить он старался как можно тише, чтобы не разбудить жену с детишками, но, как всегда, усилия его ни к чему не привели. Анна Александровна, накинув халатик, уже спустила ноги на пол, неслышно ступая, прошла к выключателю. Тем временем Иван Михайлович, придерживая возле уха трубку одной рукой, другой подтягивал к себе одежду, аккуратно повешенную на спинку стула.

Сколько раз поднимали такие вот звонки Садкиных среди ночи? Не сосчитать! Анна Александровна вроде бы к ним привыкла, на то, что после них Иван Михайлович частенько довольно надолго уходил из дома, не обижалась, не жаловалась: знала, за кого выходила замуж. Тогда, много лет назад, он, выпускник Елабужской специальной средней школы милиции МВД СССР, сказал:

— Это, Аня, дорога всей моей жизни. И, может, будет на этой дороге больше шипов, чем роз. Пожалуйста, подумай.

Она подумала, затем спокойно, не рисуясь, ответила:

— Будем, Ваня, вместе.

Возможно, впоследствии все-таки каялась? Нет, ни разу! И лишь сейчас вот, впервые за долгие годы совместной жизни, у нее непроизвольно вырвалось:

— Господи, хотя бы один выходной!

Иван Михайлович вскинул на жену глаза и тут же

виновато их опустил. Ведь вечером он твердо-претвердо пообещал:

— Завтра воскресенье, махнем за Волгу. Покупаемся, позагораем, на песке поблаженствуем.

— Ура! — закричал Слава. — Ур-ра!

Подражая старшему братишке, который уже в седьмой класс перешел, захлопала в ладошки и двухлетняя Таня: «Уля, уля!»

Это была давняя мечта Садкиных — всей семьей отправиться на тот берег Волги. Да только никак она не получалась: едва Иван Михайлович заканчивал одно, по обыкновению важное и неотложное, дело, как тотчас начинал другое, тоже важное, тоже неотложное. Какие тут выходные, какой отдых?! Но вот, наконец-то, образовалось свободное окно, и Иван Михайлович поспешил обрадовать домочадцев: махнем за Волгу. Ан нет, снова не вышло, снова сорвалось...

Он легонько притянул к себе жену, прикоснулся губами к ее еще теплой после сна щеке.

— Что поделаешь, Аня, служба такая... — и, уже прикрывая за собою дверь, закончил словами любимого поэта: — Покой нам только снится!

Рысь распрямляет когти

1

В этот день Курасов вернулся с работы домой под хмельком да еще бутылку «Старки» принес, а к ней — обильную закуску. И про сына, про Петьку, тоже не забыл: протянул торжественно пакет мандаринов, за которые на крытом рынке спекулянтам наверняка не меньше пятерки заплатил.

Зная прижимистый характер мужа, Лизавета покачала головой, подумала: «Видно, блажь накатила». Вслух же поинтересовалась:

— Калым хороший подвернулся?

— Бери, женушка, выше.

— Кошелек на дороге подобрал?

— Еще выше!

Лизавета развела пухлые руки в стороны.

— Ну тогда уж я и не знаю...

— То-то, — засмеялся Курасов, — то-то!

Он аккуратно поставил на стол водку, неторопливо выложил из авоськи малосоленные огурцы в целлофановом мешочке, банку килек в томатном соусе, венгерское салоспиг, круто посыпанное красным перцем... Окинул все это хозяйским взором, остался доволен.

— То-то и говорю, женушка, где тебе догадаться. Кишка тонка.

— Ну да, ну да, — зачастила Лизавета, — я у тебя всегда дура, я...

— Обиделась? Экая ты, право, и пошутить нельзя. Так слушай: на заводе премию мне нынче отвалили.

— Ой, Вася! И много?

Курасов снова засмеялся:

— Нам с тобой хватит. Но это, Лиза, не все, то есть не это главное. Главное, мою фотографию на доску Почета повесили.

— Не шутишь? Ну, раз такое дело!... — Лизавета сама откупорила «Старку», сама наполнила рюмки. — За твои успехи, Вася!

— За успехи, — хмыкнул Курасов, придавая словам жены совсем иной, одному ему известный смысл, — за успехи...

Сидели они за столом долго, до тех пор, пока не опорожнили бутылку. Лизавету заметно «повело», Курасов же будто и не пил. Такое с ним бывало. Порой с одного стакана водки начинал кренделя выписывать, а случалось, поллитровку залпом из горлышка выцеживал — и ни в одном глазу. Это когда был сильно чем-нибудь озабочен, встревожен или, как сейчас вот, по-настоящему обрадован.

— Чего уж там кривить душой, — сказал он сегодня на собрании, принимая из рук председателя профкома конверт с деньгами, — чего кривить: хотя трудимся мы и не ради славы, а все приятно, если тебя замечают, если тебе оказывают уважение и почет.

Товарищи по цеху аплодировали ему охотно и дружно, аплодировали тому слесарю-сантехнику Василию Васильевичу Курасову, которого знали. Знали же они его как человека скромного — никогда не бахвалится, приветливого и отзывчивого — в трудную минуту непременно приободрит участливым словом, в меру пьющего — никто не видел его на заводе пьяным, безотказного в работе — надо, задержится после смены и на час и на два, пока не

сделает порученного дела. Ну а попросит кто одолжить трешницу или даже десятку — без разговора протянет, ибо деньги при себе он всегда имел, правда, зря ими не сорил.

— Они ведь, — улыбался, — кровные, на земле не валяются.

С ним охотно соглашались. Говорил-то он сущую правду.

Но кто же такой был в действительности Курасов?

2

Редкий человек живет без мечты, и у каждого она своя. Один спит и во сне видит себя артистом, другой готов отдать половину своего состояния, лишь бы получить редкостную, выпущенную еще в прошлом веке почтовую марку, третьего неудержимо зовут и манят дальние страны... У Курасова тоже была мечта, и зародилась она давно, когда он был не Василием Васильевичем, а просто Васькой.

— Эх, — прикрыв зеленоватые глаза, поделился он ею однажды со своими дружками, — займешь бы много-много денег!

— Зачем?

— Ка-ак зачем, ка-ак... — От возбуждения у него в горле сперло. — Да я бы тогда, я бы...

— Чего заикнулся-то? За троих мороженое, что ли, есть станешь? Или сразу по двое штанов носить будешь?

Курасов презрительно фыркнул:

— Темнота!

Разговора на эту тему больше не начинал, и ребята о нем скоро забыли, тем более что серьезного значения ему не придали. Сыты, одеты, обуты — чего еще надо? И в будущем все дороги для полноценной жизни открыты: хочешь — учись, хочешь — работай. Но Курасов рассудил по-своему: учиться, чтобы стать, скажем, инженером, врачом или учителем, — хлопотно и долго, работать — и того хуже, от работы лошади дохнут. А потом, продолжал он рассуждать, такая ли большая выгода, если выучится, например, на того же учителя или впряжется в родном колхозе в лямку механизатора? Не маленький, знает, сколько они получают. Нет, ему нужны бо-ольшие деньги, и добывать он их будет другим путем. Каким?

Курасов посмотрел на свои тонкие, длинные — про такие говорят: музыкальные — пальцы, стиснул их в кулак, затем снова распрямил, проговорил вслух:

— Ловкость рук и, кхе-кхе-кхе, никакого мошенства.

Первая кража прошла вполне успешно. Правда, в бумажнике, который Курасов вытащил на Курском вокзале из кармана пожилого майора с гвардейскими усами, оказалось всего-навсего семьсот рублей с копейками. Не густо. Но ведь и дались они без особых усилий, и времени ушло не ахти сколько. Около часа на электричке до Москвы (жил он недалеко от Подольска) да там примерно столько же крутился среди пассажиров. Их тогда было на вокзале — пушкой не пробьешь. Кто с фронта возвращался, кто из госпиталя, а кого, наоборот, в госпиталь везли. Война-то закончилась недавно, и года не прошло.

Вторую кражу Курасов совершил у кассы столичного кинотеатра «Художественный», третью — на колхозном рынке, что находился в пяти минутах ходьбы от Тверского бульвара. Поскольку обе они, как и на Курском вокзале, завершились удачно, уверовал: он на правильном пути, фортуна будет улыбаться ему и дальше. А раз так, можно было начинать складывать деньги. Раздобыл старинную жестяную коробку из-под монпансье, уложил в нее, плотно обернув водонепроницаемой бумагой, первые две тысячи. Но, к искреннему его недоумению, они оказались и последними, ибо очередной вояж в Москву закончился тем, что Курасова препроводили, как говаривали раньше, в казенный дом.

Тогда, в тысяча девятьсот сорок шестом, ему шел девятнадцатый год.

3

Подольский народный суд Московской области приговорил Курасова к одному году лишения свободы, хотя он заслуживал более сурового наказания. Но суд учел и молодость преступника, и его чистосердечное (сцену нечаянно заблудшей невинной овечки разыграл он мастерски) раскаяние. Было взято во внимание и то, что год — срок вполне достаточный, чтобы осужденный хорошенько подумал о своем прошлом, настоящем и будущем, сделал соответствующие выводы и, отбыв положенное наказание, занялся честным трудом.

Действительно, Курасов думал более чем усердно и выводы тоже сделал, да только не те, которые следовало сделать. Все его умственные усилия и способности были направлены на одно: четко установить, где он допустил промашку, какие принять меры, чтобы, выйдя на волю, ее не повторить.

«Самое важное, — пришел он к заключению, — знать не только когда, где, что, но и у кого воровать».

Почему он влип? А потому, что та тетка в трамвае, у которой попытался снять с руки часы, его самодельной финки не испугалась, к тому же оказалась неправдоподобно горластой. Значит, очищать надо тех, кто трусоват и слабоват, неповоротлив и рассеян. И еще: ни в коем случае не мозолить глаза милиции одного и того же города, даже, подобно Москве, со сверхмиллионным населением...

После выхода на свободу из родного Подольского района Курасов перебрался в Калинин. Чтобы отвести от себя возможные, особенно на первых порах, подозрения, устроился на один из заводов учеником слесаря. При этом проявил столь похвальное усердие, завидную понятливость и сноровку, что сменный мастер уже через полмесяца пришел к начальнику цеха.

— У парня золотые руки. Надо переводить на самостоятельную...

Перевели и не покаялись. Работал Курасов старательно, производственную дисциплину соблюдал строго: в цех являлся раньше гудка, уходил позже, инструмент берег, в отношениях был ровен и предупредителен. И окружающие его люди решили: надежный, примерный товарищ. Решили, ни разу, к своему же несчастью, не поинтересовавшись, а чем молодой преуспевающий слесарь занимается вне территории завода, с кем водится, куда уходит по ночам из общежития.

Словом, личная жизнь Курасова для тех, кто трудился с ним плечом к плечу, была за семью замками. И когда однажды утром он не явился в цех к началу смены, там лишь легонько покачали головами.

— Ай-яй, видать, проспал парень.

Между тем в эту ночь Курасов вообще не ложился. Сговорившись с бывшим уголовником по кличке Барон, он проник в чужую квартиру, предварительно точно установив: ее хозяева, люди весьма состоятельные, выехали на загородную дачу с ночевкой. Навели грабители справку

и о соседях намеченной жертвы. Тут тоже оказалось все в ажуре: муж с женой, оба в преклонных годах и оба вдобавок инвалиды. Он вернулся с войны без ноги, она сердечница, давно на ладан дышит. Таких бояться — кур смешить. И, подражая Барону, Курасов расхаживал по чужим комнатам, как по собственному дому. Эх, если бы только ему знать, что именно в этот вечер к соседям приехал в краткосрочный отпуск сын-пограничник. Но ни Курасов ни Барон того не знали.

Сначала грабители внимательнейшим образом осмотрели выдвижные ящики письменного стола и комода. Трофеи достались приличные: золотое кольцо с рубиновым камнем, золотые же серьги, увесистая пачка облигаций и заграничная, в виде пистолета, зажигалка. Затем сняли со стены вместе с персидским ковром двуствольное ружье-бескурковку, потом принялись вытряхивать из гардероба одежду. В тот момент, когда держали совет, брать каракулевую шубу или нет — уж очень здорово поела моль, от двери раздалось негромко, но повелительно:

— Руки вверх!

На мгновение грабители оцепенели, однако лишь на мгновение. Метнув взгляд на дверь, увидели: в ее проеме — примерно их же возраста крепыш в пограничной форме сержанта. Сразу чувствуется — силен и смел, но ведь один! И без оружия, вместо него в руках — массивная деревянная табуретка. Барон и Курасов, не сговариваясь, выхватили ножи, пригнувшись, шагнули к сержанту. Тот с места не сдвинулся, лишь поудобнее перехватил ножку табуретки да под густыми бровями сузились глаза, и заметно затрепетали резко очерченные ноздри слегка горбатого носа.

Курасову, вероятно, лучше бы, как это сделал Барон, приостановиться, тогда дальнейшие события могли принять несколько иной оборот. Но, подобно зверю, попавшему в западню, он потерял власть над своим разумом и думал только об одном: вырваться, любой ценой вырваться. Для этого надо незамедлительно, иначе будет поздно, убрать с дороги ненавистного сержанта. А до него уже считанные шаги. Пять, четыре. три... Курасов напрягся, взмахнул ножом и... тут же провалился в черную глухую бездну. Смертельно раненный сержант успел-таки опустить табуретку на голову бандиту.

Очнулся он от нестерпимой боли, и первое, что

увидел, — переплетенное металлической решеткой окно. По телу его прошла короткая судорога, а из горла вырвалось нечто дикое, нечленораздельное.

— А-о-ууу!...

Так воет издыхающий волк.

Жестокое, тяжкое преступление подлежало не менее суровому наказанию. Курасова привлекли к ответственности по статье 59—3 Уголовного кодекса Российской Федерации. А статья эта гласила, что «организация вооруженных банд и участие в них и организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан... влечет за собою

лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела...»

Да, Курасова могли и расстрелять. Однако Калининский областной суд и на сей раз счел возможным проявить снисхождение. Вместо расстрела Курасова приговорили к лишению свободы сроком на двадцать пять лет.

Тогда, в тысяча девятьсот сорок восьмом, ему шел двадцать первый год.

4

Итак, двадцать один и двадцать пять. Курасов должен был выйти на свободу в сорок шесть лет. Что и говорить, возраст почтенный. К этому возрасту люди успевают и на благо общества основательно потрудиться, и в личной жизни намеченной цели достигнуть, и стать родителями взрослых детей. А что ждет в сорок шесть его, блеснет ли там, впереди, хоть слабый луч надежды на счастливый поворот судьбы? Надежды почти никакой... Однако не даром, видимо, Курасов верил в свою фортуна. Стечение различных обстоятельств, в том числе переквалификация Верховным судом Коми АССР статьи 59—3 Уголовного кодекса на другую, более легкую, привело к тому, что он был освобожден уже в апреле пятьдесят шестого года.

Казалось бы, теперь-то Курасов образумится, поймет, что жить дальше так, как жил до сих пор, нельзя. Ничего подобного. Страсть к деньгам затмила перед ним весь

белый свет. Разбогатеть, во что бы то ни стало разбогатеть — таково по-прежнему было его единственное желание и стремление. И способ, при помощи которого рассчитывал осуществить задуманное, оставался все тот же: воровство, грабеж, разбой. Суровые уроки не пошли ему впрок. То, что он не за столь уж длительное время второй раз оказался за решеткой, объяснял не закономерностью, а чистой случайностью. Если бы, говорил себе, неожиданно-негаданно не явился в отпуск сержант-пограничник да не раззява Барон, который дверь в квартире оставил незапертой, было бы все шито-крыто. Это уж как пить дать. Следовательно, коль очищать чужие квартиры не в одиночку, то напарник должен быть надежный на все сто процентов. Ну и самому, разумеется, надобно получше шевелить мозгами. Вытащил у кого-то из кармана кошелек, очистил чей-то дом — моментально смойся, растворишься, как дым, чтобы от тебя ни духу ни слуху. Был и нет, один пшик, кхе-хе-хе, на добрую память остался.

Надо отдать Курасову должное: постигая и одновременно совершенствуя воровскую науку настойчиво, целеустремленно, он во многом преуспел. У него развился особый нюх — мгновенно определял, где можно пожить, а где нет; выработалась особая кошачья походка — мягкая, крадущаяся, бесшумная; дерзость стала сочетаться с осторожностью; в сердце не осталось ни одного доброго чувства — только холодный беспощадный расчет, только жестокость.

— Послушай, кореш, да ты не человек, а рысь! — как-то воскликнул один из приятелей Курасова, восхищенно заглядывая в его зеленоватые, с пронзительными искорками глаза. — Ей-ей, настоящая рысь! Торжественно нарекаю тебя, раба божьего, этим прозвищем. Аминь!

Кличка Курасову понравилась, и она прочно, как пиявка к голому телу, присосалась к нему. Понравилась же потому, что был наслышан: рысь — зверь неуловимый. А он как раз и хотел быть таким. И, выходит, стал. Из этого следовало: отныне он, Курасов, для стражей законности и порядка — что ветер в поле. Попробуй-ка поймай и задержи.

Тут Курасов впадал в глубокое заблуждение, свойственное для всех без исключения преступников. Заключается их заблуждение в том, что, с одной стороны, они чрезмерно преувеличивают свои умственные способности и физические возможности, с другой — значительно недо-

оценивают эти качества у работников милиции. Почему? Видимо, в немалой степени потому, что иным преступникам какое-то время действительно удается оставаться безнаказанными за свои злодеяния. Но только какое-то. Рано или поздно возмездие непременно наступает. Это ведь как гнойный нарыв, как злокачественная опухоль. До поры до времени их можно не замечать, можно даже терпеть, но затем следует хирургическое вмешательство.

Так вот, о рыси. Спору нет, зверь сильный, коварный, жестокий. Тем не менее и она попадает на мушку опытного охотника, и с рыси сдирают шкуру... То же самое примерно происходило и с Курасовым. Несмотря на всю его воровскую изобретательность, предусмотрительность, профессиональность, он снова и снова оказывался на скамье подсудимых. Читатель, очевидно, помнит, что после неудавшегося ограбления квартиры в Калинин и последовавшего затем наказания Курасов очутился на воле в пятьдесят шестом году. А спустя несколько месяцев народным судом третьего участка города Воркуты снова был приговорен к пяти годам. Освободился в январе шестидесятого. Утихомирился? Нет. Прошло семь лет — предстал перед народным судом Кинельского района Куйбышевской области. Мера наказания — четыре года лишения свободы.

Тогда, в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом, ему исполнилось сорок лет.

5

Очередной выход Курасова на свободу состоялся в семьдесят первом году. То был первый случай, когда срок наказания отбыл он полностью. Не скостили, как делалось раньше по разным причинам, не то что год или хотя бы месяц, не скостили ни единого дня. Пришлось крепко и надолго задуматься: как быть дальше? А что если снова попадешься с поличным, получишь на полную катушку и будешь снова отбывать срок от начала и до конца? Тогда ведь можно остаться на бобах, ибо — чего уж там хитрить перед собой — большая часть жизни осталась позади, под уклон покатилась жизнь-то. Вон и виски запорошило, и под глазами мешки, и вокруг подбородка дряблые складки — бриться приходится с опаской. Тогда что же, поставить на неосуществленной

мечте крест, поднять руки, мол, пардон, не по зубам она мне, сдаюсь? Черта с два! Еще не все потеряно, еще руки-ноги целы, голова на плечах, а кого потрошить, ххе-хе-хе, всегда найдется. Иное дело, действовать наверняка, ни в коем случае больше не рисковать, только наверняка!

Подготовку Курасов начал не спеша, издалека. Прежде всего обзавелся семьей. Не потому, что надоело быть холостяком, довольствоваться случайными «марухами», а чтобы иметь в глазах окружающих людей определенный вес, солидность. Подругу жизни выбрал в годах, со взрослой дочерью. Правда, на лицо Лизавета не удалась, фигурой тоже не очень вышла, и водился за нею грешок — была не дура выпить. Зато характер имела что надо! Ворчала лишь для виду, по пустякам — в серьезном деле язык держала за зубами намертво. Деньги любила, счет им знала, как они попадают к ее новому мужу, не допытывалась, потому что руководствовалась железным правилом: деньги не пахнут. Не менее, а, может быть, особенно важно было еще то, что у Лизаветы имелся в Куйбышеве собственный дом. Так что Курасову, который после каждого выхода на свободу менял место жительства, ломать на сей раз голову, куда податься, не пришлось. Одновременно отпали и связанные с пропиской хлопоты. Верно, жила Лизавета на окраине старого города — деревянной, одноэтажной. Но это-то и хорошо. В каком-нибудь кирпичном или панельном небоскребе лишь на одной лестничной площадке за день тебя ощупают сотни глаз. А дом Лизаветы обнесен высоченным забором, доски подогнаны — ни щелочки, вдоль калитки и ворот бегают не привязанный и охрипший от лая голодный Джульбарс, так что чем бы ты ни занимался, не догадается ни одна душа.

Впрочем, еще продолжался «медовый месяц», а Курасов заявил жене:

— Чего нам, Лиза, загораживаться от других? Пусть видят, не ханыги какие живут, не воры-разбойники. В амбаре сварганю мастерскую — приходите, люди добрые! — а Джульбарса — на цепь.

Первый муж Лизаветы был оригиналом: амбар построил не во дворе, а за его пределами, в огороде. В общем, не так, как принято у всех. Словно предчувствовал старик, с кем после него разделит мягкое ложе его супружница, для каких тайных целей будет «сварганена» мастерская...

Не прошел и год, а по всему порядку пошла слава: Лизке-то губастой достался не мужик, а клад, не руки у него, а золото. Хочешь — ведро починит, лейке оторванный сосок приделает, а хочешь — новую мотыгу смастерит, и паять может, и лудить... И все это задарма, то есть сам цену не назначает, денег не просит. Ну, конечно, люди не без понятия, соображают, какой резон возиться человеку с чужими жестянками бесплатно, и там, где работы на полтинник, рублевку сунут, где на рублевку — трешницу.

— Возьми, Васильич, не обижай.

Ну, возьмет, а только не утерпит, скажет:

— Напрасно ты это, соседushка, право слово, напрасно. Я ведь чего слесарничаю, столярничаю? Чтобы от безделья не томиться. День на заводе, а два дома, вон сколько свободного времени. Куда его девать? К рыбалке не приучен, заглядывать на дно бутылки тоже не по мне...

Слава — шутка своенравная и капризная. Если ее нет, то уж нет, а есть — нарастает, будто снежный ком. Вскоре о Курасове заговорили и как о семьянине, достойном всяческой похвалы. Выдал он падчерицу замуж и, по самым скромным подсчетам гостей, свадьба обошлась ему тысяч в пять. А этих гостей пригласил около сотни, столы накрыл — не во всяком ресторане такое увидишь. Ешь что хочешь, пей сколько хочешь. Трое суток без передышки гуляли. На что уж Лизавета дочь родную выдавала, а не удержалась, попрекнула:

— Этак ить совсем разоримся, Васенька.

Он лишь тугой бровью повел.

— Не твоя забота, женушка. — Кивнул на Петьку, который еще совсем недавно без штанов ходил. — Доживет до женитьбы, и ему справим не хуже. Даже лучше справим! — После долгого молчания добавил внушительно, выделяя в отдельности каждое слово: — Время от времени полезно пускать людям пыль в глаза. Усекла?

— Чего уж не усечь. Но неужто и на работе стараешься из-за энттой... из-за пыли?

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил Курасов и тут же постарался замять щекотливый разговор.

Да, работал он для «пыли», однако, кроме него самого, об этом никто не знал. А не зная и не догадываясь, что перед ними оборотень, товарищи по цеху принимали за

чистую монету все то, что он говорил, делал, оказывали ему все большее доверие, уважение, почет. Пришла пора, и его удостоили высокого звания — звания ударника труда.

«Ну, — ликовал Курасов, — точка, можно начинать!»

Не начинал, медлил. Снова и снова прикидывал, рассчитывал, уточнял. Не щадя силы, времени, продолжал укрепляться в общественном мнении. И вот сегодня на доске Почета цеха появилась еще одна фотография. Под ней подпись: «Дежурный слесарь-сантехник В. В. Курасов».

Теперь все, вбит последний гвоздь!

...Лизавета, сладко похрапывая, видела, наверное, уже не первый сон, а Курасов все сидел за столом, положив на него тяжелые, крепко стиснутые кулаки. Наконец, приняв окончательное решение — начинать, разжал онемевшие пальцы. Тонкие, закорюченные, при блеклом свете луны (электричество было давно выключено) они напоминали когти того самого зверя, от которого Курасов получил свою кличку.

Рысь выходит на охоту

1

На подготовку к последнему и, как он сам определил, решительному выходу на грабительскую тропу Курасов затратил семь лет. И все эти семь лет ему не давали покоя два вопроса. Первый: что должен стать основным объектом предстоящих воровских операций; из кого сколотить немногочисленную, в три-четыре человека, группу, но крепкую, надежную, на которую мог бы положиться, как на самого себя. После долгих бессонных ночей решил: карманы и частные квартиры исключить полностью. Люди поумнели, даже самая последняя базарная торговка дневную выручку теперь не в чулок сует, не в кубышке глиняной прячет, а норовит положить на сберегательную книжку. С квартирами тоже морока, дома стали строить — в одном запросто разместится целая деревня. Сумей-ка из такого дома незаметно вынести пару, скажем, чемоданов. Дудки! А вот если шуровать по сейфам не очень больших учреждений, где охрана не столь строгая, руки погреть можно.

Сложнее было со вторым вопросом.

Сначала Курасов прощупал своего сменщика — человека желчного, всегда и всем недовольного, ради бутылки, кажется, готового собственную душу черту заложить. Преподнес ему сто граммов с прицепом¹ (алкоголику больше и не надо), как бы между прочим сказал:

— Вчера, брат Федя, занятную заметку в газете прочитал. Один... парень в районном банке сейф взломал...

— ?

— ...а в нем десяток пачек денег.

— Ну и чего?

— Забрал, конечно.

— Я не о том, Васильич. Чего, говорю, тому взломщику-то?

— А-а... Известное дело, дали срок.

— Срок, срок... — Федор икнул, матюкнулся, заметно и сразу протрезвел. — Я бы такую сволоту бессрочно, к стенке! Чтобы другим было неповадно. Потому как на чужой каравай рот не разевай...

Потом подобное же зондирование, лишь с различными вариациями, Курасов провел бесчисленное количество раз и в конце концов нашел того, кого хотел. Им оказался некто Виктор Ковалев, двадцати пяти лет от роду, нигде не работавший. Встретил Ковалева Курасов на кочующем (определенного места в городе у него не было, мотался из одного района в другой) птичьем рынке у бывшего Цыганского базара.

Ковалеву, страстному голубятнику, до коликов в животе понравился турман. Необыкновенного изящества и расцветки, а денег на покупку не хватало. У него было семнадцать рублей, хозяин же турмана запросил четвертную и не уступал ни копейки.

— Хочешь, — уговаривал Ковалев, — рубашку впридачу кину, только два раза стиранная, слышь? Туфли сниму, еще почти целенькие, слышь? Ну, жмот! Ну, барыга! Слышь, что ли?

Ни в какую!

— Охота тебе унижаться, приятель? — вмешался в разговор Курасов. — Знаю я этих типов, они за гривенник задушатся. — Неожиданно поинтересовался. — Где живешь-то?

— На Ветлянской. А что?

— Да так. Я на Кабельной. Ка-бель-на-я. Запомнишь? — Курасов вынул из внутреннего кармана пиджака бумажник, отсчитал восемь рублей. — Держи. Разбогатеешь — вернешь.

— А ежели обману?

— Меня?

Они встретились взглядами. Из глаз в глаза будто ударил электрический заряд. И оба мгновенно поняли: свои! Но Ковалев интуитивно почувствовал и другое — неизмеримое превосходство над собой Курасова. Потому проговорил совершенно изменившимся тоном:

— Это я нарочно, чтобы рисануться. А сармак ... Конечно же, как только будут, принесу.

Курасов еле приметно усмехнулся:

— О чем и разговор. Ты ведь не какой-то паршивый баклан.

И опять скрестились их взгляды. И опять в глаза из глаз — электрические искры. И хотя по-прежнему молчаливое, но полное признание: свои, свои!

Ковалев пришел в конце недели. Курасов сразу же увел его в слесарку, прихватив с собой поллитровку «Московской». Спустя некоторое время еще одну такую посудину принес позванный Лизаветой сорокапятилетний деверь Иван. Тертый-перетертый калач (первый раз, в 1959-м, народный суд Бауманского района Москвы лишил его свободы сроком на один год, последний раз, в 1971-м, народный суд Волжского района Куйбышева — на четыре года, а всего имел пять судимостей), Иван был, в полном курсе всех задумок старшего брата.

2

Кончалось лето. Днем еще бывало тепло и солнечно, а по ночам уже чувствовалось прохладное дыхание приближающейся осени, часто накрапывал дождь. Таким вот хмурым да пасмурным выдался и вечер в ночь на двадцать второе августа. По низкому небу, извиваясь змеинными клубками, плыли тяжело набухшие тучи, протяжно и тоскливо завывал холодный ветер.

— Лучшей погоды не придумаешь, — удовлетворенно заметил Курасов.

Он сидел на верстаке, обитом нержавеющей жестью, в своей слесарке. По правую руку от него — Иван, по

левую — житель села Черноречье, что километрах в шести-семи от Куйбышева, Александр Гайданов, завербованный Курасовым в свою шайку почти одновременно с Ковалевым.

— Погода, говорю, самый раз. Сейчас тронемся. Но прежде... — Умышленно не договорив фразу, Курасов пружинисто прыгнул с верстака и на то самое место, где только что сидел, положил обрез из охотничьего ружья шестнадцатого калибра, рядом — два лоснящихся патрона. — Тебя это, Ваня, — предупредил брата, — не касается. А ты, Саня, погляди, пощупай.

Как бы взвешивая, Гайданов подержал на широких, плохо вымытых ладонях обрез, одобрил:

— Винтарь классный.

Патроны же, через прозрачную целлулоидную прокладку которых отчетливо просматривалась дробь, вызвали у него удивление.

— Картечью, что ли, заряжены? Такими не то что человека, такими и медведя уложить можно.

— Можно, — с нажимом подтвердил Курасов, впившись в лицо собеседника немигающими зеленоватыми глазами.

Гайданов внутренне содрогнулся — убьет, бандит, и бровью не поведет! — но виду не показал, проговорил с достоинством:

— Будь спок, босс. Уговор наш помню, в милицию не побегу. Так что стращаешь меня понапрасну.

— Это я на всякий случай, для профилактики, чтобы ты, кхе-хе-хе, не забывал, какое дело начинаем. — Курасов неувловимым движением взял с верстака обрез с патронами и, не успев Гайданов моргнуть, спрятал под широкой полкой дождевика. — Пошли!

Через несколько минут ходьбы они вошли в третий номер трамвая, не вызвав у пассажиров ни малейшего любопытства. Ведут себя тихо, мирно, одеты прилично, у одного, того, что в плаще, «дипломат» — скорее всего, с вечерних занятий домой возвращаются. Чего ж тут необычного?

У кинотеатра «Мир» Курасов со своими спутниками пересел в «восьмерку», и та благополучно довезла их до Безымянской Тэц.

Еще минут двадцать резвой ходьбы — и широкой слюдяной лентой заискрилась Самара. Двинулись вдоль реки, высматривая подходящую лодку. Сторожа не

опасались — дурак, что ли, торчать на дожде? Наверняка дрыхнет в своей будке. Выбрали фанерную байдарку. Легкая и послушная, она вмиг доставила своих новоявленных хозяев на противоположный берег, послушно ткнулась в него носом.

— Теперь веди, — негромко приказал Гайданову Курасов, после того как они надежно спрятали лодку в прибрежном тальнике. — Не заплутай, темень-то непроглядная.

— Да я тут с закрытыми глазами, село-то, чай, не чужое, — беспечно-бодрым голосом ответил Гайданов, хотя у самого по спине мурашки ползли. Выполняя задание Курасова, он половину минувшего дня незаметно крутился возле магазина. Покинул свой пост лишь тогда, когда продавцы закончили работу и ушли домой. Наторгованные ими деньги остались в магазине — это Гайданов установил точно. Но вдруг, пока он бегал в город, что-нибудь произошло, вдруг денег там уже нет? Тогда ему несдобровать, бандюги, видать, не приведи господи, человека отправить на тот свет им ничего не стоит...

На околице Черноречья Гайданов круто свернул с дороги, повел Курасовых огородами. Они тянулись по отлогому берегу речки, от которой и получило село свое название.

Всю дорогу молчавший Иван легонько придержал брата за мокрый рукав плаща.

— Парень, однако, соображает.

Василий самодовольно хмыкнул:

— Дураков мне не надо.

Когда вышли к магазину, была уже поздняя ночь и по-прежнему моросил мелкий дождь, так что вероятность встретиться с кем-либо из местных жителей полностью отпадала. Тем не менее Курасов распорядился:

— Ваня, покарауль. Мы управимся и вдвоем. В случае чего свистнешь. — Подтолкнул Гайданова. — Двинулись...

Тот осведомился жарким шепотом:

— Будем снимать замки?

Курасов отрицательно мотнул головой, показал на угловое окно:

— Через него.

Окно было надежно защищено решеткой из металлических прутьев толщиной с добрый палец, и Гайданов

подумал: «Разве ее осилишь?». А его старший напарник на пустые размышления времени не терял. Вынул из «дипломата» специально сделанный им для подобных операций разборный ломик — «фомку», поддев им решетку, нажал с неестественной для человека его возраста силой.

Раздался скрежет, показавшийся Гайданову оглушительным и заставивший его затаить дыхание. Курасов тоже замер, ибо скрежет и на самом деле был достаточно громким. Вытянув непомерно длинную шею, напряженно прислушивался: не топает ли кто к магазину, заподозрив неладное? Но Иван сигнала тревоги не подавал, в селе, давно потушившем огни, было спокойно. Лишь на его окраине, где находился скотный двор, протяжно промычала корова, да возле школы поскуливала собака, видно, ей снился дурной сон.

Курасов снова приналег на «фомку». После того как с помощью Гайданова он вырвал решетку, выставить раму особой трудности и сложности уже не составляло.

Не мешкая ни секунды, один за другим проникли в магазин. Гайданов сразу было хотел метнуться к полке с вином и водкой, но Курасов, будто железными клещами стиснув ему плечо, жестом показал: за мной. Слегка растопырив локти, бесшумной и невесомой тенью подобрался к сейфу, однако вскрывать его начал не сразу. Сначала зарядил обрез и положил на перевернутую вверх дном картонную коробку так, чтобы он был под рукой, потом на свои жилистые руки натянул тонкие резиновые перчатки, затем точно такие же молча протянул Гайданову (решетку и раму они взламывали в других, более грубых) и только после всего этого извлек из «дипломата» ножовку.

Жиг, — тонюсенько разнеслось по магазину, — жиг, жиг, жиг!..

Пилили попеременно, без единой передышки. Покончив с верхней петлей сейфа, тотчас принялись за нижнюю.

Жиг, жиг!..

Так десять минут, пятнадцать, двадцать. Наконец и вторая петля перепилена. Спрятав ненужную больше ножовку, Курасов снова пустил в ход свой универсальный ломик. Гайданов невольно сделал шаг назад. Ну как дневную выручку продавцы все-таки сдали, а он не уследил? И едва не вскрикнул от радости, когда за медленно и словно бы нехотя открывшейся дверцей увидел

внутри сейфа аккуратно сложенные пачки денег.

...В город на улицу Кабельную, в слесарку Курасова, они вернулись перед рассветом. Мокрые, усталые, но чрезвычайно довольные. На верстак, который одновременно служил и столом, выложили деньги, не торопясь, сосчитали. Оказалось пять тысяч двести девяносто семь рублей.

— Подходяще, — одобрил Курасов-старший.

— Вполне, — согласился Курасов-младший.

И оба покровительственно похлопали по спине Гайданова: мол, хорошо сработал, парень, не подвел. Гайданов же лихорадочно ломал голову: сколько отвалят. Двести? Триста? А может, и больше? О том, что вскоре вышло в действительности, он лишь мечтал.

— Вот эти, — сказал Курасов, отсчитав сто пятьдесят рублей, — возьму из общего котла по... кхе-хе-хе, по старшинству. Эти сорок семь рублей, опять же из котла, тебе, Сеня, за праведные труды разведчика. Ты, Ваня, не возражаешь? Добре! Осталось пять тысяч сто. — Внезапно, вроде бы ни с того ни с сего, спросил Гайданова: — Ты сколько классов закончил?

— Шесть.

— Фьють! А самому девятнадцать, отстаешь, дорогой, от жизни. Ну, еще наверстаешь, еще, кхе-хе-хе, далеко пойдешь. Так сколько будет, если пять тысяч сто разделить на три?

— Тыща семьсот, — без запинки ответил Гайданов.

— Точно! Говорю же, далеко пойдешь. Держи! Твоя доля.

Покончив с дележом, Курасов расстелил на верстаке старую газету, выставил, прихваченные в магазине Черноречья две бутылки, чайную колбасу, нарезанную крупными кусками, сыр «Российский»... Ивану и Гайданову налил по полному стакану, себе — половину. Пояснил:

— Мне на дежурство, а вы сколько хотите. Вон там, — показал рукой через плечо на хозяйственную сумку в темном углу слесарки, — еще полдюжины бутылок. Но — такой уговор: пока не проспите, отсюда ни шагу. Слышь, Ваня, и за него, — кивнул на Гайданова, — отвечаешь.

— Ладно, чего уж...

— Тогда поехали!

Звякнули дружно сдвинутые стаканы, послышалось размеренное бульканье обжигающей рты жидкости.

После короткого застолья Курасов тщательно умылся, побрился, sprыснул лицо «Шипром», придиричиво оглядел себя в зеркале, прибитом к бревенчатой стене возле двери. Никаких признаков, что ночь прошла без сна, не обнаружил..

— Ну, приятного вам аппетита. А я тронулся, опаздывать мне негоже, как-никак, кхе-хе-хе, ударник труда!

3

Прошло около двух с половиной месяцев. Утром второго декабря, по пути на работу, Курасов заглянул к Ковалеву.

— Готовься. Вечером, как только сменюсь с дежурства, махнем.

— Всегда готов! А где встретимся?

— На вокзале, у пригородной кассы.

Все эти два с половиной месяца Курасов присматривался, прислушивался: что говорят люди об ограблении магазина в Черноречье, не сели ли работники милиции, выражаясь языком Ковалева и Гайданова, ему, Курасову, на хвост? Итоги усиленных наблюдений свидетельствовали: все в порядке. Однако с новой операцией он не торопился, ибо, как сказал своему нетерпеливому брату, спешка хороша лишь при ловле блох. Иван с досады и от безделья (он нигде не работал) запил, поэтому маневр, который должен был отвлечь милицию от предстоящего взлома очередного сейфа, пришлось осуществить без него.

Маневр же этот был вот какой. Под видом человека, который хотел бы на время снять квартиру, Курасов обошел поселок Чкаловский Кировского района города Куйбышева. Здесь он выведал, что одна из жительниц поселка держит исключительно породистую — рекордистка! — свинью и по сему случаю на дверь сарая на ночь навешивает два амбарных замка.

«А хоть бы и три, — усмехнулся про себя Курасов, — какая разница?»

Он вернулся домой, взял необходимый инструмент, и вместе с Гайдановым они на автобусе подъехали к ресторану «Восток», где их уже поджидал Ковалев. Экономя время, Ковалев еще издали подал условный знак: идите вон к той машине.

— Хозяин? — коротко осведомился Курасов, степенно, чтобы не вызвать подозрения, усаживаясь в «Жигули» цвета морской волны.

— Чувак и чувиха. Только-только сделали официантке заказ. — Ухмыльнулся. — И гаишников, паразиты, не боятся.

— Гони. Чего треплешься?

Владельцы автомашины — кто они, позднее органам следствия установить не удалось, — вероятно, еще не расплатились за затянувшийся ужин, а жулики, потные от натуги и волнения — не без того — втащили в слесарку тушу свиньи.

— Чертов поросенок!

— Ха, поросенок... Центнера на полтора чушка!

— Тем лучше. Больше мяса — больше денег.

— На крытом рынке за кило — четыре—пять шмеля.

— Отдадим спекулянтам оптом. По три с полтиной.

Последняя фраза принадлежала Курасову, а его слово — закон. Как сказал, так и сделали. Деньги разделили поровну...

— Теперь за настоящее дело. Сбор, говорил уже вам, у пригородной кассы. Билеты на электричку берите до Безенчука и не мельтешите.

Ехали в разных вагонах. Сошлись, как заранее условились, на втором перроне у перекидного моста. Отсюда путь лежал в село Никольское. Разведку в нем вел Ковалев, он и возглавил шествие.

Едва поравнялись с первыми домами села, всполошились собаки. Пришлось ждать, пока не уgomонились. И потом «настоящее дело» складывалось не совсем так, как хотелось грабителям. Проникнув через окно в помещение, где находилась сберкасса, они известным уже читателю способом, пользуясь ножовкой и ломиками, вскрыли сейф, а в нем оказалось лишь четыреста семьдесят шесть рублей. Правда, вместе с деньгами взяли облигации трехпроцентного займа на сумму двести семьдесят рублей да билеты денежно-вещевой лотереи на десять рублей, но все равно этого им было мало.

— А что, босс, если в магазин? — предложил Ковалев. Курасов взъярился.

— Ты! Чтоб это слово слышал последний раз! — Резко повернулся к Гайданову. — И ты отвыкай от блатного. Еще ляпнете по привычке при людях.

— А мы что, не люди — волки? — с вызовом произнес Ковалев.

— Шакалы!

Ковалев прикусил губы, гримаса злобы исказила его лицо. Пусть в какой-то мере он виноват — не выбрал момента, чтобы в сберкассе имелось побольше денег, однако это вовсе не основание для оскорблений. Такие оскорбления он не прощает, а приبلуда всегда при нем.

Но Курасов и сам сообразил, что, погорячившись, хватил через край. Пошел на примирение.

— Магазин, говоришь? Пошли!

Только, видно, такая уж невезучая ночь для них выдалась. В магазине, куда вошли, взломав дверные запоры, денег вообще не оказалось. Пришлось довольствоваться, как наутро будет записано в акте «по факту кражи», товарно-материальными ценностями. Их стоимость составила сумму в триста тридцать рублей восемьдесят семь копеек.

4

Затяжной запой у Ивана Курасова наконец кончился, и он присоединился к шайке старшего брата. А она, шайка, действовала к тому времени как хорошо отлаженный механизм. Ограбление следовало за ограблением.

Ночь с 8 на 9 декабря 1977 года. Село Алтуховка Кинель-Черкасского района. В магазине «Товары повседневного спроса» вскрыт сейф. Денег в нем не было. Похищено товарно-материальных ценностей на тысячу пятьдесят семь рублей восемьдесят пять копеек.

Ночь с 20 на 21 декабря 1977 года. Село Калиновка Сергиевского района. В продовольственном магазине вскрыт сейф. Похищено шестьсот тридцать семь рублей девятнадцать копеек.

Ночь с 23 на 24 февраля 1978 года. Село Парфеновка Кинельского района. В магазине № 1 вскрыт сейф. Похищена тысяча рублей. Кроме того, с четырех женских пальто сорваны меховые воротники общей стоимостью двести восемьдесят шесть рублей пятьдесят копеек.

Ночь с 14 на 15 марта 1978 года. Село Тоузаково Кинель-Черкасского района. В магазине «Товары повседневного спроса» вскрыт сейф. Похищено сто пять

рублей. Похищено также товарно-материальных ценностей на восемьсот восемьдесят пять рублей сорок три копейки.

Ночь с 11 на 12 апреля 1978 года. Село Яблонево Овраг Волжского района. Взломаны замки на дверях промтоварного (в промтоварном вскрыт сейф) и продовольственного магазинов, расположенных рядом. Похищено денег и товарно-материальных ценностей на общую сумму четыре тысячи семьсот пятьдесят один рубль пятьдесят шесть копеек...

5

Казалось бы, Курасов должен быть доволен: из наворованных денег скопил кругленькую сумму, все налеты провел с блеском — никто не подкопался. Чего еще вроде бы надо? Ничего. Между тем ему очень и очень хотелось душевного покоя. А его-то как раз и не было. Поэтому, когда оставался один, сбрасывал с себя маску человека благодушного, даже слегка беспечного, становился темнее осенней тучи. И чем больше проходило времени, тем сильнее нарастала тревога. Подобралась она к нему исподволь, незаметно.

На первый пораз Курасов не придавал особого значения тому, что и Ковалев и Гайданов (будь оно трижды проклято, такое совпадение!) оказались наркоманами. Что мне с ними, успокаивал себя, детей крестить? А ежели заметит, что не умеют держать язык за зубами, — обрез у него в полной исправности и патроны к нему всегда готовы. Слишком велика честь этим, кхе-хе-хе, подонкам, чтобы из-за них оказаться в местах, весьма и весьма отдаленных от благодатных волжских берегов.

Ковалев с Гайдановым, последний особенно, отдавали себе ясный отчет в том, чем может закончиться хотя бы один опрометчивый шаг, и поэтому старались вести себя, по пословице, тише воды, ниже травы. Только получалось это у них не очень складно, а главное, не всегда. Никак не могли, например, несмотря на строгий запрет Курасова, обходиться без жаргонных слов. Как-то повздорив из-за мастерицы по мелким кражам, пышногрудой Мурки, которая с одинаковой благосклонностью принимала ухаживания того и другого, подвыпившие дружки открыли перепалку.

— По тебе, козел, — кричал Ковалев, — рикша плачет!

— Что я, — отвечал Гайданов, — зверь какой? Али тебя хотел поставить? Али рыжье твое забрал?

Ковалев презрительно фыркнул.

— Ты? У меня рыжье? Попробуй! Враз писану, мокрухи не побоюсь.

Курасов слушал-слушал и вдруг грохнул кулаком так, что из подпрыгнувших рюмок выплеснулась водка, зарябила лужицами на грязном верстаке.

— Цыц, петухи паршивые! — И хотя оба спорщика, присмирив, мгновенно замолчали, повторил: — Цыц!

Взъярился он так не случайно и не первый раз. Ведь если его помощнички подобным языком начнут препираться при посторонних людях, те наверняка насторожатся, даже могут милицию навести. Как же тут оставаться спокойным? Но еще больше разгневался Курасов, когда узнал, что Ковалев купил магнитофон, да не наш — японский!

— У тебя что, — прошипел яростно, стукнув костяшками согнутых пальцев по лбу Ковалева, — здесь совсем пусто? Сколько тебе говорил: не выпендривайся! Ты что, Рокфеллер какой, кучу денег отвалил! А спросят: где взял? Ну?!

— Спросят — отвечу. У тебя совета не попрошу.

Вообще с Ковалевым день ото дня становилось труднее, опаснее. Самолюбивый и упрямый, он все решительнее пытался выйти из-под власти Курасова, самовольничал. Однажды, не попросив разрешения и не предупредив заранее, взял на ограбление очередного магазина своего несовершеннолетнего брата Веньку.

Это была та самая последняя капля, которая переполнила чашу терпения Курасова. Настала пора избавиться от Ковалева. А заодно и от его братишки-сопляка. Обоих пристрелить! Впрочем, нет, сделать так, чтобы от них и памяти не осталось. Лучше всего — в Волгу! На самое дно! Там раки, кхе-хе-хе, мигом обглодают до косточек.

Приняв нужное ему решение, Курасов заметно успокоился. А чтобы Ковалев не заподозрил что-то неладное, сначала обругал его на чем свет стоит, потом, как бы поостынув, долго и внушительно «вправлял мозги»:

— Ты что, действительно не понимаешь, куда гнешь? И чего добиваешься? По своей рикше скучаешь? Тогда,

помимо своего зеленого брательника, завербуй еще какого-нибудь молокососа...

Ковалев слушал, набычившись, но не перебивая. Создавалось впечатление, что слова от него отлетают, как от стенки горох. Однако на самом-то деле они ворошили ему нутро раскаленным железом. И не выдержал. Когда, словно бы ставя на разговоре точку, Курасов выразительно положил руку на спрятанный под полый пиджака обрез, глухо предупредил:

— У меня тоже дура есть. Не пугай. И насчет Веньки полегче. Не больно и мал — семнадцать исполнилось, пером фугует классно.

«Ах гадина, — задохнулся Курасов, — ну гадина! Давно следовало раздавить гниду. Да ладно, теперь уж скоро».

Пересилив свой гнев и перефразировав известное изречение, скаламбурил:

— Дура дурака видит издалека. — Подчеркнуто-недоуменно вздернул плечи. — И чего ты такой злющий? Все волком смотришь, волком. А я ж тебя уму-разуму учу, добра тебе хочу. Ты что же думаешь, милиция до сих пор не села на хвост по... кхе-хе-хе, по любви к нам? Да она землю носом роет! Она сейчас ни сна, ни отдыха не знает, а ежели на часок и приляжет, одно во сне видит: как бы наш, кхе-хе-хе, гоп-стоп прикрыть, как нас ногтем придавить. А ты, ты... Теперь-то хотя до тебя дошло?

Рысь попадает в капкан

1

В чем в чем, а в утверждении, что милиции города не до сна и покоя, Курасов был абсолютно прав. Как только произошли первые кражи со взломом сейфов, начальник управления Куйбышевского уголовного розыска Иван Александрович Гончаров вызвал старшего инспектора отдела по особо важным делам Алексеева.

— Немедленно выезжайте, капитан, на место.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

Спустя пять минут Алексеев сидел в потрепанном, выдавшем виды «газике».

— Куда, Александр Николаич? — коротко осведомился водитель.

— В Черноречье. И — на все педали!

Явно кого-то передразнивая, водитель незамедлительно откликнулся:

— Это мы можем!

Обычно чуткий и к самой немудреной шутке — улыбка во все открытое лицо, — на сей раз Алексеев хмуро промолчал. Мысленно он был уже там, в ограбленном магазине. До веселья ли тут? Немалый (ровно десять лет) опыт работы в уголовном розыске подсказывал: каша заварилась крутая, быть может, крутая невпроворот. Во всяком случае, на его памяти такого, чтобы не в городе, даже не в районном центре, а в рядовом селе распилили сейф, еще не было. Потому и не принял шутку водителя, потому и торопил его:

— Жми, Коля, жми!

Поиск преступника лучше всего вести по его свежим следам, пока они, так сказать, горяченькие. Эту не столь сложную, однако весьма важную истину Алексеев усвоил твердо с первых дней пребывания в органах милиции. И сейчас, примчавшись в Черноречье, он, не теряя ни минуты, вызвал работников магазина, в присутствии понятых приступил к осмотру.

Глаза у Алексеева наметанные. Но как ни приглядывался, сколько ни крутился под выставленным окном, зацепиться не мог ни за что. Хотя бы чуть приметный отпечаток ботинка, сапога или просто босой ноги, что ли, — ничего. Но должен же был оставить вор какую-нибудь отметину не бестелесный же, не спускался, черт побери, по веревочной лестнице с вертолета, не выламывал раму в висячем положении. Должен, непременно должен, если даже предположить, а оно так и получается, что преступление было совершено до начала или, скорее всего, во время дождя, который смыл все следы.

И Алексеев терпеливо продолжал поиск. Когда терпение это, казалось, вот-вот иссякнет, шагах в семи-восьми от окна заметил свежий, не успевший свернуться листик ветлы. Чуть подальше — еще один, а у самой дороги — третий. Как они здесь оказались, откуда взялись? На всей улице — ни одного похожего дерева. Так откуда же? Инспектор бережно поднял все три листика, завернул в носовой платок, сунул в карман. Интуиция подсказывала: могут пригодиться, да еще, быть может, как, ибо сразу чувствовалось: орудовал вор опытный, осторожный, а в поимке такого драгоценна любая улика.

Через полчаса Алексеев с горечью убедился: его предположение, что у грабителя (или грабителей, он еще не знал) самая высокая квалификация, оказалось безошибочным. Осмотр взломанного сейфа, как до этого осмотр выставленного окна, не дал ему равным счетом ничего. В магазин вошел, не зная, за какую ниточку ухватиться, и вышел с тем же.

А здесь, на улице, возле магазина, уже собралась толпа любопытных — успел сработать беспроводный деревенский телеграф. Охали, ахали, комментировали происшествие:

— Ить надо, такую решетку, разбойник, отодрал.

— Чай, он не руками, поди, ломом выкорячивал.

— Ты почему знаешь? Аль практику имеешь? Гы-гы-гы!..

Алексеев усмехнулся, потом, занятый своими невеселыми мыслями, снова нахмурился, поинтересовался:

— Кочкин, ветлы у вас в селе растут?

— Ветлы? — озадаченно переспросил участковый милиционер. — В селе? Вдруг-то и не скажу, покумекать надо малость.

— Чего напрасно кумекать? — вмешалась в разговор одна из понятых, Нина Петрякова. — В селе, кажись, нет. А вон там, — махнула рукой в сторону города, — за огородами, есть.

Вторая понятая, Натра Сайфутдинова, добавила:

— И вдоль Самары, то есть по ее берегу, целый лес. — Не удержалась, полюбопытствовала: — А зачем они вам, ветлы?

— Веников хочу наломать, в баньке попариться.

— Так веник лучше березовый иль дубовый, — не понял шутки участковый.

— Может, и лучше, — поскучевшим голосом, рассеянно согласился Алексеев. Круто меняя разговор, кивком головы показал на обезображенное окно: — Как думаешь, Кочкин, чьих рук дело?

Тот помялся, стараясь придать лицу глубокомысленное выражение.

— Ума не приложу, Александр Николаевич. — Чутьточку помедлив, рьяно пообещал: — По всем дворам пройду, из-под земли подлеца выкопаю!

— Насчет всех дворов — не знаю, надо ли. Но поговорить с людьми, само собой, необходимо. И, конечно, охватить как можно больше. Вдруг кто-то что-нибудь

видел, слышал или хотя бы имеет догадку. Пусть показание окажется микроскопическим — все равно и его на заметку.

— Понял, Александр Николаевич, так и сделаю, я этого мазурика к ногтю, к ногтю! Все силы приложу!

«Ни черта не сделаешь, ни черта не приложишь», — раздраженно подумал Алексеев.

До этого ему с Кочкиным встречаться не доводилось и что он за человек, не имел понятия. Но вот побыл с ним, поговорил, задавая то прямые, то косвенные вопросы, выяснил, как он понимает и выполняет свои вовсе не простые обязанности участкового, и пришел к неутешительному выводу: Кочкин из тех, кто много обещает и мало делает.

«Но, может, решил я слишком поспешно, может, к счастью, ошибаюсь?» — засомневался Алексеев.

Нет, очень скоро он убедился в своей правоте. Абсолютно никакой помощи Кочкин ему не оказал, он даже толком побеседовать с людьми не сумел. Пришлось Алексееву идти по домам самому. Впоследствии по его рекомендации у следователя побывали В. Е. Журавлева, Е. Н. Козлова, А. И. Картавцева, многие другие жители Черноречья. Все они искренне стремились помочь работникам милиции установить личность вора, однако ничего конкретного, определенного сказать не могли, а потому, чувствуя себя без вины виноватыми, сокрушались:

— Ведь что обидно? Может, он, гадюка, рядом живет, руку подает, в глаза заглядывает, а что он и есть гадюка, не догадываемся, не знаем...

2

Время придвинулось к обеду, Алексеев же не сделал и малюсенького шага вперед. Кто? Вопрос оставался без ответа. И, вероятно, именно потому, что иной зацепки больше пока не имелось, дал ход листикам ветлы. «Ну хорошо, — рассуждал, — вон под взломанным окном в землю втоптана старая подкова, рядом синее стеклышко разбитой бутылки, ближе к дороге валяется придавленный ребристым камнем клоч сухого сена. Видно сразу, они здесь не первый день. Но листья, листья. Загадка...»

В конце концов Алексеев решил обследовать ветлу за

огородами, о которой говорила понятая. Тут-то он и оживился, и воспрянул духом. Под огромным неохватным деревом обнаружил четко отпечатанные ботинками вмятины, а на уровне груди человека среднего роста — обломанные ветки. Как сохранились вмятины, ломать голову было не нужно — их защитила от дождя густая крона ветлы. Не представлял особой трудности и вопрос: зачем потребовались ворами, если то действительно дело их рук, ветки? Скорее всего затем, чтобы, покидая ограбленный магазин, замести ими свои следы. Что ж, там, в селе, замели, а здесь? А здесь они вот, как на ладони, и идут по полю от тропинки, проложенной в город.

Алексеев вздохнул посвободнее: хоть что-то приоткрылось. Теперь он по крайней мере знал, что грабители, как и положено на сей бренной земле, были существами вполне телесными — вот оставленные ими следы, вот! — и что действовали они втроем, об этом свидетельствовали опять-таки все те же следы. Но эти следы одновременно поставили и мудреную задачу. Тянулись они из города. Почему? Ходили туда чернореченцы, а потом вернулись домой? Или в село наведывались куйбышевские «ломовики». Где ответ? Как его найти?

Читателю сейчас проще, ибо ему уже известно, что шайка была смешанной: Курасовы — куйбышевцы, Гайданов — чернореченец. А инспектор тогда места себе не находил, беспрестанно бросал взгляд с села на город, с города на село: где, откуда, кто? Ответ на этот основательно потрепавший его нервы вопрос Алексеев дал после того, как были ограблены сберкасса в Никольском и магазин в Алтуховке.

— Жулики одни и те же и живут здесь, в Куйбышеве, — твердо, уверенно доложил он полковнику Гончарову.

— На интуицию полагаетесь? Сами же только что сказали: никаких следов.

— Да, и в Черноречье, и в Никольском, и в Алтуховке — никаких: подметено чисто. А это уже шаблон. Кроме того, разрез петель у сейфов совершенно одинаков.

— Криминалисты подтверждают?

— Так точно!

Гончаров аккуратно собрал разложенные на столе бумаги в терракатовую, с белыми тесемками папку, прошел к окну, сцепив за спиной руки, долго, минут пять, а то и больше, стоял неподвижно, наблюдая за городом.

Тот жил своей обычной жизнью. По тротуарам двигались нескончаемые встречные людские потоки; рассыпая электрические молнии, шуршали колесами утрамбованные пассажирами троллейбусы; даже здесь, у главного здания милиции областного центра, не всегда соблюдая нужную дистанцию и скорость, мчались вереницы автомашин всевозможных марок; не обращая внимания на красный глаз светофора, молодая мама перевозила через улицу детскую коляску с притороченным к ней воздушным шариком...

О чем все эти долгих пять минут думал начальник Куйбышевского уголовного розыска? Множество разноречивых, вроде бы и не очень связанных между собой мыслей успело пронестись в его голове, но главной была одна и та же: немедленно обезвредить взломщиков сейфов, перекрыть им все возможные пути-дороги. Сознал: дело сложное. Город огромный, более миллиона двухсот тысяч жителей. Тут, пожалуй, без особой натяжки применительна пословица об иголке и стоге сена. Отыщи-ка! Однако из этого вовсе не следует, что преступников взять невозможно. Можно, ещё как можно! И эти трое, и другие подобные им любители поживиться за чужой счет — к несчастью, есть они пока, не перевелись — никуда не денутся, непременно предстанут перед лицом закона. Надо лишь добиться этого как можно скорее.

Разомкнув слегка онемевшие за спиной руки, Гончаров отошел от окна, сказал Садкину, который находился здесь же, в кабинете:

— Необходимо, Иван Михайлович, создать оперативно-следственную группу. Он, — кивком головы показал на Алексеева, — и возглавит ее. Ну а общее руководство, как всегда, возьмете на себя. — Сделал паузу, давая подчиненным время на размышление. — Вопросы есть?

— Все понятно.

— Тогда свободны. Приступайте к работе.

3

Кроме капитана Алексеева, в оперативно-следственную группу вошли инспектора уголовного розыска старшие лейтенанты Александр Юрьевич Попов,

Борис Константинович Переславцев, а также старший следователь управления Борис Александрович Соколов. Люди энергичные, в своем деле достаточно опытные, они, не теряя ни дня, разъехались по местам, где были совершены кражи: один — в Волжский район, другой — в Безенчукский, третий — в Кинель-Черкасский. Начали с того, что организовали там поисковые группы.

С этого момента над шайкой Курасова постепенно начали сгущаться тучи. Правда, ни его брат, ни Гайданов, ни братья Ковалевы тех туч не замечали. Но он, их лидер, прошедший огонь, воду и медные трубы, по одному ему доступным признакам всем своим напружинившимся телом ощущал приближение опасности. И, лихорадочно раздувая ноздри, нервно играя желваками, просил, убеждал, приказывал:

— Затаиться на некоторое время, сникнуть, замереть. Слышите?

Не вдруг, но Курасов-младший (а за ним и Гайданов) услышали. Раз брат столь настоятельно бьет тревогу, значит, надо действительно сматывать удочки. Нюх у него, старой, не единожды стрелянной рыси, сатанинский. Наверняка, что-то почуял.

— А что, что? — раздраженно вопрошали Ковалевы, пожимая скептически плечами.

— То, что флажками нас обкладывают, — смиряя гнев, терпеливо растолковывал им главарь, — кольцо сжимают! Или вы в натуре слепые и глухие?

На зрение Ковалевы не жаловались, слух тоже был в порядке. Чего им не хватало, так это чувства сытости. Все их существо переполняла алчность. Она просила, требовала: денег, денег, как можно больше дармовых денег! Чтобы не считать копейки, чтобы утолять любые свои прихоти, жить на широкую ногу! Но того же — денег — хотел и Курасов. Однако, наученный горьким опытом, он не забывал, что даже для грабителей есть грань дозволенного. Переступишь ее — окажешься у пропасти. Ковалевы этого не знали и знать не хотели. Потому, явившись однажды к своему вожаку, то ли предупредили, то ли пригрозили — толком и не поймешь:

— Сколько, босс, можно? Загораем, загораем. Ежели тебе до лампочки, мы сами...

Курасов произвольно стиснул ладонями виски, показалось, кто-то, невидимый, стукнул по ним молоточками. «Сами? А на долго их, подлецов, хватит? На первом

же, от силы на втором деле влипнут. Ума-то кот наплакал. И потянется нитка ко мне. Ну нет, не-ет!»

По заведенному еще с первых грабежей обычаю они сидели в слесарке за верстаком, ошетилившимся бутылками. По тому же обычаю водка лилась рекой — дома возбранялось, а здесь пей, сколько хочешь. Курасов залпом опрокинул стакан, хрустнул луковицей, дружески притянул к себе Виктора.

— Придумал же: сами. А я что, кхе-хе-хе, рыжий? Али у меня денег куры не клюют?

Решительно отодвинул от себя посуду, давая тем понять: начинается серьезный разговор.

— Никаких «сами», понятно? Ни сегодня, ни, может, через неделю, короче, пока не решу: куда. Или, — от внутреннего напряжения у него даже подобрался живот, — или у вас на примете что есть?

Будь Ковалевы не столь пьяны, вопрос Курасова заставил бы их если не насторожиться, то хотя бы призадуматься. Сейчас же им было сине море по колено.

— Кабы не было, босс, рази мы шумели б?

«Та-ак... Выходит, уже шуруют самостоятельно. Отпочковались, выходит...»

Теперь не молоточки постукивали в висках Курасова — били кувалды. Но надо было терпеть до следующей ночи, именно столько еще жизни отпустил он братьям. Конечно, Курасов мог бы прикончить Ковалевых и в эту ночь, сложности тут никакой. Зная, что до тех пор, пока они не проспят, из слесарки Курасов их не выпустит, братья мешком повалятся на пол. Тогда можно обоих поочередно голыми руками. Только куда девать тела? В огороде враз не закопаешь, вымахали вон как. Спать вместе с слесаркой? Вонь пойдет на весь порядок. Нет, надо потерпеть!

— Значит, есть что на примете? Кайф ! Так, что ли, по-вашему? А где?

— В Толстовке. Село такое, ну! Не слыхал? В Безенчукском районе. До Звезды на электричке, а там — пешком.

— Пешком? В разгар осени? В грязи утонем. Оставим на потом, пусть подморозит. А завтра в Севрюкаево. Тоже село, только не в Безенчукском, а в Ставропольском районе. На «Ракете» прокатимся. К последней «Ракете» на пристань и приходите. Слышите? Кайф, кхе-хе-хе! Да, вот

еще что. Обратно на лодке, теплее одевайтесь, телогрейки там ватные, штаны, хорошо бы сапоги резиновые.

— Чего же, босс, тянул, коли есть где погреться?

— Хотел, чтобы там денег побольше накопилось. Но раз вам не терпится — махнем!

4

В Севрюкаево им повезло. Ни одна черная кошка не перебежала дорогу, ни одна дворняжка не тявкнула. Безмятежно спали и жители, не ведая о том, что в их родном селе творится настоящий разбой. Выставив в окне стекла, сначала грабители проникли в правление колхоза, взломали в бухгалтерии сейф, — из которого забрали восемьсот пятнадцать рублей. Потом тем же способом влезли в помещение сельского Совета и теми же приспособлениями, ножовкой и «фомкой», вскрыли еще один сейф, в нем добыча оказалась богаче — две тысячи четыреста шестьдесят рублей. В одном здании с сельсоветом находились отделение связи и сберкасса, воры не обошли стороной и их. В то время как Венька Ковалев нес на улице «караул», его брат с Курасовым, меняя друг друга, пилили петли третьего по счету сейфа. Запыхались, взмокли, зато не напрасно. У отделения связи похитили две тысячи пятьсот восемьдесят шесть рублей да у сберегательной кассы — триста два рубля.

Село покинули так же бесшумно, незаметно, как и вошли в него. Подсвечивая карманным фонариком, разделили на пустынном в этот поздний час берегу Волги деньги — Курасову две тысячи сто шестьдесят три рубля, Ковалевым — ровно по две тысячи.

— Поработали, кхе-хе-хе! Теперь домой.

Полчаса спустя из тех, что находились на берегу, выбрали нужную лодку — удобную, вместительную, со стационарным мотором. За руль сел Виктор, Курасов с Венькой разместились на задней лавке.

Разрезая острым носом по-осеннему неприветливую тяжелую воду, лодка выбралась на простор реки, стала резво отсчитывать километр за километром. Промелькнула Винновка, остался позади остров Быстренький, и вот уже вдали заполыхало зарево Куйбышева. Курасов снял перчатки: пора! Хотя и не держался он никогда за руль, до города как-нибудь дотянет. Ну а у голубчиков вечная

стоянка, кхе-хе-хе, здесь, место безмолвное, глубокое; булькнут — поминай как звали. Напялили, безмозглые бараны, ватники, сапоги, чего он, кхе-хе-хе, и хотел.

Рассчитал Курасов все заранее. Сперва ударит Веньку в спину, между лопаток, ножом, затем всадит из обреза заряд в Виктора и незамедлительно обоих за борт, чтобы и капелька крови не просочилась в лодку, ее ведь не утопишь. Правда, прежде чем отправить брательников к ракам на дно, выгребет у них деньги, но это не страшно, потребуются считанные секунды.

Слегка раздвинув ноги, Курасов уперся ими покрепче в дно лодки, сунул правую руку в карман плаща, стиснул ребристый черенок ножа, левой рукой вытащил из-за пазухи обрез, под рев мотора взвел курок. Только-только собрался нанести удары, показался встречный катер. Излучая частые световые сигналы, мчался он с неправдоподобной скоростью.

«Чтоб тебя черти проглотили!».

Едва катер скрылся, из-за крутого поворота, у Поджабного, выплыл трехпалубный дизель-электроход. Озабоченный яркими огнями, он старательно и весело разгонял вокруг себя предрассветную мглу.

«Да провались ты все на свете!»

Взбешенному Курасову пришлось снова в карман спрятать нож, осторожно спустить курок — лодка мчалась уже мимо Коровьего острова, город был рядом.

На берег сошли сразу же, как только миновали устье Самары, у элеватора. Прощаясь с Ковалевым, Курасов предупредил:

— Через две-три недели еще прокатимся по Волге. А без меня не смейте!

— Лады, босс, будь спок, — отвечали братья.

Они и не догадывались, что полчаса назад были на волосок от смерти.

Рысь подводит итог

1

Уж если повезет, то повезет, а нет, так нет.

Мог ли предположить Курасов, что две-три недели, которые требовались ему, чтобы заново подготовиться и привести в исполнение свой приговор над братьями

Ковалевыми, окажутся роковыми для всей его шайки? И мысли не допускал! Четыре тысячи рублей, рассуждал он, двоим на полмесяца вполне достаточно, тем более что у обоих, вероятно, есть и накопления. Тут Курасов не ошибался. Но он не взял в расчет то, что болезнь, которой сам же заразил Ковалевых — денег, денег, как можно больше дармовых денег! — подобно раковой опухоли пустив невидимые корни по всему телу Виктора и Веньки, в первую очередь поразила их мозг. Поэтому не приходится удивляться, что срок, назначенный для выхода на очередной грабеж, показался Ковалевым слишком растянутым, они решили, разумеется, тайно от главаря, сократить его по крайней мере наполовину.

Была и еще причина, побудившая Ковалева-старшего нарушить запрет Курасова. Ему надоело ходить в учениках, он был уверен, что может уже сам возглавить свою собственную шайку, ибо воровскую школу прошел отменную: старательно перенял все, что знал, что умел Курасов. А знал и умел тот поразительно много, чем неизменно, особенно в последнее время, вызывал у Виктора искреннее восхищение и преклонение. Верно, на первых порах все эти пропитанные специальным составом перчатки, чтобы отбить нюх у сыскных собак, заматывание следов, выбор ненастных ночей, когда, как известно, хороший хозяин собаку со двора не выпускает, Виктор считал излишними. Теперь, став матерым жуликом, понимал: только благодаря именно этим и многим другим предосторожностям, ухищрениям грабежи проходят без сучка и задоринки. Потому-то подготовку к самостоятельному грабежу он провел точно так, как делал то Курасов. Скопировал даже приобщение к своей шайке новых членов — семнадцатилетних Митьки Щекина и Гриньки Камкова.

— Дело нешуточное, понятно? Слово мое — закон. А ежели что, то вот, — вынул из-под полы пиджака новенький, сделанный из малокалиберной винтовки обреза. — И у Веньки такой же, не посмотрит, что вы ему дружки. Понятно?

Митька с Гринькой заверили, что понятнее некуда.

— Лады. Начнем с колхоза имени Первого мая...

В село Калиновка, где находился этот колхоз, приехали они на поезде в дождливую слякотную ночь на пятнадцатое ноября. Не доходя до здания, в котором были расположены продовольственный и промтоварный магази-

ны Сергиевского райпо, остановились. Виктор приложил пальцы к губам, что означало: не шевелитесь, смотрите, слушайте.

Прошло больше четверти часа — ни одной подозрительной тени, ни малейшегостораживающего шороха. Лишь монотонное постукивание дождевых капель да тоскливое завывание ветра в оголенных ветках деревьев. Виктор наклонился к уху Гриньки, прошептал, чтобы тот стоял на страже, остальным подал знак рукой: за мной.

Выставлять стекла из окна продовольственного магазина, как было намечено заранее, не потребовалось, его двери неожиданно легко поддались лому. Но это оказалась первая и последняя удача. Денег они не нашли, и из продуктов взять было нечего. То же самое и в промтоварном магазине: сколько ни шарили — ни копейки.

Ковалев распорядился:

— Берите «котлы»¹, «кишки»², чего попадетсЯ.

«Попались» одеколон с духами, джемпер, женские сорочки — всего на сумму двести пятьдесят четыре рубля восемьдесят копеек. Это на четверых-то? Овчинка выделки не стоит! Злые, раздосадованные, жулики присоединились на улице к своему «часовому». Следовало посоветоваться, что делать дальше. Внезапно почти рядом раздалась команда поднять руки. Ковалевы схватились за обрезы, однако выстрелить не успели. Вокруг запястий того и другого коротко щелкнули металлические наручники.

2

Разрезая фарами темноту ненастной ноябрьской ночи, закрытая милицейская машина мчалась в город. Уткнувшись взглядом в решетку, которой было заделано оконце машины, Виктор Ковалев снова и снова спрашивал себя: где он промахнулся, в чем просчитался? Спрашивал, не подозревая, что более тридцати лет назад такой же точно вопрос задавал себе его учитель Курасов. Но если тот действительно сделал тогда по недостаточной еще воровской опытности какие-то промашки, то Ковалев избежал их полностью. И тем не менее ошибку, единственную, зато свойственную для всех преступников, он

---

¹ Котел — часы.

² Кишки — носильные и другие вещи, похищенные из квартиры.

совершил, а именно: оценив весьма высоко свои воровские способности, он одновременно принизил способности тех, кто стоит на страже правопорядка и законности. В данном случае ими были сотрудники милиции подполковник Иван Михайлович Садкин, капитан Александр Николаевич Алексеев, старшие лейтенанты Борис Константинович Переславцев, Александр Юрьевич Попов и их товарищи по трудной, сложной, нередко смертельно опасной, но такой почетной, а главное, нужной людям службе.

Быть может, иной критически настроенный читатель скажет: так-то оно так, однако сколько сейфов очистили жулики, сколько времени орудовали безнаказанно, разве нельзя было поймать их раньше? Да, действительно, шайка Курасова оставалась неуловимой в течение долгих двух лет. Но, к сожалению, правда и то, что не всякое преступление раскрывается сразу, иногда бывает так, что требуются годы и годы. История, о которой здесь повествуется, относится как раз к подобным случаям. И если она вобрала в себя два года, а не больше, то это несомненная заслуга работников Куйбышевского уголовного розыска, результат того, что действовали они на пределе человеческих сил и возможностей, проявив завидную сметку, проникательность, изобретательность.

Редкий день проходил, чтобы руководитель оперативно-следственной группы Алексеев не встретился с начальником отдела розыска Садкиным, не доложил ему подробно и обстоятельно, какие предпринимаются меры для поимки взломщиков сейфов. Накопленный по делу материал ими скрупулезно анализировался, сопоставлялся, уточнялся. Позже, и в камере предварительного заключения, и на вопрос у следователя, Курасов пытался доказать, что крах произошел целиком и полностью по вине Ковалева. Истерично кричал:

— Дерьмо, молокосос! Ежели бы не он!..

И проклинал себя за то, что в ту ненастную осеннюю ночь не утопил в Волге «этого ублюдка» вместе с его братом.

Что ж, утопить он Ковалевых мог, но уйти от возмездия, спасти себя ценой их жизни — нет. Гораздо раньше, чем обостренный нюх Курасова стал бить тревогу, Алексеев вместе со своими товарищами вышел на след; каждый шаг настороженной «рыси» был уже под неусыпным наблюдением. Даже когда «отпочковавшийся» Ковалев вместе со своей собственной шайкой отправился

на поезде в Калиновку, совершенно не подозревая, что в одном с ними вагоне едет инспектор уголовного розыска Переславцев, даже и тогда с Курасова не спускали глаз.

Тот финал, к которому он пришел, был неизбежен.

3

Курасова брали на десятый день после задержания шайки Ковалева. К тому времени изрядно затянувшаяся осень наконец-то отступила перед первыми морозами. Грязь подсохла, лужи затянуло ледком, земля покрылась пышным девственно чистым одеялом, и все вокруг просветлело, стало празднично-нарядным.

На завод, где трудился Курасов, опергруппа прибыла перед сумерками. Чтобы не будоражить людей, не отвлекать их от производственных забот и хлопот, в цех было решено не ходить. Алексеев предъявил начальнику отдела кадров свои документы, попросил:

— Пригласите, пожалуйста, к себе дежурного слесаря-сантехника Курасова.

— Василь Васильича? — на всякий случай уточнил кадровик. Он был явно озадачен: чем мог заинтересовать милицию во всех отношениях примерный, положительный работник. — Его?

— Его.

Кадровик снял телефонную трубку, набрал нужный номер...

Алексеев был твердо уверен, что преступнику не ускользнуть, ибо все возможные пути для побега перекрыты, а все же волновался. Остановился у окна, прижался разгоряченным лицом к холодному стеклу, впился глазами в дорожку, что тянулась от седьмого цеха к зданию отдела кадров. Вскоре на ней показалась плотная, крепко сбитая фигура рабочего в спецовке. Это и был Курасов.

Сначала он шел с видом человека, которому нечего бояться, некого опасаться — спокойно, уверенно, с хрустом приминая пушистый, еще не слежавшийся снег. Но потом, видимо, заподозрив неладное, шаги замедлил, затем остановился совсем, вынул из кармана пачку сигарет, прикурил от зажигалки, глубоко затянулся и вдруг стремительной тенью метнулся с дорожки к забору.

Алексеев так стиснул подоконник пальцами, что они мгновенно онемели. Разжал лишь после того, как увидел, что от стены какой-то небольшой каменной постройки, уже завуалированной вечерними сумерками, навстречу Курасову с пистолетом в руке шагнул Попов.

— Стой, стрелять буду!

Их отделяли друг от друга шесть-семь метров — расстояние, вполне достаточное для того, чтобы Курасов, оборвав бег, не налетел на Попова; Попов же, в свою очередь, мог успеть выпустить в Курасова не одну пулю. Ничего этого они не сделали. Один решил любой ценой пробиться за спасительный забор, другой должен был взять преступника только живым.

Короткая, яростная схватка завершилась тем, что сбитый с ног Курасов беспомощно распластался на снегу.

«Молодец, Саша! Отлично сработал!» — похвалил про себя сослуживца Алексеев.

Он попрощался с кадровиком и поспешил к своим товарищам. Они, вся опергруппа, были уже в сборе, образовав довольно широкий круг, брезгливо наблюдали, как внутри этого круга, выкрикивая непередаваемое на бумаге, Курасов конвульсивно бьется на земле.

— Паясничает.

— Пусть потешится, подождем. Выдохнется, перестанет.

Ждать пришлось порядочно, силы было у Курасова — хватило бы на четверых. Но все-таки иссякла и она. Притих.

— Все? — осведомился Алексеев. — Артист из вас, прямо скажу, неважнецкий. Во всяком случае, гораздо хуже, чем я ожидал.

— Еще дождетесь, — тяжело дыша, зловещим тоном пообещал Курасов, — дождетесь, ответите за все! И за применение физической силы, и за словесные оскорбления.

Это был его конек — грозить. А еще — отрицать все и вся. И на первом, и на последующих допросах у следователя то с подчеркнутой сдержанностью, то впадая в истерику, твердил:

— Ничего не знаю. Ни в чем не виноват.

Утопающий хватается за соломинку. Курасов лгал и изворачивался, чтобы хоть на день, на час отдалить ту страшную минуту, когда, леденя в нем кровь, сурово, неумолимо прозвучит: «Именем РСФСР...».

Следствие затягивалось. Только напрасно думал Курасов, что это результат его умственных ухищрений. Затягивал следствие Ковалев. Пока он находился на свободе, пока грабежи заканчивались благополучным дележом добычи с последующей обильной выпивкой, он мог хорохориться, мог даже дерзить своему лидеру — все-таки они были свои люди, из одной шайки. Теперь, оказавшись за решеткой, не находил себе места, затравленно метался по камере. Из всех ее углов мерещились немигающие зеленоватые глаза, наяву и во сне слышал леденящий душу голос: «Спалишься — умри, а держи язык за зубами. Расколешься — из-под земли достану».

«Нет, — скрюченными пальцами сдавливал себе горло Ковалев, — нет, нет!».

Ему так хотелось жить! И брал на себя вину за все кражи, даже за те, в которых не принимал участия. Лишь бы выгородить Курасова, лишь бы не попасть под дуло его обреза. Но если шила в мешке не утаишь, то и от очевидных фактов без конца отнекиваться не станешь. Тем более пусть и с опозданием, однако до сознания Ковалева дошло: о каждом из «специалистов» по сейфам работники милиции имеют обширные сведения. Заметно поубавил ему твердость духа и обыск. Как надеялся Виктор на его благополучный исход, ведь награбленные деньги спрятал вроде бы надежнее некуда. А нашли! Забрались на голубятню, извлекли из ящика засыпанные кормом для беспородных сизарей и благородного турмана две трехлитровые стеклянные банки. На одной банке по красочной этикетке «Томатный сок» химическим карандашом было выведено «моя», на другой — «Венькина». В обеих — тугие пачки трешек, пятерок, десятков.

— Прогресс! — невесело пошутил Переславцев, передавая герметически закупоренные банки Алексеву. — При царе горохе монеты в глиняной кубышке держали...

Деньги пересчитали, оказалось: в «моей» — восемь тысяч семьдесят пять рублей, в «Венькиной» — семь тысяч тридцать.

«А сколько же у Курасова и, главное, где они?» — в который раз задавал себе безответный вопрос Алексеев.

То, что у Курасова должны быть немалые деньги,

сомнения не вызывало. Он не пропивал их, как это делал его родной братец, не тратил на случайных женщин, как Гайданов, не разбазаривал на разные радиопогремушки, как Ковалевы, в то же время при дележе брал себе за «старшинство» значительно больше. А брать было из чего. В составленном несколько месяцев спустя «Обвинительном заключении по обвинению Курасова В. В. и других» говорилось: «Общая сумма материального ущерба, нанесенного государственным организациям и отдельным гражданам, составляет 100 048 руб. 38 коп». Однако обыск следовал за обыском, а обнаружить награбленные деньги не удавалось. В конце концов было решено проверить каждый метр приусадебного участка. Двинулись с миноискателем и сразу же сигнал: есть! Копнули лопатой подталивую почву и извлекли... изъеденный ржавчиной лемех от допотопного плуга. Потом пошли пустые банки из-под консервов, кусок рельса, моток проволоки, зубья сломанной бороны — все что угодно, кроме денег. Вернулись снова в дом, в сарай, в амбар — результат прежний: пусто.

Курасов ехидничал:

— Ищите, ищите, до второго пришествия Христа, кхе-кхе, еще далеко.

— Да нет, — парировал Алексеев, — управимся раньше.

Наверное, в десятый раз вошли в слесарку, где при первом же обыске изъяли обрез с патронами и орудия грабежа: «фомку», ножовки, ножницы по металлу, мешки... В углу громоздились железные заготовки, похожие на круглые пеналы толщиной с руку взрослого человека. Их тоже до этого неоднократно осматривали, ощупывали — ничего, можно бы оставить и в покое. Но Попов не оставил.

— Понянчусь-ка еще...

Стал сосредоточенно, не спеша переключивать заготовки с руки на руку и насторожился: одна оказалась вроде бы легче, хотя по размеру не отличалась от остальных. Почудилось или в самом деле? Принес железяку из затененного угла к верстаку, на который бил через окно прямой свет. Здесь и лупа не потребовалась, было видно невооруженным глазом, что поперечная риска с волосок разделяет заготовку на две неравные части. Попов, затаив дыхание, ту часть, что короче, осторожно-осторожно повернул против часовой стрелки. «Пенал»

открылся. В высверленной в нем полости лежали свернутые в трубочку сторублевые бумажки.

— Ну вот, гражданин Курасов, — укоризненно покачал головой инспектор, — а вы говорили: до второго пришествия.

Курасов намеревался что-то ответить, но что — осталось неизвестным. Он, как рыба, выброшенная штормом на сушу, лишь беззвучно разевал рот и жадно-жадно ловил воздух. Рушилось все, рушились усилия всей его преступной и омерзительной жизни.

Впрочем, одновременно ожесточенно и отрешенно подумал Курасов, была ли она у него, жизнь-то? Подобно дикому зверю, избегал дневного света, из дома выходил на промысел крадучись, по ночам. Выворачивая чужие карманы, очищая чужие квартиры, оставлял после себя людям горе, слезы, а порою и кровь. Делал вид, что никого не боится, однако постоянно дрожал: вот сейчас подойдут, вот щелкнут наручники. Не знал успокоения даже во сне, вскакивал с кровати в обильном поту, рыча, метался по комнате. Но если это и есть жизнь, то будь она трижды проклята, будь проклята! Только что же тогда получается, тогда зачем он родился на белый свет? Тогда, выходит, была права та подольская старушка следователь, которая пыталась все наставить его «на путь истинный»? У вас, говорила, молодой человек, вся жизнь впереди, сделайте ее осмысленной, нужной людям. Одуматься, говорила, исправиться никогда не поздно.

Чушь! И жизни не было, и впереди ничего нет! На Уголовном кодексе зубы съел, не хуже юристов знает, получит теперь ни больше ни меньше — на всю катушку¹. А ему не двадцать первый, как было в сорок восьмом. Так что если бы и захотел одуматься, поздно. Уже поздно... Выйдет на свободу под семьдесят. Дотянет ли?

А вообще та божья старушка была занятная, разными там изречениями мудрецов была напичкана, сыпала ими без запинки. Особенно любила цитировать этого, как его, ну, такая коротенькая фамилия...

Курасов охватил лицо широкими ладонями, покачиваясь взад-вперед, стал вспоминать. И вспомнил Гёте:

Без пользы жить — безвременная смерть...

«Смерть?»

Ему хотелось быть волком. Но не даром, видно, сказано,

---

¹ Курасов не ошибся, он был осужден на пятнадцать лет. (Прим. автора).

что привычка — вторая натура. Он лгал даже себе, лгал, пытаясь убедить себя, что никакой разницы нет, живет ли человек с пользой или без нее. Все равно ведь умрут и те и другие. Какая же разница?

А такая. Люди, подобные Курасову, исчезают бесследно. Были — и нет. У других жизнь продолжается и после них. В построенном доме. Во вспаханном поле. В тропинке, проторенной к роднику...

Вечный бой

Вместо эпилога

Весна 1979 года на Средней Волге выдалась необыкновенно дружной. Она враз взломала лед и вместе с ним kloкочущие вешние воды унесли накопившийся за зиму строительный мусор, разный хлам, слизнув все это с освобожденных берегов. Оставляя за собою пенистый след, по бездонной и неоглядной глади богатырской реки двинулись величественные многопалубные электроходы, обгоняя чаек, помчались торпедообразные «Ракеты» и «Метеоры», тудяги-буксиры потянули баржи. Со стороны Жигулей, подернутых синеватой дымкой, ветер-хлопотун нес в город настоянный на цветах и разнотравье неповторимой сладости запах, в зеленых рощах самозабвенно пели иволги, из зачарованных кустов сирени рассыпалась соловьиная трель.

В один из вечеров этой благодатной поры обновления лика земли, закончив очередной трудовой день, Иван Михайлович Садкин и Александр Николаевич Алексеев спустились по Пионерской улице к набережной. Час назад в областном суде Курасову с его сообщниками был вынесен приговор, дело закончено, и теперь можно было позволить себе хоть немножко расслабиться душой и телом, ни о чем не думать, не тревожиться, словом, отдыхать. Однако не думать и не тревожиться Садкин с Алексеевым просто-напросто не могли, не имели права — такая уж выпала на их долю профессия. Еще перед началом суда им стало известно, что из зверохозяйства Куйбышевского облпотребсоюза начали исчезать песцы-щенки. По предварительным сведениям, их похищает шайка из трех-четырех человек. А это значит — новое дело...

Новое и, к несчастью, не последнее. Еще не перевелись воры и аферисты, насильники и убийцы, еще бродят по городам и селам под покровом ночи человеческие отбросы. Конечно, придет время, и с ними будет покончено, а пока приходится охранять, защищать от них все то, что составляет счастье, радость, благополучие честных людей, в том числе, случается, и самую жизнь.

Чудесный ли вечер был тому виною — настраивал на лирический лад, или по какой иной причине, как бы там ни было, а, втягивая в себя полной грудью набальзамированный речной воздух и не отрывая глаз от убегающих к горизонту заволжских далей, Иван Михайлович и Александр Николаевич почти одновременно вспомнили любимые стихи любимого поэта.

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Стихи поэт написал в другое время, по другому поводу, но они были так созвучны душевному настрою этих двух сравнительно уже немолодых бойцов уголовного розыска.

УДАР НА СЕБЯ

Можно ли предугадать, как поведет себя человек в критические минуты?

У каждого своя дорога в жизни и от него самого зависит, ведет ли она к полнокровному, радостному ощущению каждого дня или просто к отсчету времени, к тоскливому подведению итогов прожитого.

Щедры и притягательны мужество, доброта, бескорыстное товарищество. Не они ли основа основ и нравственного жизненного кодекса, и взлета человеческого духа в «звездный час» судьбы? Да, они! — твердо и убежденно отвечают те, кто хорошо знал и навсегда запомнил старшину милиции Чуракова.

Командир дивизиона дорожно-патрульной службы майор милиции П. Записов:

— К нам Валентин Чураков пришел сразу после увольнения из армии. Еще тогда мы заметили в его характере чувство особой ответственности за все то, что ему поручалось. И на втором году службы в дивизионе избрали секретарем комсомольской организации. Потом он семь лет подряд бессменно был им. Ибо на редкость зорко разглядывал Чураков в каждом человеке все лучшее и на этом лучшем поднимал человека.

Песни любил разные, а больше всего про сотню юных бойцов из буденновских войск. С его легкой руки она стала вроде гимна у всех ребят. Готовят ли, бывало, машины на линию или занимаются каким другим делом — напевают, серьезно так, даже торжественно.

Но и спрос был у Валентина с комсомольцев за дисциплину, за соблюдение порядка и законности строгий. Порой мягко, тактично напоминал, что еще гуманисты прошлого

века считали величайшую твердость величайшим милосердием. И на его требовательность не обижались, более того, избрали председателем товарищеского суда. Словом, душа и совесть нашего коллектива — вот кто был Валентин Чураков. Сломается машина у товарища, он поможет отыскать неисправность, поделится запчастями. Забуксует на дороге автомобиль — не проедет мимо, даже если у него давно закончился рабочий день, поспешит на выручку.

Спортом занимался...

Инспектор дорнадзора лейтенант милиции В. Мордовин:

— Не просто занимался, был классным спортсменом. На зональных соревнованиях в Краснодаре старшина милиции Чураков к нашей радости и гордости занял третье место среди лучших милицейских многоборцев России. Он вошел в сборную РСФСР, и ему присвоили звание кандидата в мастера спорта по автототоспорту. Ребята рассказывали: всегда старался там на номер впереди идти. На себе проверит трассу, потом подсказывает, как легче и быстрее ее преодолеть. Улыбается, а у самого руки от напряжения дрожат. Спрячет их за спину и успокаивает:

— Вперед, мужики! Проскочите как по маслу...

Крепкий был парень, сильный, а сердце доброе, распахнутое...

Инспектор дорнадзора сержант В. Демидович:

— Помню, в командировке в отдаленном районе, на уборочной дело было, ближе к осени. Спали на полевом стане. Ночью уже холодно. С механизаторов одеяла сползают, но сон крепкий после работы, дрогнут, а не просыпаются. Так Валентин всю ночь на них одеяла поправлял.

Лейтенант милиции В. Мордовин:

— У Валентина была особая, можно сказать, врожденная интуиция на нарушителей порядка. Однажды он принял по рации

сообщение, что на улице Запорожской «Волга» сбила женщину. Он патрулировал в том районе и, сориентировавшись, на предельной скорости вышел на поворот улиц Победы и Гагарина. И сразу в переулке между домами увидел, как скользнула во двор «Волга», лихо перескакивая через бордюры. Валентин не стал гнать по двору — люди там, а обогнул квартал, поставил свои «Жигули» поперек проезда и встретил «Волгу». Вообще у него была эта привычка — принимать на себя удар. Дело здесь не в шальной храбрости. Он сам отлично понимал и стажеров учил, что мы ответственны прежде всего за жизнь человека, попавшего в беду. А потом уже за свою...

Майское утро было свежим и нарядным. Под ласковыми солнечными лучами подсыхали лужицы на политых дорогах и тротуарах. От вида яркой зелени и благоухания цветочных газонов у людей светлели лица.

У здания дивизиона подтянутые, мускулистые парни ждут развода и слушают своего старшину. А тот, сам удивляясь вчерашнему открытию, рассказывает, как увлеченно впервые играл в «гаишника» его шестилетний Алешка.

— Чураков! — послышался голос командира.

Вмиг посерьезнев и быстрым движением поправив слегка сбившуюся фуражку, старшина исчез за дверью. Когда вернулся, на молчаливые взгляды сослуживцев ответил:

— Еду в Сергиевск. Сопровождающим. Скоро увидимся на трассе.

Улыбнулся, поднял руку, и его желто-синие «Жигули» с номером 26—70 КШШ исчезли за поворотом...

Чураков вел машину мастерски, плавно, без рывков. Мелькали полосатые оградительные столбы, гудел ветер, упруго бьющий в лобовое стекло. За ним шла колонна автобусов: двести шестьдесят рабочих треста Промстрой направлялись в Сергиевск. Инспектор держался ближе к центральной линии, стараясь «отжать» встречный транспорт от автобусов, обеспечивая их безопасность на дальних подступах.

И вот — роковой сорок девятый километр.

Навстречу шли тяжело груженные ЗИЛы. Вдруг из-за них, обгоняя, вывернул мощный КамАЗ с прицепом. Его столкновение с головным автобусом было неминуемо...

Шофер В. Корнилов, который вел первый автобус, потом рассказал:

— «Жигули», когда грузовик выскочил, сначала резко затормозили. Я хорошо видел, как инспектор оглянулся на нас. Затем он прибавил обороты двигателя и резко повернул машину, загораживая нас собой...

Татьяна Чуракова, жена Валентина:

— Когда Валя приходил домой, сразу всем становилось веселее и настроение поднималось. Такой он был, жизнерадостный. Сына очень любил. Алеша наш рос беспокойным, много приносил забот и хлопот, и Валя многое брал на себя. С работы вернется — и в магазин сходит, и печь истопит, и обед приготовит. Так это легко все у него получалось, будто и не устал он вовсе. Уже после того, как его не стало, я узнала, какая тяжелая, нервная, опасная была у него работа.

А что он так поступил, я не удивляюсь. Идем мы с ним из гостей однажды и видим, как трое парней бьют одного. И народу кругом полно, а никто не заступится. Валя, не мешкая, к хулиганам, разогнал их, а мужчин пристыдил, что не остановили тех хулиганов. Он никогда не мог пройти мимо грубости, жестокости. Скажет мне: «Танюша, в сторонку», — и разбирается.

Алеша на него очень похож. Вот детская фотография Вали, вот Алексея — одно лицо...

По дороге идут машины. Спешит, не останавливается их поток. Вот сорок девятый километр, тот самый. Желто-синие «Жигули» с проблесковым «маячком» на крыше сворачивают с обочины и замирают. Лейтенант Валерий Мордовин выходит и несколько минут стоит, глядя на мелкие-мелкие осколки стекла на асфальте от машины Валентина Чуракова. Ветер шевелит густую, с широкой полосой седины, шевелюру Валерия. Отсвечивают капельки стекла, словно застывшие слезы... Спешит, не

останавливается поток машин. Не останавливается, не прерывается память.

В майское утро, двадцать шестого числа, когда навсегда уехал от друзей Валентин, они собираются у его скромного обелиска. Хорошо, что он стоит на самом краю косогора, внизу под которым пролегает бойкая дорога. Они стоят плотной шеренгой, склонив головы, и слушают такой привычный, ровный дорожный шум. А потом присаживаются на несколько минут на зеленую траву косогора и... поют. Поют про сотню юных бойцов из буденновских войск. И с друзьями Валентина — Алексей в милицейской фуражке. Вылитый отец...

Родина высоко оценила подвиг своего сына: старшина милиции Валентин Владимирович Чураков награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

В зале боевой славы застыли в строю сотрудники милиции. Вручая награду родным героя, начальник УВД генерал-майор милиции В. Ф. Шарапов сказал:

— Валентин Чураков был подготовлен к подвигу всей своей жизнью. Его хорошо воспитывали в семье, школе, комсомоле, в армии. И потом он получил крепкую профессиональную закалку в дивизионе дорожного надзора, подразделении, сплоченном и дисциплинированном. И в решительный момент, когда проверяются качества сотрудника милиции и человека, он сделал все, что требовали от него долг и совесть, как продиктовали ему мужество и доброта.

Он погиб, защищая двести шестьдесят жизней. Было ему двадцать девять лет...

СХВАТКА НА КАМЫШОВОМ ОЗЕРЕ

— Откуда все-таки приходят в милицию?

— Путей много. Но чаще всего после службы в армии.
Из разговора

Великое звание

О чем может думать человек, собирающий в лесу грибы?

Прапорщик Александр Винокуров осторожно разгребает сухим прутиком опавшую листву. Глядит под ноги. Глаза делают свою работу, мысли — свою... Вон крупно отпечатались на косогоре подковообразные следы. И в каждом — светло-коричневая шляпка подберезовика. Семь штук крепышей один к одному. Этакая прерывистая грибная строчка на земле. Видать, лось, однажды пройдя здесь, копытами угодил в грибницу и разнес, рассеял ее.

За все лето и осень Александр Филимонович, пожалуй, впервые выкроил для отдыха часок-другой из непрерывной цепи старшинских забот. Если уж ему захотелось побыть в одиночестве, значит, в том есть необходимость. Накануне у него состоялся не очень приятный разговор с одним из подчиненных. В общем-то ничего чрезвычайного не произошло. Но это смотря для кого как... Тот, с кем он беседовал, незадолго перед отбоем, в личное время, оказался свидетелем нарушения внутреннего порядка. Устроившись в курилке, трое солдат решили сыграть в подкидного дурачка. Игра в карты в армии запрещена. Но видевший это не сделал замечания своим товарищам. Он сам не участвовал, но и не препятствовал нарушению. Словом, занял позицию пассивного наблюдателя. Между тем человек этот — кандидат в члены партии.

Оставшись с ним наедине, прапорщик сказал:

— Коммунист — великое звание. Вы находитесь пока на подступах к нему. А вчера сделали шаг назад... Если каждый день по такому шагу, куда докатитесь?..

По лицу собеседника пошли красные пятна. Подействовали на него эти слова. Похоже, даже обидели. Но ведь говорил не кто-нибудь, а старшина подразделения, который к тому же еще и заместитель секретаря партийной организации. Пришлось молча, скрепя сердце проглотить обиду.

Винокуров догадывался о состоянии своего младшего товарища. Хороший, в сущности, парень, отличный специалист, он будет теперь несколько дней переживать. Ну что ж... Пусть сам придет к осознанию своего места в коллективе. Служить и отвечать лишь за себя — мало для коммуниста. А то, что попервоначально обиделся, не беда. Это пройдет. Главное — чтобы понял.

Бывало и прежде, втихомолку «дулись» на Александра Филимоновича люди, задетые его прямоотой. А спустя месяцы, годы, уволившись в запас, присылали письма. Благодарили за строгость спроса. За науку.

Товарищ старшина

То давняя история. Но не настолько, чтобы в подразделении совершенно забыли о ней. Тем более что она в своем роде единственная. За десять лет службы Винокурова в должности старшины в его практике ни прежде, ни потом ничего подобного не встречалось.

Как-то перед завтраком, на построении, солдаты, полные смятения, обратились к прапорщику. Оказалось, у одного пропали часы; у второго — электробритва, а у нескольких человек — деньги... Накануне вечером из городка убыла большая группа прикомандированных. И кое-кто предположил: мол. не иначе, они.

Винокуров, однако, был другого мнения. Доложив командиру о чрезвычайном происшествии, он заметил:

— Наших гостей я не подозреваю. Во-первых, свалить вину на них — это самый легкий путь, и потому чаще всего неверный. Да и некрасиво по отношению к ним. Полагаю, вещи и деньги взял кто-то из своих. Специально подгадал так, чтобы отъездом прикомандированных прикрыть себя. Он же знал, что пропажу обнаружат сразу... Разрешите, товарищ майор, я сам возьмусь за это дело. Как говорится, тряхну старшой.

— Ну что ж, Александр Филимонович, вы меня убедили. Действуйте...

Старшина не спешил с расследованием. Но это лишь на

взгляд со стороны. Потому что никого не вызывал, не расспрашивал, не уточнял обстоятельств. Зато он думал сейчас. Думал о подчиненных. Зная их прошлое и настоящее, еще и еще раз оценивал сильные и слабые стороны каждого. Взять деньги и ценности у товарища мог только эгоист по натуре. Подобный тип людей явно или тайно, в зависимости от обстоятельств, свысока относится к окружающим. А этим выдуманным превосходством своим, как экраном, отгораживается от угрызений совести.

В данном случае ощущается почерк мелкого, но достаточно хладнокровного карманника. До поры до времени он маскировался под честного нормального парня, такого, как все. Он и впредь постарается носить эту маску, которую сбросил, наверное, на полчаса, в полной уверенности, что разоблачить его не смогут.

Не спеша обходил свое немалое по размерам хозяйство старшина. Заглянул в котельную. Осмотрел баню. Издали понаблюдать за клетками, в которых содержались сторожевые собаки. Доступ к ним имел лишь рядовой Афанасий Карагин. Сильные злые овчарки никого больше не подпускали к себе. В обязанность Карагина входило разводить своих любимцев на посты, ухаживать за ними: поить, кормить, следить за здоровьем и чистотой четвероногих помощников человека.

Когда-то, еще до армии, Карагин имел несколько приводов в милицию. Улица связала его с людьми, нечистыми на руку. Винокуров никогда не напоминал об этом солдату, да и повода не было. Но помнить о том прапорщик обязан. Среди товарищей Афанасий держался особняком. В какой-то мере этой обособленности способствовала сама должность его. Но Александр Филимонович знал, что задиристо самолюбивыми людей делает не должность, а характер. Карагин, как показывали наблюдения, по своему адресу не терпел шуток. Высмеять же соседа по курилке, и зачастую зло и беспощадно, случая не упускал. Не прост он не прост был рано потерявший отца парень.

«Интересное местечко, — мысленно произнес старшина. — При желании тут, в клетках, можно спрятать что угодно. Охрана-то вон какая зубастая. Сунься попробуй».

На следующее утро прапорщик стал по одному вызывать к себе солдат и сержантов для беседы. Где-то двадцатым или двадцать первым пригласил и рядового Карагина.

— Человек вы самостоятельный, — сказал ему старшина. — Как замечал, на все имеете свою точку зрения: другим не поддакиваете. Поэтому и хочу спросить, как по-вашему, кто мог взять деньги и остальное?

Солдат сжал губы, лишь на мгновение опустил глаза, а когда поднял их на старшину, в них появилось жесткое выражение:

— Чужая душа — потемки, товарищ старшина. Вон сколько народу перебивало у нас. И каждый, наверное, себя хуже других не считает. Почему же я должен знать, что и у кого на уме?

— Ну а все-таки? Могли бы вы сделать какое-то, пусть самое предварительное, заключение?

— Нет, Шерлока Холмса из меня не получится. У самого стачили электробритву. Теперь небось она далеко-о отсюда.

— Ладно, разберемся... Можете быть свободны, товарищ Карагин.

По тому, с какой подчеркнутой старательностью изображал спокойствие солдат, как, выходя из канцелярии, вдруг обернулся и глянул на старшину, Александр Филимонович догадался: он. А версия с бритвой — уловка, дескать, кто же сам у себя потащит?

Как ни в чем ни бывало продолжал Винокуров беседовать с людьми. А вечером позвонил в штаб части и попросил прислать в подразделение ветфельдшера. К тому же подошел срок проведения дезинфекции клеток. Так что предлог был удобный.

...Когда собак увели, а делал это, разумеется Карагин, старшина тщательно осмотрел клетки. В одной из них, под полом, обнаружил оцинкованный ящик из-под патронов. Сейчас в нем лежали деньги, часы и «пропавшая» у Карагина бритва. Изъяв содержимое тайника, Александр Филимонович ушел в казарму. А через час туда прибежал запыхавшийся и бледный Карагин:

— Товарищ старшина, товарищ старшина, я должен вам что-то сказать!

— Слушаю вас.

— А вы не передадите наш разговор ребятам?

— Смотря что... Одно могу сказать твердо: будете со мной откровенны до конца, я вас не подведу.

Афанасий вдруг весь как-то съежился, потух:

— Боюсь... Хуже мне будет.

— Если не доверяете, тогда ничего говорить не надо.
— Вам скажи, ребята узнают.
— Разве был случай, когда бы я не сдержал свое слово?

— Не было.

— Так в чем же дело? Впрочем, если сомневаетесь во мне, тогда идите. Идите и подумайте.

Во время вечерней проверки, закончив перекличку, старшина всенародно возвратил деньги, часы и электробритву их владельцам. Это был точно рассчитанный психологический ход. Белый как мел отходил от прапорщика Карагин со своей нашедшейся «пропажей». Перед строем личного состава прапорщик пообещал, что отныне в казарме ничего не пропадет. Так оно потом и вышло.

А Карагин ходил сам не свой. Осунулся, потемнел с лица. Александр Филимонович не подгонял событий. Знал о той мучительной внутренней борьбе, какая кипела сейчас в душе Афанасия. Уличить солдата труда бы не составило. Но хотелось не уличить — перевоспитать. Отец Карагина, участник Великой Отечественной войны, умер от старых ран. Мать занята была на тяжелой мужской работе. Афанасий, предоставленный сам себе, рос почти без присмотра. Уличная вольница была его воспитателем. Но ведь осталась же в нем какая-то отцовская закваска! Винокурову важно было не сломать парня, а поставить на ноги. Да так, чтобы уже никогда не появилось в нем желания «упасть» снова. Прапорщик терпеливо ждал. И наконец, еще через сутки, Афанасий, который, похоже, вторую ночь не смыкал глаз, пришел и признался:

— Товарищ старшина, я это... деньги взял и часы.

— Но почему? Почему вы поступили так?

Солдат молчал. На лбу и висках у него пробились крупные капли пота.

— Уверен был, что вы придете. Себя ведь не обманешь, — продолжал медленно Винокуров. — От суда своей совести, будь ты хитрее и умнее всех на свете, не убежишь.

Карагин непроизвольно положил себе руку на грудь, сделал судорожное глотательное движение, прогоняя застрявший в горле жесткий, как наждак, комок.

— Без совести человек — все одно что нет человека, — размышлял вслух прапорщик. — Так, некий образ в материальной оболочке. Ни отцовской крови в нем, ни памяти

о той, кому обязан рождением на белый свет, ни родины, ничего святого за душой. Вы об этом-то хоть подумали?

— Как же мне жить теперь? Что делать? — потерянно топчась на месте, осевшим голосом спросил Карагин. — Позора не вынесу.

— Жить? Ясно как — по-человечески. Честно жить, — сказал Винокуров. — А слово я свое сдержу. Никто из ваших товарищей об этом не узнает. Вы доверились мне — и я верю вам.

— Как?!

— Да так... Ведь и отец ваш верил, что вы настоящим человеком будете.

Потом у старшины, прямо скажем, состоялся нелегкий разговор с командиром подразделения. Тот полагал, что дело рядового Карагина необходимо передать в военный трибунал.

— Главный суд уже состоялся, — убеждал его Винокуров, — Карагин сам осудил себя. И лучший выход — оставить все как есть. Да, была в парне червоточина, гнездилась, словно червь в молодом подберезовике, — рассуждал прапорщик. — Но стоило положить гриб в соленую воду — и червь покинул его. Мне представляется, что за эти дни я Карагина узнал, как собственного сына. И говорю вам: не подведет он теперь. Ведь его эгоизм дотла выгорел. Душой переплавился человек.

Старшина и командир, оба коммунисты. В конце концов они сошлись во мнении.

А спустя шесть месяцев рядовой Афанасий Степанович Карагин увольнялся в запас. Со старшиной попрощался особо:

— Александр Филимонович, я решил поступить в высшую школу МВД. Хочу стать таким же, как вы. Пройти по жизни вашей дорогой.

Слова цену имеют, когда делом подкреплены. Ныне Афанасий Карагин — офицер милиции, сотрудник Московского уголовного розыска. Но поскольку человек, о котором идет речь, не придуманный нами персонаж, а вполне конкретное лицо, оговоримся, фамилия его здесь изменена. Все, что читатели узнали, осталось в прошлом. А плохому прошлому Карагина не место в его нелегкой и светлой сегодняшней судьбе. Однако и не рассказать о том, что было, мы не вправе. В противном случае трудно понять, в чем состоит главная черта прапорщика А. Винокурова, требовательность которого по отношению

к подчиненным вошла в подразделении чуть ли не в поговорку. «Строгий», — отзываются о нем солдаты. «Очень строгий. Как отец», — уточняют другие. И это правда.

Родился Александр Винокуров в 1937 году в селе Городище, неподалеку от Сталинграда. Отец его работал механиком в аэропорту. То же самое пришлось ему делать и на войне. Домой Филимон Андреевич вернулся ободанным осколками и пулями, с медалью «За отвагу», орденами Отечественной войны II степени и Славы III степени, другими наградами.

А вот разрыв снаряда, что упорно потом преследовал Сашку в снах, унес жизни его старшего брата и сестры. Остальные пятнадцать горячих кусочков германского металла приняла в себя мать. Она долго болела. Болела, но работала. Сначала свинаркой на подсобном хозяйстве силикатного комбината, а с осени сорок шестого и до настоящего времени — кастеляншей в общежитии на том же предприятии.

Изо дня в день превозмогала Анастасия Леонтьевна свои хвори в заботах о детях. Восьмерых из двенадцати удалось ей с мужем сохранить, вырастить и вывести в люди. Этот ее женский подвиг отмечен орденом «Материнская слава» I степени.

С того же силикатного комбината, где трудились отец, мать, братья, был осенью пятьдесят шестого года призван в армию и электрик Александр Винокуров. Служить ему довелось во внутренних войсках. Уже на первом году солдатской жизни за проявленные при задержании особо опасных преступников умелые и решительные действия командир части присвоил Винокурову звание «ефрейтор».

А произошло все до удивления буднично.

Лицом к лицу

Мелкий нудный дождь, моросивший почти две недели без роздыху, наконец-то прекратился. В то утро командиру роты, в которой служил Винокуров, стало известно, что через тайгу по направлению к государственной границе пробираются двое бандитов. На их совести немало безвинно загубленных человеческих жизней. Оба понимали, что на снисхождение рассчитывать не приходится. Прощения не будет. И потому, точно

бешеные волки, не щадили любого, кто вставал на их пути. Хитростью и коварством, выдав себя за лесников, им удалось пробиться через один из заслонов и при этом завладеть оружием. Теперь они были намного опаснее.

Но какой бы путь ни избрали преступники в тайге, возмездия им не избежать. Старший лейтенант Анатолий Захаров, бывший фронтовик, знал в этих, родных ему местах даже тропы, какими ходит зверь. Под его руководством были блокированы все лесные дороги. В одну из групп включили и Винокурова. Обладавший большой физической силой, отличный стрелок, старательный и расторопный солдат, он в числе первых среди молодых своих сверстников добился права пойти в войсковой наряд.

Сегодня Александр Филимонович не скрывает, что сильно волновался в тот день. Каким-то шестым чувством угадывал он, что смертельной встречи не миновать. Двое его спутников, люди испытанные, сохраняли невозмутимое и даже в какой-то мере флегматичное отношение к происходящему. Деловито, привычно устраивали себе ночлег, прибыв на берег большого болота.

— А ты чего медлишь? — спросил его сержант.

— Мне что-то не хочется спать, — отвечал Александр.

— Чудак. Раньше полудня им сюда не добраться. Да и вряд ли они пойдут этой дорогой. Не дураки же. Во-первых, солидный крюк в сторону, во-вторых, болото. Тут не то что сапоги, голову можно потерять.

— Если доверите, — попросил Винокуров, — я постою на часах.

— Что ж, давай, ежели охота ломит. А мы пока прикорнем. Надоест стоять — разбудишь. Да не вздумай костер разжигать. Ночью огонь далеко виден.

Сержант и его напарник, выбрав местечко посуше, расстелили на траве плащ-палатки, в головах пристроили вещмешки и легли спинами друг к другу. Оружие каждый положил вдоль туловища — стволом на ладонь. Не прошло и пяти минут — заснули. Остался Александр один на один с погрузившейся в темень тайгой.

Говорят, что ночь на посту тянется долго. Он этого не заметил. Со всех сторон солдата, выросшего в степном Поволжье, обступила глухая и всеобъемлющая тишина: ни рычания зверя, ни крика птицы, ни всплеска воды, ни шороха. Затаившаяся тайга следовала своим извечным законам, о которых Винокуров знал пока немного. Даже

неба, затянутого тучами, не видать. Не отнимая указательного пальца от спускового крючка, он осторожно ходил по кругу, в центре которого отдыхали его товарищи.

О том, что наступил рассвет, Александр догадался по выступившим из непроглядного сумрака кустам шиповника. Затем, чуть дальше, пробились силуэты деревьев, неясной линией обозначился край болота. От него потянуло холодной сыростью, гнилостным запахом. Редела мгла, и вместе с нею таяла тишина. Легкий ветер сухо прошелестел зарослями осоки. Где-то далеко-далеко, должно быть на другом краю болота, возник непонятный, неясный звук. Солдат придержал дыхание — оно казалось ему слишком громким — и весь превратился в слух. Нет, все спокойно, почудилось, наверное. Хотя стоп! Снова... Тот же вкрадчивый размеренный звук.

Винокуров сделал несколько шагов вперед и, подойдя к урезу воды, присел на корточки, склонил голову набок. Через минуту-другую всякие сомнения у него отпали: по болоту шли люди. Александр отошел назад, встал за куст шиповника. Ждать пришлось недолго. Вот уже слышно, как чавкает грязь в такт чьим-то шагам. В полосе молочного тумана обозначились смутные тени...

Винокуров снял автомат с предохранителя и осторожно взвел затвор. Хотел было разбудить товарищей, но тут же сообразил, что опоздал с этим. Неизвестные оказались неожиданно близко. В руках переднего, коренастого, плотного, был шест, которым он ловко проверял надежность дороги. За спиной угадывалось ружье. Точно так же был вооружен и второй, помоложе и повыше ростом. Вдруг оба остановились, прислушались. Винокурову показалось, что они смотрят в его сторону, и он невольно присел, маскируясь. Что могло насторожить их? Возможно, дыхание спящих.

Лишь позднее станет известно, что часть пути бандиты преодолели на лошадях. Поэтому-то они оказались здесь, у Черного болота, раньше, чем предполагалось.

Винокуров выжидал. Как ни часто билось его сердце, он хотел действовать наверняка. Пусть подойдут ближе... Постояв минуты полторы, двое двинулись прямо на часового. Неожиданно слева, оттуда, где находился сержант со своим помощником, донеслись крихтенье, кашель и чей-то — Винокуров не разобрал чей, да и не до этого было — голос произнес:

— Фу ты, дьявол, весь бок отлежал. Давай-ка перевернемся, браток.

Все остальное Винокуров воспринимал так, словно оно происходило в кино. Бандиты рванулись на человеческие голоса и, не пытаясь выяснить, кто перед ними, вскинули оружие. Но прежде чем успели открыть огонь, сбоку, из-за куста шиповника, ударила предупредительная очередь...

— А ты, Винокуров, — сказал ему по возвращении в подразделение сержант, — парень-кремень.

Погибнуть не имел права

Выйдя на опушку, старшина огляделся. Рядом овраг. За ним пахота. Пласты жирного чернозема с запечатанным в них, но кое-где пробивающимся жестким ворсом стерни, тянулись вдаль. И там, на увалах, густая чернота поля постепенно изменяла свой цвет на мягкую сиреневую дымку. Это дышала распаханная под озимые земля. Дыхание ее особенно хорошо видно с большого расстояния.

Вспомнилось. Вот так же уходило к горизонту вспаханное по весне поле. Правда, впереди лежал не овраг, а река шириною этак метров в полтора-два. Да и сам он был лет на пятнадцать моложе.

На противоположном берегу Винокуров тогда заметил человека и, не доставая даже фотографии из кармана, сразу узнал его. Как не узнать! Тот с топором в руках гнался сейчас за женщиной. Вместе со своими друзьями, бывшими фронтовыми разведчиками Евгением Тузовым и Николаем Грачевым старшина разыскивал этого преступника уже несколько дней... Винокуров поднял пистолет и выстрелил в воздух. Человек на бегу обернулся и продолжал преследовать свою жертву. Понимал: прицельно бить не будут. В общем, сознавал свою неуязвимость. Ведь между ним и воинами внутренних войск лежала река, недавно сбросившая ледяной покров. И по ней, увлекаемые сильным течением, неслись бревна, много бревен. Шел молевой сплав леса. А лодок поблизости не видать.

Злоумышленник мгновенно все прикинул. Кроме одного. Александр Винокуров уже летел к нему, пружинисто перемахивая с одного бревна на другое. Смелость города берет! Однако скоро везение кончилось.

Он поскользнулся на осклизлой поверхности намокшей сосны, взмахнул руками, рухнул в воду. Тяжелый холод перехватил дыхание. Винокуров боролся, дважды его голова показалась на поверхности реки, затем исчезла. Но руки еще скользили по бревнам. Потом не стало видно и рук.

Теперь никто не мог помешать рецидивисту. Но когда в пьяном раже уже заносил он руку для удара, задыхающийся гневный голос у него за спиной скомандовал:

— От-тста-а-авить!.. Бросай... топор!

Бандит замер, оторопело вобрав разлохмаченную голову в широкие плечи. Выронил топор. Повернулся. Удивление, растерянность, страх отразились в его глазах. Не столько пистолет, направленный ему в грудь, сколько сам старшина, с которого в три ручья лилась вода, произвел на преступника сильнейшее парализующее воздействие.

— Я же сам видел, сам... — бормотал он и крутил головой, точно пытаюсь освободиться от наваждения.

— Иди вперед! — оборвал его Винокуров. — Не оборачиваться!

Да, в тот раз он пошел было на дно, оглушенный ударом бревна. Но самообладание не покинуло его. Винокуров не имел права погибнуть. Не о себе мысль: «Задержать! Задержать врага!..»

Счастье на стороне отважных. В этом месте река делала крутой поворот, и течением его понесло к берегу. Вынырнув, он сумел оседлать два плывущих парой бревна. Остальное известно.

Купание в весенней реке, а у Винокурова были и другие похожие случаи, к сожалению, не прошло бесследно. У него стали крепко побаливать ноги. Как ни жаль было расставаться с полюбившимся делом, со службой во внутренних войсках, к которым прикипел сердцем, но уйти пришлось. И вот уже десять лет прапорщик Винокуров исполняет обязанности старшины артиллерийского дивизиона.

Года полтора он присматривался, что к чему, а потом, говоря его же словами, вошел во вкус. Как и раньше, коммунисту случается спасать людей. Только делается это теперь по-другому. Просто порой какого-то человека в чем-то нужно уберечь от самого себя, от нескладно сложившихся обстоятельств. Немало так называемых «трудных» парней, пройдя школу старшины Винокурова,

школу воспитания характера, навсегда расстались с издержками инфантильности, легкомысленными поступками. В той или иной степени личность старшины, человека твердого, справедливого, порядочного, отразилась в каждом из них. Некоторые из его «крестников», уволившись в запас, поступают на службу в милицию. Вполне сознательно избирают они целью своей жизни дело, которому Александр Филимонович остается верен и по сей день.

По лезвию ножа

Взвод, где прежде служил и которым затем командовал Александр Винокуров, привлекался для выполнения наиболее ответственных заданий. Означало это, что каждый из солдат и сержантов в любое время суток, в пургу и зной, в дождь и ясную погоду должен быть в готовности вступить в вооруженную борьбу. Через казарму, деревянный фундамент которой покоился на вбитых в болотистую почву листовенничных сваях, через сработанные из березовых досок строевой плац и спортивную площадку их военного городка проходила невидимая глазу, не обозначенная на картах граница советского закона, безнаказанно нарушить которую не дано было никому.

Не случайно ротой, в которую входил взвод, командовал старший лейтенант Анатолий Захаров. Большинство его подчиненных, как и он сам, прошли проверку огнем Великой Отечественной. Тот факт, что невозмутимый, крепко скроенный волжанин пришелся здесь ко двору, говорит о многом. В отличие от своих друзей Александру не пришлось воевать с гитлеровцами. Зато встречаться лицом к лицу с перелицевавшими недобитками фашизма приходилось не раз. За шестнадцать лет службы он участвовал в задержании тридцати шести готовых на все бандитов. Половину из этого числа обезвредил лично.

За мужество и отвагу Александр Филимонович Винокуров в мирное время награжден орденом Красной Звезды. Имя его занесено в книгу Почета Министерства внутренних дел СССР.

...Легких схваток не бывает. Но самой тяжелой помнится ему та, в которой нельзя было раскрыть свое подлинное лицо и применить силу и оружие прежде, чем это попытается сделать противник.

В один из поздних весенних дней, когда яростная стихия таежных рек постепенно пошла на убыль, командир взвода старшина Винокуров появился в рабочем поселке, где располагалось управление леспромхоза. Стало известно, что здесь под личиной честного труженика укрывается бывший командир батальона бендеровцев. Руки его обгарены кровью многих советских людей.

Подозрение падало на вполне конкретного человека. Однако оно нуждалось в проверке и подтверждении, требовало осторожности и, образно говоря, умения ходить по лезвию ножа. Рискую собой, надо было вызвать подозреваемого на такие действия, которые бы не оставляли сомнений в том, кто он есть на самом деле.

В кармане у старшины, одетого в соответствующее должности гражданское платье, лежали удостоверение и командировочное предписание на имя Тихона Васильевича Мигунова, работника областной лесосплавной конторы. Из легенды, составленной на этот случай, Винокуров немало знал о Мигунове, его семье, начальниках, друзьях, привычках и слабостях. Теперь ему ни на секунду нельзя было забыть, что он, старшина Винокуров, и есть этот самый Мигунов. Артистом Винокуров никогда не был, даже в художественной самодеятельности не выступал, а тут пришлось временно, для пользы службы, переквалифицироваться. Успокаивало его то, что и враг принужден заниматься тем же. Значит, они на равных будут обманывать друг друга, хитрить и петлять, пока кто-нибудь не сорвется первым.

Директор леспромхоза Николай Юрьевич Ломанский, внушительного сложения, крупный и, судя по рукопожатию, физически очень сильный мужчина лет сорока двух, со спокойным радушием встретил гостя. Внимательно всматриваясь в лицо Мигунова глубоко посаженными, с волевым холодком глазами, сказал:

— А мы вас ждали еще вчера. Мне звонили из области.

— На переправе задержался, — коротко отвечивал приезжий. — Там паром сорвало. Пока наладили, то да се.

Паром действительно сорвало. Но уже после того, как Винокуров и его люди перебрались на правый берег. Время же ушло на то, чтобы вверх и вниз по течению реки расставить секреты на случай, если преступнику удастся выскользнуть из поселка.

Два дня инспектор сплавконторы и отложивший все свои дела директор разъезжали по реке на моторной

лодке. Местами на песчаных косах, мелях и островках выброшенные водой плотно лежали бревна. Это был лес, который не дошел до потребителя.

— М-да, безрадостная картина, — подытожил впечатления Мигунов и тяжело вздохнул. — С тысячу кубов, однако, будет. Жаль, но тут, пожалуй, без следователя не обойтись.

И вновь ощутил на себе пытливый, с льдинкой в светлосерых глазах взгляд Ломанского. Похоже было, что тот исподтишка изучает своего спутника. Впрочем, это напоминало и обычное любопытство к представителю вышестоящей организации.

— До следователя не дойдет... Впервые, что ли? Отрядим две-три бригады и за неделю ударно все ликвидируем!

Ломанский говорил уверенно, веско, даже весело, как человек, для которого преодолевать трудности вошло в привычку. Если он чем-то и был встревожен, то виду не подал. Достоинства не терял. Держался с уважением к начальству, но без подобострастия, естественно и непринужденно. Словом, владеть собой Николай Юрьевич умел.

На следующий день, встретившись в конторе с Мигуновым, он без долгого вступления предложил:

— Тихон Васильевич, работа работой, но ведь и отдохнуть не мешает. Как вы смотрите на то, если мы организуем небольшую рыбалочку?.. Поесть ущицы на свежем воздухе — это ж красота!

Накануне Ломанский дозвонился в область и между делом установил, что инспектор Мигунов — страстный рыбак. Это было на руку директору. Одного только не знал Николай Юрьевич, что говорил он по телефону не с сотрудником лесосплавной конторы. Его звонка ждали. Такой «дипломатический» шаг со стороны Ломанского был предусмотрен планом операции. А второй его шаг стал закономерным продолжением первого. Для настоящей ухи нужен был таймень. Поймать его Николай Юрьевич упросил Николая Севастьяновича Шалдаева, известного в поселке «специалиста» по тайменю.

Не впервой им собираться в компании возле костра на давно облюбованном местечке вблизи старой смолокурни. Ну а то, что Шалдаев по должности участковый милиционер, Ломанского вполне устраивало. Кто бы мог плохо подумать о представителе закона? Николай Севастьянович во всем, что не касалось его служебных

обязанностей, отличался редкой покладистостью. С ним было легко и просто. Пил он не больше остальных, но и не держался белой вороной. А уж уху готовил — пальчики оближешь, язык проглотишь. Хотя знал множество всяких занимательных историй, из природного чувства такта со своим словом наперед других не спешил. О том, что и кем говорилось за ухой, на стороне не распространялся. В его присутствии на любой рыбалке, гулянке или свадьбе как-то незаметно устанавливалась атмосфера надежной доброжелательности. Никто не стремился проверить крепость своих кулаков на ближнем своем, не вспоминал старых обид, не затевал склок. Все знали, что он силен. Но на себе успели проверить это лишь явные дебоширы.

Так что дружба с Шалдаевым уже сама по себе была своеобразным отличительным знаком хороших людей. Выходило, что Ломанский тоже из их породы. И Мигунов имел полную возможность в том убедиться. Директор негромким, отлично поставленным голосом пел под собственный аккомпанемент на гитаре старинные раздумчивые песни. К месту привел два-три остроумных анекдота.

— Как-то один работяга в субботний день, — неторопливо повествовал он, — заходит в пивную, а там дружки-приятели. Наугощался по самое горлышко... Пора идти домой. Выбрался наш герой на улицу, а тут, как на грех, афишная тумба, круглая такая, старого образца. Шатнуло мужика и, чтобы не упасть, он руками этак, — Ломанский показал как, — опору стал искать. Найти-то нашел, да оторваться от нее не может. А упасть на землю ему мужская честь не позволяет. Перебирает он по тумбе руками и потихоньку идет. Сделал круг, другой. Задумался. Головой качает. Мысль прокручивает. Направился в другую сторону. И снова так же, с помощью рук. Обогнул тумбу. Остановился. Да как закричит: «Заму-у-рова-а-ли!»

Дружный смех был наградой рассказчику.

В общем, от новых знакомых у Мигунова было самое приятное впечатление. Подсев поближе к Шалдаеву, он стал расспрашивать его о повадках тайменя, секретах его ловли.

— Таймень — рыба, признаюсь вам, удивительная, — негромко, для одного Мигунова рассказывал Шалдаев. — Умный чертушка. По быстроте и силе равных ему нет в наших реках. Щуке и той далеко до него. Пудовый

таймень очень даже запросто может протаранить сеть, порвать леску, стащить тебя с лодки. Так что тут знай не зевай.

Кормится он круглый год. Ест все, что попадется — червей, лягушек, мелкую рыбешку, утят и уток, даже белок, переплывающих реку; и гусей хватает. Хищник, но осторожен до крайности. Днем отлеживается где-нибудь в глубокой яме, на самом дне, под затонувшими корягами. У берега, а не достать. Ближе к закату выходит на охоту. Играет на перекатах и мелководье. Но и тогда не подходит ни к наживке, ни к блесне. Чует человека. Сподручнее всего ловить его в новолунье. Теряет, должно быть, он свою обычную осмотрительность об эту пору.

— Хочется самому испытать, что это такое, — с неподдельным волнением и страстью сказал инспектор.

— Удачи не обещаю, — отвечал Шалдаев. — Время не очень подходящее. Луны нет. Но давайте попробуем.

Ломанский через невысокое пламя костра поглядывал на них, ерошил мускулистой рукой смолистый чуб, чему-то улыбался. А глаза... глаза его оставались такими, какими Мигунов запомнил их при первой встрече, — пронизательными, подернутыми ледком недоверия.

Еще сутки ушли у Тихона Васильевича на ознакомление с леспромхозовской документацией. Она была в относительном порядке. Однако Мигунов не преминул отметить, что количество леса, оставшегося на отмелях, явно занижено.

— Учетчики напутали! — хладнокровно откликнулся на это сообщение Ломанский. — Ну, мы их поправим.

Тут же он вызвал к себе тех, кто допустил ошибку, приказал устранить ее до конца рабочего дня. Он не забыл затем проверить, как выполнено его указание. А Мигунову сказал:

— Но мы это перепишем. Столкнем лес в воду и перепишем.

Короче, директор был на своем месте.

Вечером Мигунов отправился к Шалдаеву. Предлог — предстоящая рыбалка. Цель же визита состояла в другом. Необходимо было поставить участкового в известность о начавшейся операции, обговорить ее детали. Предъявив Шалдаеву свои настоящие документы, Винокуров ввел того в обстановку и строго-настрого предупредил, чтобы на людях Николай Севастьянович к нему не подходил.

— Разве что в том будет крайняя необходимость, — убеждал старшина. — Учтите, человек, о котором мы ведем речь, внимателен, как никто другой. Обмануть его почти невозможно. Он уже не раз уходил от нас. И уходил, как правило, в самый последний момент. Формально предъявить ему какие-либо обвинения мы не можем. Паспорт, свидетельство о рождении у него в полном порядке. Одним словом, оборотень. Придется ждать, пока он чем-нибудь выдаст себя. Ну нападет на меня, что ли... Или попытается скрыться. Ваша задача, товарищ Шалдаев, подстраховать меня в решающий момент. Я дам вам знать, когда он наступит. Видели около клуба липу с обломанной верхушкой?

— Это ее молнией, — тихо сказал Шалдаев.

— Так вот, там дупло есть.

— Знаю.

— Я буду оставлять вам записки. Брать их следует незаметно, лучше ночью.

— Понятно.

«Этот не растеряется», — отметил про себя Винокуров.

В последующие дни Шалдаев и Мигунов дважды выезжали на рыбалку. Таймень, однако, не давался в руки. И если вначале Ломанский отнесся к этому спокойно, то во второй раз увязался за ними:

— Мне так и так нужно побывать на десятом лесоучастке. Там у нас бригадир молодой, неопытный. Я к нему давненько не заглядывал.

Старшина понимал, что это повод, и обрадовался: «Кажется, клюнуло!...»

И снова они втроем сидели у костра. Все было, как прежде, и все не так. Ломанский изображал из себя хлебосольного хозяина.

Придвигая ближе к Мигунову миску с ухой, толковал:

— Когда-то еще случай представится, чтобы вот так, по-простому, по-свойски посидеть.

Ломанский говорил и говорил, все более откровенно высказывая свое расположение инспектору и все больше пьянея. И наконец, чувствуя, что коснеющий язык уже слабо повинуется ему, признался:

— Кажется, я того, ребята. Извините. Спать-спать.

Мигунов, поддерживая отяжелевшего, словно налитого чугуном директора, проводил его до сарая, помог снять ботинки, раздеться. Николай Юрьевич длинно и вкусно зевнул. Старшина повернулся, чтобы выйти наружу, как

вдруг Ломанский внятно, с отчетливой вопросительной интонацией произнес:

— Моя милиция меня стережет?..

Винокуров готов был поклясться, что эти слова принадлежали трезвому человеку. В мертвой тишине он медленно, сдерживая себя, обернулся и, делая вид, что не расслышал, ответил:

— Бережет, бережет, Николай Юрьевич. С таким стражем, как Шалдаев, мы с вами не пропадем. Все будет в порядке...

Старшина постоял, ожидая, что еще скажет директор. Но тот, далеко откинув за голову правую руку, лишь сладко посапывал. Минут через десять стали устраиваться на ночлег и его спутники. «Заснули» они быстро.

Лежа бок о бок на деревянных нарах, застланных овчинными полушубками, трое мужчин ритмично дышали, порой что-то бормотали «во сне». Медленно, по каплям, испытывая терпение людей, которые только делали вид, что спят как убитые, тянулась ночь.

Иногда вставал со своего ложа Шалдаев, выходил из сараюшки, прислушивался. Ему по штату положено было дремать вполглаза.

Наутро Ломанский был свеж как огурчик. Таким он оставался и в течение всего дня, когда вместе с Мигуновым объезжал места, где уже полным ходом шли работы по сталкиванию в реку застрявших на отмелях и косах бревен. Ничего не изменилось, не добавилось к тому поведению Николая Юрьевича, к которому Мигунов привык. Нервы у Ломанского, по всему видать, сотканы из прочного материала. И все-таки Винокуров все более утверждался в мысли, что фраза, вырвавшаяся у Ломанского накануне в сарае не случайна.

Значит, он что-то заподозрил.

Значит, нужно теперь быть готовым к любой провокации с его стороны. Дело шло к развязке.

Всем своим видом Ломанский как бы опровергал эти предположения Мигунова. Строго, но без нервозности отдавал распоряжения подчиненным. Энергия и мысль директора подхлестывали людей. Работа спорилась. Становилось ясно, что в ближайшее время прорыв на лесосплаве останется в прошлом. Все это было хорошо, однако выполнение задания, ради которого и прибыл сюда Винокуров, затянулось.

Ускорить ход событий, сам того не желая, помог

участковый. Беспокоясь о главном, Шалдаев нарушил договоренность — не подходить к старшине при народе. Правда, для отвода глаз милиционер завел речь о рыбалке и лишь потом задал вопрос:

— Как наши дела? Где мне быть завтра?..

Спросил быстро, полушепотом, не зная, что Ломанский из глубины своего кабинета увидел их на улице. По тому, как несколько нерешительно приблизился Шалдаев к Мигунову, заподозрил неладное. Подозрение тотчас окрепло. Коротко переговорив, оба разошлись, смеясь чему-то. Но за смехом Шалдаева чувствовались виноватость и озабоченность. Не годился он, просмоленный тайгой мужик, на роль артиста. По нарочито веселым лицам «рыбаков», отчасти по движению их губ, а больше в силу трудно объяснимой и до сих пор не подводившей его интуиции Ломанский понял: речь шла о нем. Тогда почему ни один из двоих не пришел к нему тотчас?

С этой минуты Ломанский уже не сомневался: Мигунов приехал по его душу. И это означало, что над Винокуровым нависла грозная опасность.

...Инспектор укладывался спать, когда к нему в гостиницу заглянул директор леспромхоза.

— Послушайте, Тихон Васильевич, на рассвете я выезжаю на Камышовое озеро. На его берегах с наступлением зимы мы начнем заготовку леса. Хочу прикинуть, где подготовить площадки для верхних, а где для нижних складов. Вы как? Не желаете посмотреть? Да и озерцо, признаюсь вам, другого такого во всей округе не сыскать. Просматривается до самого дна. Щука царевной ходит. Так что заодно и отдохнем.

Мигунов развел руками, смущенно улыбаясь, как бы извиняясь за свою слабость, уже известную другим:

— Эх, Николай Юрьевич, зацепили вы меня за больное место. Что уж тут поделаешь. Едем! Да и познакомиться поближе с участком будущих разработок мне будет полезно. Из городского кабинета ведь не все увидишь.

— Это точно! — зорко глянул на него Ломанский, проверяя, искренне ли согласие инспектора. И повеселел. Замысел удавался.

К тому времени, когда солнце прогрело воздух, уха уже варилась. Ломанский, потянувшись всем телом так, что захрустели косточки, поднялся от костра, прошелся взад-вперед.

— Пожалуй, разомнусь-ка я до завтрака, — с этими

словами он направился к челну, оставленному здесь кем-то из рыбаков.

Неторопливыми, сильными гребками погнал ходкое суденышко вдоль высокой стены камыша, маскирующего берега. В центре озера возвышался поросший ивняком, брусничником и березами островок. За ним, на противоположной от Мигунова стороне, через заросли пробивал себе дорогу широкий ручей, впадавший в реку...

Старшина, оставшись у костра, помешивал длинной деревянной ложкой в котелке и краем глаза наблюдал за Ломанским. Неспроста поехал тот сейчас: хочет убедить-ся, нет ли кого постороннего на озере. Успел ли Шалдаев взять из тайника записку?

Если успел — хорошо, если нет — придется рассчитывать только на себя. А в том, что противник готовится к решающей схватке, Александр Филимонович не сомневался. Лишь одно неизвестно — какой способ борьбы предложит он.

— А че-е-ерт! — донеслось внезапно с озера. Вслед за тем раздался тяжелый всплеск упавшего в воду тела.

Винокуров поднял голову. Приблизительно метрах в ста от берега барахтался в воде Ломанский. Перевернувшийся и наполовину затонувший челн отдалялся от него. Выпучив глаза, директор взмахивал руками, словно искал невидимую опору в воздухе. Голова его чем-то напоминала сейчас поплавков удочки, на крючок которой села крупная рыба. «Поплавков» рывками погружался в глубину, чтобы через некоторое время появиться на виду.

«Вот это номер, — как-то безотчетно подумалось Винокурову. — Хитрит, поди, гад. А если утонет, отвечай тогда».

Сбросив с себя ботинки и пиджак, старшина бросился в озеро. Холодная вода обожгла и тут же стянула грудь обручем. Задышавшись от напряжения, Винокуров подплыл к Ломанскому. Хотел было поддержать его за плечи, но тот вдруг перестал пускать пузыри и угрожающе-спокойно, будто находился у себя в кабинете, спросил:

— Ну что, выследил?

— Держитесь, Николай Юрьевич, — как бы не расслышав, отвечал ему запыхавшийся инспектор. — Я вам помогу!..

— Наследил, говорю, сволочь! — повысил голос Ломанский. — И кого хотел вокруг пальца обвести! — с этим возгласом он ударил старшину кулаком по темени.

Хотя вода ослабила удар, в мозгу вспыхнуло багрово-красным. Винокуров скрылся под водой. Сознания он не потерял, потому что успел отклониться в сторону. Но пусть враг ошибается на этот счет.

Секунд через десять-пятнадцать старшина вынырнул и, сделав вид, что обессилел, захлебывается, крикнул: — Тону-у!... Помогите-е!.. То-о!..

Удар ногой на этот раз пришелся в солнечное сплетение.

Винокуров поперхнулся и опять ушел вглубь. Ощутил пятками ил, резкую ломоту в мышцах. На дне озера били ключи, вот откуда этот колодезный холод. Оттолкнувшись, помогая себе руками, устремился наверх. «Побаловались и хватит», — подумалось ему.

Первое, что увидел старшина, выбравшись на поверхность, — радужно бьющие в глаза лучи солнца и стремительной тенью пробивающуюся через них моторку. Смахнув ладонью воду с лица, всмотрелся пристальней — так и есть: за рулем Шалдаев. Не подвел надежда-участковый! Успел забрать записку. За ночь добрался до озера, схоронился в камышах, ждал своей минуты.

...Осознав, что раскрыл себя, бывший сподвижник Степана Бендеры почернел от ненависти и отчаяния. С рычанием ухватился за борт теряющей ход лодки, попытался опрокинуть ее. Но Шалдаев, не применяя силы, легонько «вразумил» его тяжелым веслом. Подоспевший Винокуров подхватил обмякшее тело, и вдвоем они отбуксировали Ломанского к берегу.

Родник

Александр Филимонович наклоняется, срезает пристроившееся на пеньке возле муравейника семейство опят, кладет в полиэтиленовый пакет. Темно-синие тучи, отороченные поверху беловатой каемкой, заволакивают небо. Не иначе, быть ливню. По тому, как мозжили простуженные ноги, он это с утра чувствовал. Прапорщик еще раз окинул взглядом небо и по знакомой тропке направился домой. Военный городок был неподалеку, в каких-нибудь пятнадцати минутах ходьбы.

Над головой, в меднолистной кроне дуба точно кто выстрелил из духового ружья: па-а-ак! Это расстались

с материнской веткой созревшие желуди. С дробным топотком упали они на землю. Там им теперь лежать долго. До поры, пока не выбросят навстречу солнцу, дождю и ветру новые побеги.

«Окончание любой, даже очень большой работы, — глядя на желуди, размышляет Винокуров, — всегда означает в жизни начало новой, не менее интересной и трудной...»

Хорошо думается в прибранном золотой осенью лесу. Где-то, сразу и не разберешь где, слышен негромкий, с тонким стеклышком в тоне, звук редко падающих капель. Винокуров знает: это в глубине оврага, из-под толщи потемневшей от времени известковой плиты пробивается наружу родник. Он еще так мал, что среди собратьев своих напоминает ребенка, который учится ходить. Однако малыш упорен. В метре ниже себя он сумел уже выбить в камне просторную чашу.

До краев наполненная прозрачной влагой, с годами она становится все обширнее, глубже. Чувствуется, там, в земных недрах, отделенная от солнечного света многометровой преградой, накапливается, живет, волнуется и действует неизбывная сила воды. Недаром вокруг, по склонам оврага, поднялся густой лес. Деревья знают, где им расти. Дайте срок, и родничок-капелька, охраняемый этой зеленой чащей, станет причиной рождения еще одного голосистого ручья.

А тот, конечно, не будет сиднем сидеть. Оглядится, окрепнет в родных пределах и захочет узнать, что же там, дальше? Пустится в путь. Неугомонной молодой энергией поделится в дальней дороге с другими ручьями. Вместе они доберутся до цели. Малой толикой своею подкрепят неспешную спокойную мощь матери Волги. С тихой благодарностью примет она эту помощь. Потому что сама берет начало из родника и не забывает об этом.

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

Наталья резким движением задернула оконную штору. Она не могла больше смотреть на уныло моросящий дождь, на мутные лужи и голые, как будто ободранные неимоверных размеров граблями, деревья.

Надо сосредоточиться на деле.

Надо...

Эта тоненькая коричневая папка отталкивала: казалось, откроешь — и вырвется наружу визг свиней, отчаянный крик раненого человека.

У Натальи было такое ощущение, словно ей предстоит с головой окунуться в грязную жижу, но, преодолев в себе постыдную, как она считала, для следователя брезгливость, откинула новенькую обложку папки. В ней было всего несколько листов.

Сообщение из больницы. В 20 ч. 47 мин. «скорой помощью» доставлены: Кедринцев Николай Михайлович, 39 лет, зоотехник, диагноз: резаная рана грудной клетки; Пастюхин Иван Митрофанович, 64 года, рабочий мясокомбината, диагноз: проникающее ножевое ранение поясничной области, алкогольное опьянение.

Госпитализированы в хирургическое отделение.

Протокол осмотра места происшествия Наталья отложила в сторону. Сейчас ее больше интересовали показания единственного свидетеля — Малинина.

«По существу заданных мне вопросов поясняю следующее: сегодня, 15 ноября, на автомашине «ГАЗ-52» выехал из колхоза и к вечеру уже был в Куйбышеве. Вместе со мной ехал зоотехник Николай Кедринцев. Мы везли для сдачи на мясокомбинат свиней. В Куйбышев приехали — время не помню, но было уже темно, мне пришлось включить подфарники. На мясокомбинате мы взвесили свиней и стали перегонять их из одного загона в другой, на верхний этаж. Ворота загонных открывал Кедринцев. В это время к Кедринцеву подошел рабочий мясокомбината и стал громко ругаться. Он кричал

Николаю, чтобы тот не открывал ворота загонов. Во время их спора несколько свиней выбежали на территорию комбината. Николай пошел за ними, чтобы вернуть обратно, я стал загонять остальных на верхние этажи. Николая я не видел и вдруг услышал его крик: «Женька, меня зарезали!». Я побежал на крик и увидел, что Николай сидит на земле, а рабочий лежит рядом.

Я сразу побежал к машине, чтобы найти телефон и позвонить в «Скорую помощь». На центральной проходной я сообщил вахтеру о происшедшем. Когда вернулся на место происшествия, там было много людей.

Я точно знаю, что у Николая не было ножа. Мы по дороге обедали и хлеб ломали руками.

По характеру Кедринцев человек спокойный, не знаю, мог ли он первым напасть на другого человека.

С моих слов записано правильно, мною прочитано. Малинин».

«Какая нелепица», — подумала Наталья, откладывая протоколы в сторону. Не верилось, что, поссорившись из-за пустяка, старик Пастухин ударил другого человека ножом. Но кто же ранил самого Пастухина? Кедринцев? Возможно, первым напал он?

Группа, выезжавшая на место, опросила всех работников комбината, но свидетелей не нашла, никто ничего не видел и не слышал. В сложившейся ситуации истину можно было прояснить только в больнице, хотя маловероятно, ведь раненые еще в тяжелом состоянии.

Разговор с Кедринцевым начался удачно. Он был в сознании и на расспросы о самочувствии отвечал связно. Но когда Наталья назвалась, его вдруг начало трясти.

— Я все помню. Все помню! Это он...

Подписать протокол Кедринцев не смог, тряслись руки.

— Ничего страшного, — улыбнулась ему Наталья, — следующий раз подпишете, поправитесь и подпишете.

Беседа с Пастухиным оказалась более продолжительной.

— Ох, товарищ следователь, у меня столько врагов, сколько вам и в кошмарном сне не снилось.

— Почему же, Иван Митрофанович?

— Я до пенсии в охране работал. Дело это опасное. Каждый норовит что-нибудь утащить, урвать побольше. Из-за куска мяса готовы горло человеку перегрызть.

— Значит, вы догадываетесь, кто вас ударил ножом?

— Нет. Он сзади подкрался. И саданул мне в левый бок. Упал я, как будто в яму провалился, ничего не помню.

По дороге из больницы Наталья старалась забыть хотя бы на время о своих подозрениях и догадках, сосредоточившись на анализе услышанного.

«Обоих по-человечески жалко. Но Пастюхин, пожалуй, самую малость подыгрывает. Он очень хочет вызвать сострадание, казаться добрым и справедливым. Только с добротой его что-то не складывается: «каждый норовит кусок побольше урвать... готовы горло перегрызть» — это уже мировоззрение.

Кедринцев возмущен жестокостью происшедшего. Да, делает вид, что возмущен. А на самом деле?

И еще — Малинин.

Малинин, двадцатилетний парень, нервничал. Рассказывал о случившемся сумбурно, перескакивая с одного на другое. Наталье стоило больших трудов направить разговор в нужное русло.

— Женя, давайте вернемся к тому дню. Что вы увидели, когда прибежали на крик Кедринцева?

— Рабочий лежал на боку, а Николай — рядом, на коленях. Левой рукой он опирался на Пастюхина... Когда я вернулся с проходной, возле Кедринцева валялся нож. Кедринцев показывал на него и говорил, что рабочий несколько раз ударил его...

— Сколько времени прошло с того момента, как вы оставили Кедринцева и Пастюхина, до крика: «Женька, меня зарезали»?

— Минут пять, не больше.

— Был ли в это время кто-нибудь посторонний на месте происшествия?

— Нет, это исключено. Там везде прожектора светили.

После допроса Наталья жирно перечеркнула в своем блокноте фамилию «Малинин».

Все допрошенные ею работники мясокомбината, сбежавшиеся на крик Кедринцева, как и Малинин, в один голос утверждали, что никого из посторонних не было. Таким образом, оставалось два действующих лица: сами пострадавшие. Но кто из них зачинщик резни?

Следующий день начался с неприятности. Утром Наталья, как и планировала, поехала в больницу. Дежурный врач недоуменно вскинул брови:

— Кого-кого вы хотите увидеть? Кедринцева? Так он же вчера умер!

Наталью бросило в жар.

— Девушка, что с вами? Выпейте, выпейте, вот вода. Нельзя все так близко к сердцу принимать. Думаете, нам не жалко? Каждого человека жалко. Зато второй ваш подопечный поправляется, скоро выпишем.

...Перед Натальей стоял старичок в белых валенках с калошами и поношенной фуфайке. Пастюхин. У него презрительный прищур глаз, плотно сжатые губы, на лице — едва уловимая усмешка.

— Нож? Ой, что вы, товарищ следователь. У меня ножей отродясь не было. Зачем он мне? А вот у моих врагов... Но я никого конкретно не подозреваю, разве всех упомянешь?

После нескольких бесплодных допросов Пастюхина Наталья уже не сомневалась: от него ничего не добьешься. Надо идти по другому пути. Но по какому?

Однажды к Стародубовой зашел судебно-медицинский эксперт Владимир Николаевич Овсянников. Наталья искренне обрадовалась, она-то знала, что Овсянников просто так не заходит.

— У тебя, говорят, занятный старичок есть? — начал он без каких-либо предисловий. — Обстоятельства дела знаю. Выкладывай, что имеешь против него.

— Мало, очень мало. Знаю, уверена, он убийца, а доказать не могу. Почему уверена? Во-первых, Кедринцев еще в больнице сказал мне, что его ударил Пастюхин. То же самое он говорил сбежавшимся на крики людям. Во-вторых, пришел ответ на мой запрос. Оказывается, Пастюхин дважды судим, но скрывал это. Наконец, последние дни я находилась на мясокомбинате, выяснила, что у Пастюхина был нож. Правда, он не признается...

Овсянников снял очки, провел ладонью по лицу.

— Если Пастюхин врет... Завтра приду на допрос, познакомлюсь с ним поближе. А ты езжай домой, отдохни, вид у тебя усталый.

На улице шел снег. Первый снег.

...Прокурор, ознакомившись с материалами дела, вынес постановление об аресте Пастюхина. Поэтому последние допросы обвиняемого Наталья проводила в следственном изоляторе. В новой обстановке Пастюхин повел себя по-другому. Наталье сначала даже показалось, что к ней по ошибке привели другого человека. Тихий, измученный недугами старичок превратился в наглого уголовника.

— Ничего ты не докажешь, следовательно, мокрухи не пришьешь. Не виноват я.

Только когда на допросы приходил Овсянников, Пастюхин притихал. Он, наверное, побаивался этого спокойного человека, его пристального, изучающего взгляда сквозь толстые стекла очков. Особенно живо Владимир Николаевич интересовался самочувствием Пастюхина.

— Вы говорите, что сразу после удара потеряли сознание?

— Точно, аж сердце замерло. Как мертвый упал. Даже обернуться не смог.

— А на какой бок вы упали?

— На левый.

В комнате установилась тишина. Потом ее оборвал неожиданно резкий голос эксперта:

— Врете, сознания вы не теряли и все прекрасно помните.

— Ничего не помню, упал, никого не видел, — вяло, как фразу из заученной роли, повторил побледневший Пастюхин.

Овсянников продолжал:

— Получив ранение, для вас неожиданное, вы должны были отреагировать чисто инстинктивно: повернуться к наносившему вам удар, постараться отразить возможность повторного удара. Но в том-то и дело, что напали вы сами. Как? А так: левой рукой вы схватили Кедринцева за пальто, а правой, в которой был нож, нанесли четыре удара. У Кедринцева все-таки хватило силы вырвать нож, ткнуть им вас в поясницу...

Пастюхин сидел с невозмутимым выражением лица, он уже справился с собой, лишь голос его был по-прежнему уставшим, надломленным.

— В моем возрасте садиться в тюрьму страшно. Думал, хоть умру спокойно. Но не надейтесь, признаваться не буду...

Наталья знала, что убеждать этого человека бессмысленно. Он жил со злобой, с ненавистью к людям, она испепелила его душу, вела от одного преступления к другому.

...В этот вечер Наталья долго не уходила с работы, ждала звонка Овсянникова из суда. И вот наконец-то в телефонной трубке его славный голос:

— Поздравляю тебя, Наташа, суд признал Пастюхина виновным.

Этот рассказ — об одном из первых дел старшего следователя Советского РОВД города Куйбышева лейтенанта милиции Натальи Леонидовны Стародубовой. Теперь на ее счету не один десяток успешно расследованных преступлений.

ЧЕРНАЯ НАКИПЬ

Фимка спустился медленно по ступеням вагона на перрон. Огляделся. Два года минуло, как увозили его отсюда, а тут вроде ничего не изменилось. Обмызганные киоски с пакетиками конфет на витринах. Облупленное, с темными потеками здание вокзала. Зеленые светящиеся буквы на его фронтоне. И запах угольно-мазутный... А душа пела: «Здесь мой причал!».

Никто не обращал внимания на его потертый чемоданчик, на серую куртку, на большие, не по ноге, ботинки из юфты, на серую же из поддельной смушки шапку, едва удерживающуюся на копне его жестких волос. А ему хотелось крикнуть на весь перрон: «Земляки, вернулся Ефим Сидорович Солуянов!».

Люди шли по перрону с чемоданами, толкались в спешке, размахивали портфелями, раскачивались по-утиному, нагруженные до предела авоськами, узлами, тюками. Несла живая волна и Фимку к тоннелю. Ему торопиться некуда и не к кому. Пока тонкая нитка времени ткалась, мать его преставилась. В минуту унынья Фимка упрекал себя: «Умерла она из-за меня. Нервы истрепал ей. Сначала в школе. Потом слонялся без дела. А мать — переживай!». Другой голос останавливал его: «Пить ей нужно было поменьше! Валялась в канаве на морозе — простудилась...». Никого из близких у него не осталось. Отца он не знал. Были ребята из интерната, куда его сбаврила мамаша на три года. Кому из них дело до него, Фимки! Кто он им, брат, сват, племянник?..

На привокзальной площади в вечерней полутьме он различил три высотных здания. Светились окна. В лоджиях белели пеленки. «Люди живут!» — вздохнул он и тоскливо решал: куда податься?.. Теплилась надежда: материна комната! Возле костела. На Куйбышевской. На втором этаже. Письмо о смерти матери он получил в колонии три месяца назад. Может, опечатали комнату до его приезда?..

Комнату заселили без него.

Соседка по коммунальной квартире, написавшая Фимке о похоронах матери, поживалась под теплой шалью в коридоре.

— Айда ко мне. Мои-от в деревню за мясом умотали...

У соседки было тепло. Куртку он бросил у порога. На нее — прокорболенную шапку. Пятерней разровнял густые волосы. Хозяйка засустилась у стола.

Пили чай с вареньем. Похрустывали сушками.

— Как тебя засудили, матушка с горя... Без перерыва. Выселить надумали. Лечить собирались. От горячки слегла...

— Где ж вещички? Моя одежда где? — Фимка скосил темный глаз на соседку.

Она смахнула со лба седые волосы, подперла кулаками голову.

— А где ж им быть?.. Все спустила матушка. Срам был, когда обрядовать хватились... Ну, какое-никакое барахлишко осталось, так на склад домоуправления свезли...

— Охломоны небось уже растащили!

— Чего там тащить! — Хозяйка потрогала его щеку. Тепло ее пальцев током прошло до сердца. — Шрам-то откуда, Фимка?

— Там... — Голос сорвался на всхлип.

Допили чай в молчании. Хозяйка прислушивалась, оглядываясь на дверь.

— Фимка, прости заради бога, — молвила она, сложив руки на груди. — Не дай бог, мои застанут тебя... Помнишь, какие они? Мне хоть живой тогда ложись в гроб...

У Фимки был в городе должник. О нем помнилось на суде, в исправительной колонии.

— Понял вас, соседка!.. Спасибо за чай и приют. Мне б пиджак. А?.. Верну часа через два-три. Гадом буду! И пальтукан или плащ...

Хозяйка понятливо кивала головой, глядя на лагерное одеяние Ефима.

В кафе «Чайка» он занял место напротив эстрады. Музыканты играли что-то бесшабашное. «Узнает или не узнает?» — ломал он голову, пощипывая редкую бородку. Два года назад ее не было. И шрама на щеке. И руки были белые, ровные. Теперь — потрескавшиеся, в мозолях и отметинах. Потягивая пиво, Фимка припоминал летнюю ночь. Набережная Волги. Киоск на Полевом спуске.

Старик сторож, брыкавшийся на земле. Скрип дверец... Вдвоем заталкивали блузки и косынки в рюкзак. И вдруг свистки, топот. Крик: «Стой!». Ему подставили ногу — упал с мешком. Семен увернулся за кустами. На первый вопрос в комнате дежурного по отделу милиции: «Кто был с тобой?» — словно отрубил для себя: «Пусть Сенька живет на воле. Женился недавно. А мне что — один как перст!». Упорствовал на следствии. Не признался в суде. И «кореш» избежал кары...

Фимка видел Семена. За ударными инструментами. Выше остальных оркестрантов. Ловко махал палочками. Мелодично позванивали медные тарелки. В свете неона «кореш» выглядел худощавым. Лицо вытянутое. Глаза веселые. Повеселел и Фима: «Не пропаду!» Ему было приятно в притемненном зале. Вдыхать запахи жареного мяса, кисловатого пива, дыма сигарет. Музыка оглушала, рождала воспоминания. В интернате их койки были рядом. Семена спроварила туда мамашка, певичка филармонии. Отец бросил их. Он был чуть художником, чуть актером, чуть музыкантом — мотался по городам и весям. И Семен пошел в родителя: рисовал, пел, барабанил... Мечтал о больших деньгах и всенародной славе. Девочки липли к нему. Он рассказывал им об известных артистах, модных писателях и художниках — все, как догадывался Фимка, со слов родителей, падких до сплетен...

Музыканты умолкли. Тишина разом оглушила Фимку. Он допил пиво. Поискал глазами Семена. «Эх, Чабан!» Он протолкался к «корешу». В школе-интернате учительница русского языка как-то бросила сердито: «Гераськин, в чабаны пойдешь, если возьмут при твоих знаниях!» Так и прилепилось прозвище.

— Чабан!

Семен резко оборотился, округлил маленькие глазки:

— Ты?! Откуда?

— По чистой! Досрочно... — Фимка увлек Семена в вестибюль, облапил, дотянувшись лишь до плеча. Волна тепла захлестнула его. Невольно уткнул кудлатую голову «корешу» в грудь. Вал за валом на мгновенной скорости прошлое ударило по сердцу: драки, тяжелый топор на лесоповале, мороз до костей...

Семен нервно перекидывал папироску из угла в угол губ.

— Борода у тебя — не узнать.

— А? Чего ты? — встрепнулся Фимка. Оглядел

«кореша». Костюм в полоску. Галстук с искрой. Волосы — завитками на вороте. Брюки в меру мятые, как модой продиктовано. Ботинки на высоком каблуке. «Пижон ты, Сенька! В болота бы тебя, пни корчевать да гати гатить!» — раздражение суживало коричневые глаза Фимки.

— Сень, переночевать пустишь?

Выплюнул Семен окурок. Опустил прибранную голову.

— У нас угол... Хозяйка, как змея! В поселке Шмидта...

— Та-ак... Змея, значит. А киоск не забыл?.. По приметам ищут. Мне что: свое отдал. А ты?.. Висит твой должок!

Семен плаксивым голосом:

— Не вороши, Фимка!.. Ночлег будет. Завтра пойдем к моему дружку на завод. Общежитие у них — блеск!

— Бле-еск! Помнишь, вязали сторожа? Лапа твоя на стекле. Пальчики твои в уголовном деле, Сень!.. Ума не приложу, почему тебя не замели?..

— Я должник — факт! — Семен крепко пожал руку Ефиму. — Век не забуду! Айда!

— Сперва сменю шкуру. — Фимка увел «кореша» к костелу, оставил во дворе. Вернулся быстро в прежнем одеянии с чемоданчиком в руке.

На троллейбусе добрались до вокзала. Перешли мостик через железную дорогу. В темноте побрели на Неверовскую.

В воскресенье утром хозяйка небольшого домика на берегу Самарки, набросив на плечи мужнин полушубок, постучалась к соседям. Уединившись на кухне с соседкой, уронила слезу. После смерти мужа, рабочего кирпичного завода, чтобы не коротать дни в одиночестве, пустила на квартиру студентку медицинского института Тамару Пигалеву. Среднего роста. Смуглявая, расторопная. Полы помыть, постигнуть, грядку вскопать, воды наносить из уличной колонки — все у нее ладно выходило. Аккуратно расплачивалась за постой. Приходила с занятий засветло. И одна. Иногда, правда, предупреждала, что заночует у подружки в общежитии. Дело молодое — танцы, киношка... В первую же неделю купила колоду карт. Вечерами часто дулись в подкидного дурака. Играла азартно, спорила и не любила проигрывать. И еще одна причуда: комнатку обклеила картинками с видами на

море. Прошлым летом вернулась с каникул черная от загара. Рассказов про море, про пароходы — вагон и маленькая тележка!.. И карты на время отошли на второй план. Слушать ее было интересно — хозяйка домика никогда не видела моря и белых океанских пароходов. Только в кино да по телевизору. А тут — живой свидетель!..

— А ноне среди ночи парни пришли. Шептались долго. Высокий навроде раньше бывал у Томки. А с бородкой — в первый раз вижу. Заночевал...

Соседка посочувствовала:

— Молодые теперь — не то. Стыда не стало! Да кто он такой?

— Мол, дальний сродственник, будто из Красного Яру... А вот сердце саднит: не воровской ли человек? Чемоданишко. Одежка серая, воняет корболовкой. Не знаю, как мне быть...

— Откажи квартирантке — и делов-то! — Соседка прислушивалась к храпу за перегородкой: муж вернулся на взводе вечером, скоро потребует завтрак. — Картошки пожарить, что ль... Да огурцов соленых... Сатан мой-от проснется!

Тем временем Фимка, приведенный сюда Семеном, был уже на ногах. Он слышал как шлепала босиком хозяйка, как скрипнула калитка. Он умылся в сенях, расчесал у зеркала непокорные волосы. Сидел на крыльце, грея спину на солнце. Должен был прийти Семен...

— Приветик, мальчик!

Фимка вздрогнул от неожиданности. Позевывая и потягиваясь, рядом стояла девушка в спортивных брюках. Стрижка под мальчика. Черные тонкие брови — полудужьями. Мелкие ровные зубы. Ямочка на левой щеке. Босые открытые до колен ноги — в загаре. А ногти накрашены.

— Здравствуйте! — Фимка оробел. В своей лагерной одежде он выглядел здесь инопланетянином. И самое загадочное, сразившее его наповал: он узнал девушку!.. Она прошла по вагону, заглядывала в купе. Поясняла: часто бывает в командировках, приходится ездить в общих, а ей по должности положены купейные места. Если кому-то не нужны билеты для отчета, то она просит отдать их ей. А какой Фимке отчет?.. Он взял у проводника свой билет и вручил этой солнечной девушке. Он тогда поразился: «Где живет такая красotka!». И вот,

как в сказке, она — рядом. Мазнула усмешливыми глазами.

— Загляни ко мне!

В своей комнатке-коморке, обклеенной проспектами туристического бюро, она протянула ему руку:

— Тамара! Студентка. Вот так-то, Ефим Сидорович Солуянов...

И снова Фимка удивился: откуда она знает?.. Семен ночью не называл его. Просто сказал: «Дружка приютить нужно!». И цапнул себя за карман: на месте ли документы?.. Она заразительно рассмеялась.

— Лопух!.. Придется тебе нужно, товарищ Солуянов...

Он сам знал об этом. В милицию за паспортом нужно прийти вольным по форме. И в отделе кадров требуется быть при параде. Зачем рекламировать свое недавнее прошлое?..

— Заработаешь, вернешь! — Тамара подала ему пачку красных десятков. — В воскресенье работает универмаг «Самара»... Понял, Ефим Сидорович?..

Фимка не стал дожидаться «корешка». Ошеломленный встречей, он заспешил от Самарки на ту сторону железной дороги. Думал с признательностью о Семене: не бросил, денег оставил, на ночь пристроил... И еще занимало его будущее: поступить на завод, получить место в общежитии, научиться слесарить, как мастер, преподававший труд в школе-интернате, как старшина в путевой роты железнодорожного батальона, где служил срочную Фимка. В это солнечное утро сентября хотелось думать только о хорошем. Познакомиться б с девушкой... Где капризуля Оля?.. Как расстались в интернате — молчок! И тут мысли вернулись его к Томке. Почему Семен привел его именно к ней? Кто она ему?.. Ведь Семен был женат на Клавье, билетном кассире. И почему так запросто эти деньги? Фимка похрустел десятками в кармане. Отмел сомнения: Семен всегда был ветреным! Вероятно, очередная интрижка втайне от Клавьи. А деньги... Да разве же сам Фимка не выручил бы «кореша», попади тот в переплет?.. О чем речь! А у Семена губа не дура! Где уж нам до такой! Фимка подергал пальцами свою бородку, похмыкал: сбрить или не сбрить?.. И засвистел в порыве чувства свободы...

Обычный конец рабочего дня.

Евгений Васильевич Жуков сложил бумаги в папку, смежил веки: глаза устали от чтения. «Сменить бы стекла очков». И усмехнулся иронически: «В стеклах ли за-гвоздка?» Пóмнилась сценка в трамвае. Жуков ехал в гражданском, чтобы не распугать милицейской формой братию-шатию возле зоомагазина. Из-под полы торговали там опарышем, мормышками, червяками, прикормом — всем, чего нет на прилавке и без чего ты не рыбак!.. И вдруг парень поднялся с переднего места вагона: «Пожалуйста, папаша!». Как старику!..

Развел руки, разминая крутые плечи, положил очки в футляр. Угадывались скрытые радость и нетерпение, освобождение от службы — впереди два выходных дня! Запереть сейф, опечатать его — вся недолга... Звонок телефона оторвал Жукова от размышлений. В трубке голос внука:

— Дед, ты скоро домой?

— Как положено службой, товарищ внук! — Евгений Васильевич пристукивал мизинцем по столу, улыбался во весь рот.

— А как положено службой, деда?

— Передай бабушке: явлюсь ангелом с небес.

— Каким ангелом, деда?

— Выясни у бабушки. Это по ее ведомству.

— Лады, спрошу. — В трубке долгое сопение. — А рыбалка как?..

— По плану. Слово — олово, товарищ внук! Проверь свой мешок — не забыл ли чего?

Отворилась дверь — на пороге лейтенант Бардышев.

— Разрешите?

— До скорой встречи, внука! — Жуков положил трубку. — Пожалуйста, Владимир Львович.

Евгений Васильевич вышел из-за стола. Поскрипывали новые нерастоптанные сапоги, и он досадливо кривил толстые губы. Он уже отрешился от дневных забот, мысленно был рядом с пятилетним внуком. Собрались с ночевой за Волгу. Палатка уложена. Снасти подобраны. Жена заготовила еду. Два дня порыбалить, побродить по золотистым перелескам, посидеть у костра с ухой... Жуков опустился на диван с дерматиновым покрытием, хлопнул широкой ладонью по валику-подлокотнику:

— Посидим, Владимир Львович?

— Бывает, понимаете, товарищ майор, ситуация. —

Бардышев прохаживался у стола. — Весь день удачен. Настроение небесное. И — ложка дегтю! У вас такое бывает?

— Сколько угодно — се ля ви, как теперь можно выразиться по-французски... А что за деготь, если не секрет?

— Иду по перрону. Прибыл «Южный Урал». Старушка с билетом: «Какой вагон, милоч?» — «Третий, бабуся!». Но проводник загородил двери: «Мест нет!» — «У меня билет, сердешный, куплен...». Старушенция растерянно топталась — поклажа через плечо гнула к земле. Билет у нее действительно был в третий вагон. Бардышев о чем-то задумался, потирая острый подбородок, бросил бумажный катышек в корзину с бумагами. — Не переносу беспомощности таких стариков. Свою маманю вспоминаю...

— Ну, отправили ее?

— Да!.. Товарищ майор! — Бардышев воскликнул, что-то вспомнив, и опустился на стул. — А если это повторение истории с «двойником»? Как же я сразу на платформе не сообразил?

Жуков вернулся за стол, погладил свои редковатые волосы.

— Выкладывайте без загадок, товарищ лейтенант!

С месяц назад, в летний пик пассажирских перевозок, у купейного вагона фирменного поезда «Жигули» возник скандал: на 21-е место претендовали два пассажира. Девушка с миловидным лицом, в модной красной кофточке, обвиняла железнодорожников в нерадении, в издевательствах над людьми. Бригадир поезда держал в руке два билета. Число, время, вагон, компостер — все совпадало. «Ну недотепы!» — мысленно осуждал он билетных кассиров. Модная пассажирка грозила жалобой и не собиралась уступать право ехать на нижней полке. Ее соперник, пожилой человек с отечным лицом и толстым портфелем под мышкой, соглашался миролюбиво: «Поместите меня, куда вы считаете возможным». — «У меня есть незанятое место», — вручила проводница из седьмого вагона. Бригадир облегченно вздохнул...

Вернувшись из рейса, бригадир «Жигулей» зашел в линейный отдел милиции. Принял его лейтенант Бардышев.

— Знаете, товарищ лейтенант, «двойник» не выходит из головы. Запал в ум... — Он положил перед Бардышевым мятый билет. В сомнении развел руками: —

Исправлено, что ль... Как мне показалось, подчистка имеется...

Лейтенант под лупой сличил бланки билета. Особых отклонений не установил. Версия бригадира представилась ему надуманной.

— Пассажирка вам известна? Это ее билет?

Бригадир сердито молвил:

— Оставила автограф! — И подал лейтенанту казенную тетрадь.

В книге жалоб и предложений поезда «Жигули» было обстоятельное заявление о беспорядках на железной дороге, написанное косым почерком и с грамматическими ошибками. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество, как положено формой.

Бардышеву тогда представилось: «Бригадир из амбиции затевает возню! Если бы не жалоба, уж забыл бы конфликт — мало ли их бывает в поездах!». Если подчистка, то кто ж оставит свой адрес в поездной книге, станет рисковать своим почерком?..

— Вами другой билет изъят? — спросил он бригадира. — Он не вызвал подозрения?

— Нормальный! Мужчина ехал в командировку — билет ему нужен для отчета.

«Так и есть — обида!» — неприязненно думал Бардышев.

— Заявите ревизорам отделения дороги!.. Лучше письменно.

Бригадир забрал билет и ушел явно недовольный.

Теперь лейтенант Бардышев с повинной головой рассказывал майору Жукову о том случае. Евгений Васильевич поругивал в душе лейтенанта: «Мог оставить заявление у себя... Сырой материал выдает все-таки университет!»

— Почему теперь и вы подозреваете?

— Дело в том, товарищ майор, что позднее один ревизор мимоходом сказал: «А корешка-то билета-«двойника» в кассе не оказалось!» И снова я пропустил сигнал...

— Да-а, это уж кое-что. — Жуков припомнил давний эпизод из своей милицейской практики. Сразу после войны возникло дело о подделке железнодорожных билетов. Вышел он на чертежника одного из заводов. Подозрение пало также на некоего Дудникова. Пока Жуков копался, последний был взят по делу о краже из камер хранения. Скорый суд. Срок. Исправительный лагерь. Уехал

и чертежник. Дело с билетах осталось незаконченным...

— Тридцать лет минуло — срок давности! — Бардышев снял очки и тер их чистым платком, близоруко щурясь. — Кому сегодня захочется мелочиться?..

— Время, конечно, немалое... Дудникову было где-то за тридцать. Нога у него, помню, покалечена. И горбился, как пожилой человек. Срок получил небольшой — на свободе, вероятно. Ну а насчет мелочишки — на досуге подумайте, товарищ лейтенант...

— Виноват, товарищ майор!.. Старушка, понимаете, дышала тяжело, кахикала. Такая жалость взяла меня!.. По-остойте, Евгений Васильевич!.. — Бардышев согнул спину дугой, изменил голос и, словно опираясь на палку, прихивал: — Дак у кассы... кхм-кхм... людно у оконца... А он тут. Мол, самому ехать не с руки. Чтой-то приключилось. Кхм-кхм... рубль в рубль, сколь положено взял...

Выпрямился Бардышев, надел очки, сокрушенно повторил:

— Билет-то с рук. Как не насторожило меня?! Кое-как усадил старушку в первый вагон...

— Как бы не пришлось, Владимир Львович, поднимать архив. Вот что. Звоните в Сызрань. Обрисуйте старушку. Попросите ребят встретить ее. По билету все данные. А лучше — фотокопию. У кого купила? Адресок ее. Да чтобы поаккуратнее — ведь пока одно озарение! Не так ли, Владимир Львович?..

— Так, товарищ майор! — Бардышев взялся за телефон. — А не лучше ли из Чапаевска? Под видом контролеров. До Сызрани управятся. Годится, Евгений Васильевич?

— Евгений-то Васильевич годится, да из-за вас гореть мне пламенем перед внуком. — Жуков сокрушенно смотрел на часы.

— Не из-за меня, Евгений Васильевич, из-за старушки, — усмехнулся Бардышев.

Нужные слова были сказаны и Чапаевску и Сызрани — результата можно было ждать с оказией в понедельник.

— Что ж, Владимир Львович, по домам или как? — Евгений Васильевич смотрел в окно. На площади горели элекрические фонари. Над железнодорожными путями густые сумерки размывали верхушки решетчатых мачт.

— Полагаю, или как... — Бардышев оторвал клочок

бумаги и начал катать его пальцами. — Исправляться пора — за двадцать пять перевалило.

— Вам же пока никто не поручал дело о билетах...

— Дождусь звонка из Сызрани. Честно, зацепило меня!..

Евгений Васильевич похлопал лейтенанта по сутуловатой спине:

— Не сомневайтесь! Ребята у нас проворные: на ходу подметки ваши заменят и не почувствуете!.. Вы же собирались по грибы в Шелехметь.

— Возьму заявление бригадира. Будут данные старушки, наведаюсь в архив...

— Архив беру на себя, Владимир Львович... Тыфу ты-и!.. Ну, товарищ лейтенант втянул в историю!.. — Евгений Васильевич сел на диван и вновь напомнил: — Грибы, говорю, не зачервивеют?..

— Какие грибы!.. — Бардышев досадливо махнул рукой, набирая номер телефона резерва проводников вагона. Ему ответили, что бригадир «Жигулей» в Душанбе и вернется лишь в понедельник. Потом был звонок, и Бардышев подал трубку Жукову.

— Товарищ внук, прости! Пока ложись спать, завтра рано разбужу. На первый клев попасть! Ясна задача? Ну, спокойной ночи, дружок! — Вернув трубку Бардышеву, он по-деловому закончил: — Начальства нет, Владимир Львович. Дело затевается вязкое. Советую подаваться в Шелехметь. Со свежей головой легче начинать. Айда!..

Находясь на перроне, лейтенант Бардышев не приметил стройную девушку в мятых узких джинсовых брючках и красной кофточке. Она медленно прохаживалась по платформе, наблюдая за пассажирами скорого поезда.

— Дочка! — Женщина опустила водяной шланг, из него сочилась вода.

— Чего тебе? — Девушка поджала крашенные губы, раздраженно стряхивая капли воды, попавшие на джинсы со шланга, стыдливо озиралась.

— Как живешь, доченька? Не заходишь почему, а? — Мать отерла руки о полу затасканной тужурки, присмкнула застиранную косынку на седоватых волосах.

— Живу... Сама-то ничего? — Девушка отыскивала глазами среди суетившихся пассажиров старушку с узлами через плечо. Та семенила вдоль вагонов, заглядывая на номера, что-то спрашивала.

— Какой ничего! — Женщина бросила руки на поясницу. — Ломит до обморока...

— Какнибудь... — Дочка прилепилась к переплетам осветительной мачты. К старушке с узлами подошел лейтенант в милицейской форме. Проводник что-то говорил им. Тонкий очкастый лейтенант размахивал руками, вертел билет под носом проводника. Потом увел пассажирку к первому вагону.

— Прибыл электропоезд со станции Сызрань! — объявили по радиосвязи.

Девушка стремительно нырнула в толпу и скрылась в тоннеле. Вскоре ее красная кофточка мелькнула на троллейбусной остановке.

Утром того же дня — солнце еще только коснулось верхушек домов — возле общежития завода железобетонных изделий на скамейке под тополями сидел Семен Гераськин. На него поглядывали с интересом. Спортивный костюм в светлую полоску, кепчонка с коротким козырьком, ботинки на высоком каблуке... А ребята выходили в брезентовых робах, крепких сапогах, с касками, в подшлемниках. Семен же расценивал любопытство как признак своей известности: ударник из модного в городе ВИА! И кафе «Чайка», где он играет в этом вокально-инструментальном ансамбле, считается особо престижным — артистическое!.. Воспоминание о «Чайке» всегда вызывает у Семена усмешку: построено оно на месте киоска, где они с Фимкой засыпались!

Солуянова он едва признал. Травяного цвета роба, тяжелые ботинки. Косолапил, как медведь, среди рабочих. Он отозвал его. Пошли рядом.

— Живется-можется? — спросил Семен. Щелкнул зажигалкой и прикурил тонкую сигарету.

— Обхождение — по первому классу. И все такое прочее. Удружил!..

— Цени! Ну а на хлеб-масло дают?

— Лопатить надо. Перекурим, тачки смажем, трап наладим — и домой! Слышал про такое? Не работа — принудилровка! Совесть во мне кипит!

— А тебя, Фимка, перековали! — удивленно протянул Семен. — На побочный заработок не тянет? Тут — на хлеб, там — на масло.

— И окно в клетку! Здравствуй, параша!.. Эх ты, Чабан!..

— Ну, лады. Будь святым, Фимка. Помоги в одном деле. Друг собрался в Ташкент. Прямых не оказалось, взял билет до Москвы, а оттуда — самолетом. Бог полагает, черт располагает. Телеграмма: мать в деревне при смерти!.. Загони билет, будь молотком! Мне на сыгровку — никак не могу сам.

— Велико дело! — Фимка цвиркнул слюну сквозь редкие зубы, положил билет в карман. — За расчетом сам придешь? Давай! До встречи, Сень!..

«Чего в такую даль перся? — запоздало удивился Фимка. — У Томки же вокзал под боком!». Собрался спросить, но Семен уж скрылся за домами.

Они шли по улице Льва Толстого. Жилистый, заметно сутулившийся, длинноногий Бардышев и медлительный, со зрелой тучностью — Жуков. Погода располагала к неторопливости: прохладный ветерок от Волги, шелест под ногами опавших листьев, редкие прохожие, одиночные автомашины...

— Нравится служба, Владимир Львович? — Жуков присматривался к Бардышеву не первый год и все не мог утвердиться во мнении. Грамотный, имеет чутье на розыск, а срывы и промахи до обидного часты.

— Познаю, Евгений Васильевич... Сличаю со своим принципом... И поражаюсь!..

— Чем же, если не секрет?..

— Нравственной стороной. Вот билеты. Допустим, что тут не оплошность, а умысел. Кто-то обманул старушку. Сумма, подделка, мошенничество — для меня все это второе дело, если хотите. — Бардышев увлекся рассуждениями, опережал Жукова, останавливался, жестикулировал вольно, подергивал очки на переносице. — Обманули человека! Она думает теперь обо всех — верить нельзя!.. Вот вред наипервейший! Под корень наш кодекс: человек человеку друг и брат!..

— Ты сколько в милиции?.. Три года? А я — двадцать пять!.. Ты заметил темноту в обществе. В смысле гадкого больше, чем нам хотелось бы... Много дерьма — тут ты прав. Но я верующий, Владимир Львович. Чистых людей больше — в том моя вера!.. Тут важно уберечь глаз. В дерьме глаз привыкает к темноте — вот закавыка. Ох как опасно это в нашей службе, Володя!..

— Размышляю, товарищ майор... Уже почти все наши

люди рождены при Советской власти, откуда что вылезает?.. Откуда обман? Откуда бандит? Откуда жулик? Откуда вор и хапуга?..

— Накипъ все это, Володя. Котел работает, пока нет накипи. Потом перестает греть — чистить надобно! Отец у меня всю жизнь в котельщиках проходил. В здешнем паровозном депо.

— Надо ж!.. А у меня — механиком на пароходе. Так они антинакипин применяли. — Бардышев заразительно рассмеялся. — Как-то напился из котла — штанишки не успевал сдергивать! Мать черникой едва утихомирила живот мой...

Они расстались у ворот стадиона «Динамо». Жуков — на Арцыбушевскую, а Владимир Львович — на троллейбус, к речному вокзалу.

Стоял Фимка у земляного холмика. Крест с краю. Под сырыми пластами покоилась давшая ему жизнь. Тишина вокруг. Созревшие гроздья рябины оттянули тонкие ветки вниз, красными комками виделись на дереве. Солнце заходное пригревало спину. Склонив голову и всхлипывая, рядом шептала что-то соседка по прежней квартире, седая женщина в темном платке. «В сухом месте положили маму, — думал Фимка. — Попрошу ребят, чтобы из арматурного прутка сварили оградку. Крест покрасить. Скамейку вкопать. Чтобы по-хорошему, как у людей...».

— Спасибо, соседка, хорошее место выбрали мамке... — Он принялся подправлять углы холмика, обтоптаные неуклюжей ногой.

— В жизни ей не фартило... — Женщина вытерла слезы и повернула на место бумажный веночек, скосившийся на могиле. Раскрошила яйцо. Хлебный мякиш рассыпала...

Фимке стало так одиноко — никого на свете родных!.. Тишина давила на сердце. Замокнело в носу, и он шмыгнул, как в детстве.

Из-за Самарки он вернулся в общежитие под вечер. Вахтерша встретила неожиданными словами:

— Тебя сестренка спрашивала. Просила обождать. Опять будет.

«Какая сестренка? Нет у меня никого!» — хотел крикнуть Фимка, но вдруг подумал: «Может, Оля из интерната?» И на душе потеплело.

— Ладно.

Когда его вызвала вахтерша, он увидел Томку, знакомую Семена. И почему-то рассердился, обманутый в своем ожидании. Где уж Оле найти его в этом закутке!..

— Приветик!

Тамара опиралась о косяк двери. Загорелая. Платье со складками. Босоножки на пробке. Ему было неловко перед ней. Старый тренировочный костюм ссудил ему парень, сосед по комнате. Фимка никак не мог поверить, что она ради него явилась.

— Семен прислал? — спросил Фимка.

Она капризно надула крашенные губы.

— Сама надумала... Выходи, кавалер!..

— Ты погоди маленько. — Фимка поднялся на второй этаж, переоделся. Без особой охоты шел к девушке. Она студентка. Вон какая ладная, броская — ребята глаза и рты разинули, увидя такую кралю. Какой ей интерес якшаться с бывшим «ээком»?.. И настроение после кладбища не для гулянки.

— Между прочим, настоящие мужчины не так встречают девушек! Уловил, Фимка?..

Они медленно шли к Московскому шоссе по асфальтовой дорожке. Трава по обочинам уже припыленная, помятая, истоптанная. Фимке представилось почему-то, что и Томка такая же. И надтреснутый голос. И яркие губы. И заметно обвислые груди под тонким платьем. И обзеленные вокруг глаза.

— Не темни, Томка! — грубо сказал он. — Хахаль послал?..

Она смело взяла его под руку, прижалась.

— Дурачок!.. Такой ты мне нравишься... Да, Сеня интересовался: «Как, мол, там наш знакомый?».

Фимка выдернул свою руку...

— Не получается у нас с тобой прогулка, Фимка. — Она придержала его возле остановки на улице Потапова. — Зальемся в «Чайку»?.. Пусть Семен раскошеляется!..

Муторно было на душе у Фимки — согласился. Ему неприятно было смотреть на спутницу. Слова у нее ласковые, обходительные, а глаза холодные, отчужденные.

— Ты, Томка, знай: у него жена Клава есть. На врачуху метишь, а сама в чужую жизнь встречаешь. Не по совести поступаешь.

— Младенчик ты, лопух!

— Мы таким, как ты, в интернате темную. Неверные которые!

В тягостном молчании оказались у закрытых дверей «Чайки». Фимка прочитал: «Мест нет!». Томка постучала по стеклу. Швейцар в галунах узнал ее. Пропустил в зал, где гремела музыка. Фимка остался у входа, а Тамара прошла к эстраде. В углу под искусственной пальмой был свободный столик. Табличка: «Заказан». Она поманила Фимку, сама убрала со стола запретный знак. Семен заметил их, покивал головой, приветливо улыбнулся. Она заказала бутылку сухого вина, сыр и пачку сигарет.

На край эстрады вышел певец, мелкие черты лица, волосы до плеч, пудра на щеках. Томно закатил глаза: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...».

В зале погасили большой свет. Полумрак. Красные блики на музыкантах. Выше всех — Чабан, барабанщик, ударник... Фимка видел, как за соседним столом черные люди рвали зубами куски жареного мяса. Позади кто-то чавкал. Звенело стекло, ряженое под хрусталь. Взвизгнула женщина за столбом, подпиравшим потолок.

— Блеск! — Тамара слегка охмелела. Глаза ее расширились, посверкивали в красном свете. Она раскачивалась на стуле, притопывала в такт барабану.

— Сколько же нужно зарабатывать, чтобы тут кутить? — вслух подумал Фимка. Легкая волна опьянения окатила его.

— Лопух, люди по косой в день гребут!.. Сплавил одну машину — десять косых! — Она положила руку ему на плечо. — Поехать бы на море!..

Фимка вспомнил, как она ходила по вагону, собирая использованные билеты. Она ответила, что до института работала в конструкторском бюро, на командировки грошй выдавали, вот и выгадывала...

— Один мужик мне говорил: «Обсевки мы на поле социализма!» — Фимка обвел рукой притемненный зал. — Разве же это обсевки?.. Нашим парням нужно вкалывать в две смены, чтобы заработать на один такой вечер... Вот ты врачом станешь. На свою зарплату потянет сюда?..

Тамара не ответила. Лощеный, в светлой тенниске позвал ее танцевать. Фимка облокотился на стол. Вино все больше входило в кровь. Он опять вспомнил свою маму: «Могла ли она даже мечтать о таком ресторане?». С удивлением смотрел он, как за столиком девушка лет шестнадцати взгромоздилась на колени лысого усатого

мужчины. Пьяно кривляясь, они обнимались и целовались. Ноги ее оголились выше колен... Фимка поймал себя на мысли, что подобное он видел в кино о годах нэпа. Случайные люди со случайными деньгами — на свои, заработанные пети-мети не расхикуешься. И ему стало не по себе: ведь гуляют по-купечески! Как же так? Вот советская студентка Тамара непристойно жметесь к партнеру, изгибается змеей. Он лапает ее без стеснения. Перед глазами встала мятая, затоптанная трава на обочине. Почему же Семен водится с такой?.. Фимка потрогал карман — там деньги, вырученные за билет. Не забыть бы вернуть их Чабану...

Стучали вилки. Звенело стекло. Зал наполнился гулом голосов.

— Как, дети, живете-можете? — подходя, наигранно весело спросил Семен.

Тамара притихла, мяла в кулаке бумажную салфетку.

— Что мы можем?.. В прошлом году в Сочи я встречала солнце в веселой компании. Пили, танцевали, пели...

Фимка пощипывал свою бороду, нетвердо держась на стуле.

— Ты ж, Чабан, прославиться хотел! А? Помнишь, в интернате?.. Чтоб весь мир сымал шляпу перед тобой. Помнишь?..

— Всеу свое время, Фимка!.. Оно наш бог, время. Вон, видишь, мужик с трубой?.. Лауреат!.. Ему надо было завтра ехать в Одессу на конкурс исполнителей. А его не отпустили. Расстроен мужик в доску! — Семен вынул из внутреннего кармана билет. — Помоги, Фимка, мужику. Продай на вокзале. Сдавать в кассу — одна морока. Пока начальство найдешь, пока резолюция, очередь...

Фимка плохо понимал тягучие слова «кореша». Он сунул билет в карман. Смутно припомнил, как продавал уже билет старушке, вынул вырученные деньги, отдал их Семену.

— Велико дело!.. Ты для меня добро... Сто раз я тебе... Послушай, Чабан... Как же Клава?.. Ну-ну, молчу!..

Очнулся он на рассвете. Долго соображал, где лежит. На стене различил девушку в пляжном костюме и оранжевое море под голубым небом. Горы и ледник. Другую девушку с лыжами на плече... Тихонько оделся. На цыпочках вышел в сени. Вязко и горько было во рту. Выпил ковшик холодной воды. Так же бесшумно отворил калитку. Утренний свежак тянул с реки. В редком тумане

на воде в лодках сидели рыбаки. Он вспоминал вчерашнее и ругательски ругал себя...

Утром хозяйка выговаривала Тамаре Пигалевой за ночных постояльцев. Предложила освободить комнату. У Тамары болела голова. Она ответила с раздражением:

— Деньги плачу — остальное мое дело!

— Через милицию выселю! — осердилась хозяйка.

Тамара вскипела, наступая на хозяйку:

— Грозить?! А ты не видела такое... Стоял домик и — как свеча! Была хозяйка — и ногами вперед на Рубежку!..

Хозяйка безвольно опустила на сундук:

— О господи! Спаси мя грешную!

Жуков растворил окно настежь. Явственное слышались короткие пересвисты маневрового паровоза. Лязг сцепок. Дохнуло вечерним холодком. Он прислонился к стенке, облизнул толстые губы. Кулаками потер глаза. В памяти еще не стихали разговоры с руководством. Обвинили его в медленном розыске. Напомнили и о фальшивых билетах. Выдумали, мол, с Бардышевым дело, а теперь сами тянете резину, повесили на отдел «самодеятельную заботу»!.. Полковник сначала прозрачно намекнул: не пора ли на пенсию?.. Евгений Васильевич сперва не придавал значения его «наводке», но когда тот распыленно сказал: «Возрастное это!», — обидно стало до слез. Конечно, Бардышев мог, наверное, оперативнее вести дело, но его повседневно отрывали. И сам мог, вероятно, активнее помогать молодому помощнику... И дело тут совсем-совсем не в возрасте — вязкое расследование, кончик зацепить не удастся.

— Заходите, Владимир Львович с материалами по билетам, — сказал Жуков по телефону Бардышеву.

Егений Васильевич навалился на подоконник, стараясь снять душевное напряжение. Небо было усеяно первыми звездами. В бездонной сини одна прочертила к земле светлый след и угасла. Месяц падающих звезд! Яблоки созрели. Грибникам раздолье. Полгорода — на полях: желтые разливы хлебов захватили!..

Бардышев был по-спортивному подтянут, в кремового цвета водолазке. Модные плетенки на ногах. Докладывал сдержанно:

— Работает преступная группа. Теперь мне ясно!.. Два случая, и в обоих корешков в архиве не оказалось. Значит,

билеты были первично проданы где-то. У нас их подправили и сбыли с рук как новые. Оба до Москвы... — Бардышев протер очки, ожидая вопросов Жукова.

— И это все?

— Проверка заявления в книге жалоб поезда «Жигули» проведена. Пассажирка по указанному ею адресу не проживает и не проживала. Данные фамилии по адресному столу проверяются. Ребята из райотделов помогают. В кассовых залах на Полевой и на основном вокзале ведем круглосуточное наблюдение. Ориентированы дружинники и наши помощники из сотрудников вокзалов.

— А парень с бородкой?

— Теперь бород — пруд пруди!.. Поставила меня в тупик модная жалобщица, Евгений Васильевич. Назван фальшивый адрес. Почему? Допустим, не желала быть в роли опрашиваемой. А откуда она знала, что будет следствие? Угадала заранее, что билет негодный?..

— Не думаете же вы, Владимир Львович, что она сообщница? — Жуков прикрыл окно — мешал шум. Со стороны была заметна сутуловатость Бардышева. «С детства это у него или результат трамвы? — И подосадовал: — Может помешать службе!»

— А если дело БХСС?.. Может, сами билетные кассиры? А? — Бардышев вопросительно смотрел на Жукова. А тот даже изменился в лице, натужил крутые желваки. Заикнись он об этом, полковник разнесет в пух-прах!.. Сдержал свой порыв. Ответил сухо:

— Не отклоняю... Но тотчас вопрос к вам: зачем они «двойники» стряпают? Зачем в переполненные вагоны посылают? Зачем сами нарываються на прокол?..

— Оплотка информации. Если справки достоверны — удача в руки! — Бардышев опять принялся за очки, вызывая Жукова на спор. — Насчет «двойников». Явление нередкое. В пассажирской службе, как вы знаете, на сей счет даже резерв предусмотрен. Так что преступники не слишком рискуют.

— Не скажите! Железнодорожнику, если увяз в деле с заглядом наперед, не резон привлекать сторонний глаз к поддельному билету. Не на один же билет он готовил краски, скребки, тушь, собирает использованные билеты, оборудовал мастерскую...

— Проводников мы проинструктировали: не допускать сбора старых билетов, примечать сборщиков.

— Дельно! Насчет билетных кассиров — версия, как предположение. — Жуков пролистал бумаги в папке, через лупу поглядел на билет. — А ведь расчет преступников на спешку, на халатность... Внимательно рассмотреть — изъяны выпирают сами!

Бардышев потер свой крутой подбородок. Усмехнулся.

— Лупу каждому проводнику! У вагонов такая толкучка — свои глаза береги да береги! А вы, товарищ майор, обещали архив...

— Задание мне даете? — Жуков скрывал под строгостью свое смущение: не побывал еще в архиве. — Кто здесь начальник — вы или я?..

— Виноват, товарищ майор. Но вы сами...

— Никаких но... Словесный портрет парня с бородой размножили?.. Ну вот, самодеятельная забота!..

— Бородка... Шрам на щеке... Не успел в картотеку...

Жуков захлопнул папку и встал.

— Итак. Начальство недовольно — первое. Дело на точке замерзания — второе. Направление главного удара: наблюдение и розыск парня с пассажиркой! Еще раз обратиться к дружинникам. Наружной службе — уши на макушке и глаза — вширь!

— Поправка, товарищ майор. Первое — розыск и наблюдение. И последнее — начальство!

— Вам, Владимир Львович, долго ходить в лейтенантах. От перестановки слагаемых в жизни часто многое меняется.

— Мой принцип вам известен, товарищ майор!

— Поправка принимается, как теперь говорят, целиком и полностью! Пригласите еще раз бригадира: детали, мельчайшие подробности пассажирки. Ищите зацепку! Часы не считайте — время, как правило, наш противник!

— Диссертация моя горит синим пламенем! — вздохнул Бардышев.

— Свои диссертации мы писали в протоколах допросов, выстрачивали пулями ТТ и автоматов, заливали кровью бандитски убитых боевых товарищей...

— Понимаю, товарищ майор! — Бардышев стал по стойке «смирно», насупил светлые брови. — Накипь ныне почти не боится антинакипина. С ней научно надо поступать. Вот ведь вытравливают ее, а она к химии привыкает, как клоп и таракан.

Фимка был ошарашен: только вынул билет возле толкучки у касс, как услышал:

— Пройдемте!

Он начал было хорохориться, но дружинники оказались настойчивыми.

У дежурного ему велели посидеть. С билетом куда-то ушли. Он сперва не мог понять: чего к нему прицепились?... Продавал билет? Что, собственно, особенного в этом? Человеку так пришлось, что ехать самому не удалось. Сдавать через кассу? Хлопот на полдня. И ему выходить на работу во вторую... Ну-у, крючки-законники!..

Чем дольше длилось ожидание, тем настойчивее кучились его мысли: неужели Семен подsunул нечистое дело? И все же не мирился с этими предположениями — Чабан предупредил бы!..

И милиционеры в форме, и приевшийся ему запах казенных коридоров, и зарешеченные окна — все напоминало недавнее прошлое, и сердце дрогнуло, защемило, когда его повели на второй этаж.

Лейтенант Бардышев пристально рассматривал Фимку. Лупой прижимал билет. Бородка, как говорят, в три волоска. Заметный шрам на щеке. И испытывал острую радость: нашелся!.. Старуха точно описала своего благодетеля.

— Мера пресечения... Вам этот термин знаком? — спросил наугад.

Фимка встрепенулся, как заяц, схваченный за уши:

— Какая мера? Шуткуете, начальник!

— Ясно! Термин вам известен... Где покупали билет?

— Не я покупал... человек один. Ехать не может. Попросил вот.

— Фамилия? Где живет?

— А в чем, собственно, дело? Нельзя продавать билет, если отпала нужда в нем?

— Так у нас не пойдет! — Бардышев потребовал документы. Медленно прочитывал каждую страничку новенького Фимкиного паспорта. А Фимка все еще надеялся, что вышло недоразумение. С обидой вспоминал Семена: «Вот почему Чабан не посылал Томку! Оберегал от ментов!».

— За что были осуждены?.. Так, попытка грабить — ответ понятен. Освобождены досрочно? Проверим, Солуянов!... Так кто послал с билетом на вокзал?

— Что вы заладили: билет, билет, билет. В чем моя

вина? — Фимка сердился на себя: зачем связался с этим Чабаном?! Всегда с ним наколешься!..

— Придется побыть у нас, покамест вспомните хозяина билета.

— А если не вспомню?

— Будете отвечать за мошенничество по закону! А это — опять баланда и срок! — Бардышев не верил Фимке. И чем-то нравился ему этот взъерошенный парень: Рабочие руки у него: пальцы в ссадинах, ногти обломаны — такими тонкой кисточкой владеть трудно в мастерской фальшивобилетчиков!..

Оставив Фимку в комнате, Бардышев пошел к Жукову посоветоваться.

Фимка окончательно уверовался: дело нечистое! В новом свете обрисовались просьбы Чабана, сбор билетов Томкой в поезде, шикарный стол в кафе «Чайка». Тоска охватила Фимку: и на волю толком не посмотрел!.. Опять укрывать Семена. Ведь они в интернате дали слово: друг друга не выдавать ни при каких обстоятельствах!.. А зацепят Семена — выплывет киоск на Полевой... И протестовало все существо Фимки: как мог Чабан подсунуть такую свинью?! Он ведь знал, что с билетами можно погореть, — не предупредил. Предал! Предал, как тварь последняя!..

Жуков не стал скрывать от Фимки суть дела:

— Кем-то открыта подпольная мастерская по подделке железнодорожных билетов. Такие билеты вам всучили дважды. Первый раз вы продали негодный билет старухе. Со вторым вас взяли сегодня. Я допускаю, что вы не знали об этом. Так кто же использует вас в своих преступных целях? — Евгений Васильевич терпеливо ждал ответа.

Молчал Фимка. «Эх, Чабан!.. Веру мою порушил! Пойти б сейчас же да набить рожу!..» Фимку отправили в КПЗ. Билет его приобщили к делу.

Не заметили дружинники, уводившие Фимку из кассового зала, девушку в светлом плаще. Она проводила их тревожными глазами. «Сгорели!» — решила Тамара. Припомнилось, как было, когда Фимка продал билет старухе. Она помчалась тогда в «Чайку», встретилась с Семеном. Он посчитал, что Фимка переслал вырученные деньги. Тамара рассказала ему про лейтенанта.

— Подошел он к старухе, а у меня живот повело!.. Влипли! Слушай, Семен, а не валяет дурака твоя Клава?..

Прошлый раз место занятым оказалось. Теперь сунула вагон без места. Как это понимать?.. Может, она на милицию работает?..

— Не психуй, Томка! — Семен огляделся, заученно поулыбался. — Милиции положено охранять стареньких пассажиров. А ты уж подумала!.. Лечиться тебе пристало... И на Клаву не вали!..

И вот новый «прокол». Она взяла такси — и в мастерскую к Семену. Ее обуял страх: Фимка расколется! Нужно заметать следы. Теперь и Семен трухнул: настроение Фимки ему сразу не поглянулось. Он и сам понимал: зарвались!...

— Пойду к Знакомому! — сказал он Тамаре. — Тебе лучше всего смыться. На квартиру не показывайся.

— У меня там все — вещи, деньги, документы! — Тамара комкала поясok платья под распахнутым плащом. — По-твоему, бросить?

Семен презрительно косил на нее глаза:

— Не ходи!.. У тебя уже засада милиции, дура!.. Встретимся в магазине «Самара», в колбасном отделе. Иди на набережную Волги, а через два часа — в ЦУМ, как штык!.. — Он оглядел мастерскую в раздумье. — Зря, наверное, доверились Фимке! Колония подломала его. Зарвались! Выход один — рвать когти!.. Но и мне нельзя показываться домой, если Фимка «пополз»...

Они разошлись. В смятении. В панике. С надеждой на Знакомого.

***

На очередном допросе Фимка отмалчивался. Он обреченно думал: «Все, Ефим Сидорович, гуляй снова на Север!». Им владело одно желание: встретить Чабана и рассчитаться! За подлость. За предательство...

Жуков и Бардышев поглядывали на календарь: через сутки нужно брать санкцию прокурора на арест Солуянова.

— Давайте рассуждать житейски, Владимир Львович, — говорил Жуков. — Теперь мы знаем: Солуянов одинок. Как это он ловко сказал?.. «Я сам себе возок — куда хочу, туда и качу!». Бардышев думал: «Почему не отвечает Фимка? Чувство товарищества? Боязнь мести?.. Его подставили как вернувшегося из ИТК, можно считать, подбросили, как для приманки...»

— Едет мужик из колонии. Ни близких, ни родных.

Квартира занята. Куда податься с вокзала? — Жуков думал вслух. — Дело к ночи. Допустим, к соседке. Но, как вы выяснили, у соседки он не ночевал. Зачем переодевался?.. Где-то нельзя было появляться в серой одежде. Где?.. Кино?.. Театр? Учтем, что было это поздним вечером. Может, ресторан?.. А?

— С кем-то он встретился, — продолжил Бардышев, — вернул соседке одежду в половине двенадцатого ночи. Пора закрытия ресторанов и кафе. С кем встретился?.. С лучшим дружкой. Кто он?

И опять перед Бардышевым Фимка. Лицо осунулось. Шрам на щеке четко обрисовался. А в глазах — злое напряжение.

— Вы приехали вечером. У кого ночевали?

— Нашел место. Сказал вам: своих не продаю!

— А они вас — прямым путем в тюрьму!.. Не упрямьтесь!.. Не надоело скрывать?.. Вы оказываетесь преступником. В первый раз скрыли дружка. Не он ли вновь вмешался в вашу судьбу?..

— Выдавать не учен! — устало отозвался Фимка. Он понял, что следователь уже знаком с его прежним делом.

В тот же день Бардышев наведался в школу-интернат, где учился Солуянов. Там помнили толкового, понятливого мальчишку. Замкнуто жил — понять можно: без материнской ласки!..

— С кем дружен был? — спросил Владимир Львович.

— С Гераськиным. Сенькой кликали. Чабан его кличка ребячья была-к. — Пожилая няня пожевала блеклые губы. — Намедни сторож наш видел его в городе. Иваныча он не признал. С обидой рассказывал мне: дескать, лощеный такой! Другой бы без всяких-яких обнял бы Иваныча, чать, оберегал он его в интернате... А энтот — шасть в ресторан!.. Будто и не видывал никогда — вот вам нонешняя молодежь!

Бардышеву явно везло. Вернулся он в отдел, и тут звонок. Знакомый участковый.

— Слышал, завяз ты, Володя... Ну-ну, если так, то ладно. А то мне вчера попался вечером пьянчуга с той стороны. «Проводи, милиция, домой. Боюсь! Бабыляскают — Томка бандитом обзавелась. А у меня получка в кармане». Какая, спрашиваю, Томка? «Ну, студентка! Ай не знаешь?» Запиши адресок авось пригодится.

По следу участкового инспектора Бардышев метнулся

в поселок Шмидта, на берег Самары. Правда, к Фимке это могло и не относиться, а если...

— Ничего девка была, — причитала хозяйка. — В последние недели — пьяная!.. Как ночь, так с хахалем. Студентка — и пьяная в лоск. Не приведи господь! Я сказала ей, так она, знаешь, что врезала: «Убью и спалю!» Во молодые пошли!..

Бардышев осмотрел комнату, яркие плакаты рекламы на стенках, увидел на стуле броскую красную кофточку...

— Ночевала в камере, где пьяные валяются, — говорила хозяйка. — Слыхала я, как она парню сказывала. Он ругал ее матерно!

Из поселка Бардышев проехал на Венцека. Дежурный в медвытрезвителе вспомнил девушку с ямочкой на щеке.

— В прошлое мое дежурство из «Чайки» привезли на автобусе несколько человек пьяных. Она ярче всех вела себя — курила, плевалась: кураж, одним словом. А утром слезно молила не посылать документ в институт...

Он водил толстым пальцем по страницам журнала регистрации.

— Ага. Вот. Пигалева Тамара Федоровна. Рождения 1960 года. Проживает — поселок Шмидта...

Владимир Львович готов был расцеловать усатого сотрудника.

— Заговоришь, Фимка!..

Молча выслушал Жуков сообщения лейтенанта Бардышева и позавидовал: молодые ноги, здоровый ум!..

— Ни Пигалевой, ни Гераськина дома не оказалось! — огорченно окончил лейтенант. — Не исключено, что дружинники открыто задержали Солуянова, а сообщник засек. Могут заметить следы. Могут уехать, затаиться...

— Могут, — повторил Жуков. — Нужно срочно предупредить сберкасы. Немедленно! Счета на имя Гераськина и Пигалевой...

Бардышев вышел как в воду опущенный. И тотчас вернулся.

— Товарищ майор, комнату Солуянова заселили не по закону, как мне думается. Это первое. Второе: я запросил домоуправление о вещах умершей Солуяновой.

Жуков досадливо повел плечами:

— Опять доброта?.. На что теряете время!..

Бардышев покинул комнату. Жуков углубился в чтение архивной справки.

— Дудников Ермил Кузьмич. Рождения 1910 года. Русский. Уроженец села Переволоки. Из крестьян-рыбаков. Окончил 4 класса в селе Рязань. В 14 лет взял у соседа сеть ночью. Переправил в село Малая Рязань. Продал. Его уличили. Обошлось поркой. Тянуть сети. Мокнуть в холодной воде. Мерзнуть. До крови сдирать ладони, травя верхнюю тетиву. Мозоли от весел. Не по нутру все это пришлось Ермилке. Подался в Самару. На Троицком рынке стащил хомут. Зачем он ему, рыбаку?.. Попытался сплавить возле Дома крестьянина. Схватили, побили — милиционер не дал расправиться. Назавтра в садике нашел его одноглазый мужчина: «Хочешь иметь монету?». Кто же не желает!.. Среди ночи ограбили лавку на Дворянской. Свезли все в лес к Рождествено. Спрятали товар. Научили пить, курить, скрываться — покатился! Легкая деньга манила, как колдунья, как удав манит кролика. Суд. Тюрма. Исправительная колония. Как в отпуск — на волю. Самое большее — три месяца. Опять воровской круговорот...

В семидесятом, когда случайно был на воле, стукнул пенсионный год. Работал временно грузчиком в магазине на Самарской площади. Заведующая ему: «Оформляйся в бесе!».. Пошел. Считали стаж долго. Хмурились. Но не упрекали, не положено: перевоспитывается в труде правонарушитель! Назначили 45 рублей в месяц. Трудно таскал он покалеченную ногу — след побега... Часовой заметил — пуля задела сухожилие.

Дали комнатку в старом городе, в бывшем кооперативном доме. На втором этаже. Туалет — в углу двора. Вода — на общей кухне. Газовая плита. Живи! Покашливать стал — северные края давали знать. Поднимался с трудом по лестнице к себе. Жильцы — в хлопоты. Мается человек. Трудная у него судьба!.. Прислушались к голосу трудящихся — перевели во флигель. Отдельная комнатка с отдельным входом. Когда-то купец, владелец подворья, надо полагать, прислугу тут держал. Ермил Кузьмич посадил хмель. Оплело листом весь угол. Не любил он, чтобы в окна заглядывали. Знакомства не водил. Изредка к нему навевались дружки, такие же грузчики, люди без запроса. Выпивали. Курили. Вспоминали всяк свое.

— Вор-рецидивист. Мошенник. Разбойные нападения.

Торговля краденым. — Жуков стал замечать, что частенько сбивается на размышления вслух. Вздыхнул: «Старик, мил человек!». Вернулся к справке, перечитал эпизод с подделкой билетов...

Вероятно, в то же время на берегу Самары сидели Гераськин и Знакомый. Сутуловатый морщинистый старик говорил осевшим с годами голосом:

— Сморкачи!.. Жадничали! Сколько раз предупреждал: стряпайте в общие вагоны! И только на проходящие поезда. Эх, паразиты, угробили такое дело!..

Знакомый приметил в винном отделе парня: каждое утро зыркал в поисках третьего. Пил сквозь зубы, медленно и тягуче. Хукал. И уходил. Стороной разузнал: ударник из кафе «Чайка». Так и связался узелок.

— Один выход — покинуть город! И твоей лярве! — Серые, обесцвеченные годами глаза остро щурились. Он покашливал, как ветеран-курильщик. Татуировки на руках выдавали его прошлое.

— А деньги? — Гераськин заискивающе смотрел на Знакомого и, глотая слова, просил: — На дорогу и на первое время... Ни Томке, ни мне нельзя и нос сунуть домой, я так думаю...

— Думаешь законно... Только прежде нужно было думать!.. У меня нет сармака!.. Придется попросить должок. Слушай сюда!

Двое сблизили плечи, тихо разговаривали...

Каждый вечер Кузина выходила на платформу и ждала электричку. Дочка ездила с работы в третьем вагоне. За время стоянки мать успевала передать гостинцы внукам, обменяться новостями. Дочь Кузиной, Галина Архиповна, лет пять назад рассталась с мужем. Тогда она работала продавцом в Оренбурге. Обнаружилась недостача. Суд определил ее вину — два года!

Муж ее покинул, детишек растила мать. По амнистии Галину Архиповну освободили досрочно. Она переехала на Волгу. Мать продала домик на Урале и купила на Самарке, рядом с кирпичным комбинатом. За дочью ухаживал вдовец, и сегодня должно состояться решительное объяснение.

Кузина нетерпеливо прохаживалась под навесом электроплатформы. Поезд медленно показался на повороте, его прожектора высветили скамейки, помещение кассы.

Первый вагон, второй, третий... Она кинулась к двери. Милиционер преградил путь.

— Нельзя!

— Галя! — Кузина дотянулась до окна слабо освещенного вагона. Вдруг обмякла, сползла на платформу. Какой-то мужчина оттащил ее и положил на скамейку.

Электричка отправилась в город. В третьем вагоне на полу лежала Галина Архиповна. Белая кофточка на ней была в крови.

Бардышев докладывал Жукову о ходе поиска преступников. Фотографии размножены и розданы. Посты милиции на вокзалах всех видов транспорта оповещены. Установлено наблюдение за квартирами Пигалевой и Гераськина. Выявляется круг их родных и близких знакомых... При обыске в мастерской самодеятельного художника Гераськина обнаружены краски, химикаты, скребки и пачка использованных железнодорожных билетов на разные поезда.

— Без сомнения можно считать, что Гераськин — фальшивобилетчик! Хозяйка квартиры Пигалевой узнала на фотографии его. Так что связь с Тамарой — факт.

— Нашелся и мой давний знакомый, — сказал Жуков, выслушав сообщение Бардышева. — Помните, шла речь об архиве. Годков под семьдесят Ермилке. На пенсии мужик. Живет прилично, тихо. С законом, как считает участковый инспектор, в ладах. — Евгений Васильевич назвал адрес Дудникова, показал снимок рецидивиста.

— В записной книжке Гераськина на букву «Д» записан этот же адрес и ряд цифр. Значение их пока неясно. Скорее всего, доля Дудникова. — Бардышев довольно протирал очки чистым платком.

— Это уж кое-что для начала беседы! — обрадовался Жуков.

А тем временем оперативные сотрудники, участковые инспектора, их добровольные помощники, дружинники, общественный актив милиции опрашивали оркестрантов из «Чайки», мать Пигалевой, жену Гераськина, наблюдали за пассажирами...

Фимка же в КПЗ терзался над своим вопросом: назвать следователю или не назвать Семена и Тамару?.. А если вместе с ними завалишь и Знакомого? Это

опасение, как железные клещи, сжимало ему губы, угнетало до головной боли.

— Не отпустить ли нам Солуянова? — спросил Бардышев.

— Надеетесь, что наведет? А если побежит предупредить хозяина?..

— С ним нужно на чистоту, Евгений Васильевич. И задать задачку. Мужиком он показался мне стоящим. Захвачен чувством ложного товарищества, показного воровского братства... Нарисовать картинку: его предали!..

— Вызывайте! Попробуем рискнуть.

Фимка настроился воинственно: или ордер прокурора на арест — или свобода!

— До каких пор...

Бардышев не дал ему закончить:

— Вспомнили приятелей? Имена, адреса, клички?

В голосе следователя Фимке почудились нотки торжества. Заговорил менее пылко:

— Мне нечего вспоминать. Прокурор над вами — сроки жмут, а вы на нулях!

— Не скажите, Ефим Сидорович. — Жуков присел на стул напротив. Широкое лицо его было утомленным. — Зря, Фимка, ерепенишься. Поверь мне, старому воробью. С вашим братом без малого тридцать лет воюю. Как считаешь, могу кое-что?

— Вам виднее...

— Тогда слушай, где совру — поправляй. С поезда вы явились на материну квартиру. Там сменили одежду. Прямым ходом в кафе «Чайка». Там встретили Семена Петровича Гераськина, по кличке Чабан. Он отвел вас к Пигалевой Тамаре Федоровне, кличка ее Томка-фикса. Правильно излагаю?

Фимка не скрывал удивления. Хлопал глазами, все больше вжимая голову в плечи. Загорелое лицо его покрывалось серым налетом. Облизывал сухие губы. Билась, как муха в паутине, горячая мысль: «Влип! Прощай, свобода!». Противно хлюпало в носу.

— Ага.

— Не ага, а так точно! — жестко заключил Жуков, вставая и переходя за стол. — Не был с нами откровенным, себе повредил, гражданин Солуянов. Как слышали, обошлись без вас. Билеты вы реализовали фальшивые!

— Как же кореш мог?! — всхлипнул Фимка. — Он что, раскололся?.. Сам на меня?..

— Мог! Он вор и мошенник. Любитель пожить за счет ближнего своего. Под себя гребут и Томка, и Сенька, и хозяин твой!

— Вы и Знакомого забили!

Вмешался Бардышев, видя растерянность Солуянова:

— У вас есть шанс, Фимка, помочь следствию.

— Что делать?

— Пока немного. Дадим вам справку, что вызывались как свидетель в милицию. Это для завода. Сами сейчас пройдете в кассовый зал и обязательно покажетесь жене Гераськина. Вот, мол, я — на свободе.

— А вы следом? — понял Фимка. — Подсадной уткой, выходит...

— Считайте, что так. Если нет, вот ордер, подписанный прокурором. Вы так хотели его видеть! А дальше вам дорога ведома: черный ворон, окна в клетку. Позабыт-позаброшен...

Согласился Фимка. Вдогонку Бардышев кинул:

— Комнату твоей матери, Фимка, обещали освободить.

Мимо ушей пропустил Фимка слова следователя. Владело им одно страстное желание: встретить Чабана и избить до смерти, как вредную собаку! Отлупить его кралю!.. А там — будь что положено. Притопал в кассовый зал. Потолкался в очереди перед оконцем, где сидела Клавка. Потом — к окну дежурного по вокзалу, чтобы получше приметила, как свободно он разгуливает. И словно прирос к полу. Замер на полушаге, втянул голову в плечи. Заспешил вон из зала.

Бардышев огляделся: чего испугался Фимка?.. Возле оконца билетной кассы, припадая на согнутую ногу, топтался согбенный старик в темном плаще.

Дудников!

Испытание, лейтенант Бардышев! Что это, место заранее обусловленной явки? Или встреча случайная?.. Куда умелся Фимка?.. Что делает здесь Дудников?.. И все же Бардышев выскочил из кассового зала.

Фимка, увидя Знакомого, струсил до онемения. Он знал: позади милицейский «хвост». А если Знакомый посчитает, что Фимка специально навел милицию на него? Это смерть! И он бежал по первой платформе, забыв договор с Жуковым. Ему не было дела до Чабана и Томки-фиксы. Стремление исчезнуть из города оттеснило все

другие чувства. По второму пути двигался грузовой состав. Фимка ловко зацепился за поручни, забрался на тормозную площадку, пугливо огляделся и присел на пол. Бардышев дождался, пока хвостовой вагон скрылся за поворотом к железнодорожному мосту через Самару. Вернулся в кассовый зал, но Дудникова там уже не обнаружил.

Полковник сердито глядел на Жукова. Пухлое лицо налилось краской.

— Кончили лирику! Беритесь за расследование убийства — весь сказ. Сами знаете, Евгений Васильевич, половина отдела в отпусках. Билеты вы размотали. Бардышев, кажется, толковый малый?..

— Приживается.

— Ну и ладненько. За дело!

— Фальшивобилетчики...

— Кончили! Теряете минуты, товарищ майор. Прокурор извещен. Дежурный следователь, судмедэксперт — на месте. Труп — в электричке.

Жуков забежал в кабинет за сумкой. Там — Бардышев.

— Убита женщина в электричке, — потерянно сообщил Евгений Васильевич. — Нам с вами, товарищ лейтенант, вести это «мокрое» дело.

— А билеты? А преступники?..

Жуков поморщился, как от зубной боли.

— Не акайте, Владимир Львович!.. Как повел себя Солуянов?..

— Фимка столкнулся у касс... с кем бы вы думали? С самим Дудниковым и сбежал.

— Ермилка брал билет?

— Не успел понять. За Фимкой, а он — на грузовом поезде, как полоумный.

— Де-ела-а-а!.. Берите машину, толковых дружинников — и к Дудникову! Ищите зацепки по билетам. Вот ордер на обыск... А самого — сюда!

Вернулся Жуков с места происшествия часов в одиннадцать вечера. Просматривал первичные бумаги, рапорт милиционера, сопровождавшего труп.

— Товарищ майор, помощник машиниста явился.

Жуков оторвал глаза от бумаг, снял очки в роговой оправе.

— Пригласите! — сказал он сержанту.

Молодой парень в форменном пиджаке с отличительными нашивками на рукавах мял берет в ладонях.

— Садитесь!.. Давайте-ка вспомним, что вам известно по данному случаю. — Жуков включил магнитофон, предупредив об этом свидетеля. — Видели ли вы, где села в вагон Кузина?

— На этот рейс пассажиров бывает мало. Одета она была празднично — трудно не заметить. Уже включили фонари, и я обратил внимание на блеск украшений на ее шее. Это было в Водинской. А когда тронулись, машинист послал меня по составу проверить освещение. В третьем вагоне женщина сидела одна. Это точно! Остановились на сто семьдесят втором километре. Я уже был в хвостовом вагоне. Смотрю, из дубнячка метут двое. Рослый мужик и тоненькая, как гимнастка, девушка. Она — в темных очках. А ему я, признаюсь, позавидовал: туфли на высоком каблуке! Давно мечтаю иметь такие. Успели они сесть. Пошел в голову поезда. В третьем вагоне увидел троих. Женщина в украшениях и те двое. Говорили громко, но как я приблизился, замолчали. Женщина была расстроенная, на лице красные пятна. Парень отвернулся к окну. Только длинные волосы завитками по вороту синей поролоновой куртки...

— Узнали бы их? — спросил Жуков.

— Наверное... Полусвет был в вагоне, да и торопился я — к Козелковской подъезжали.

Жуков отпустил железнодорожника.

За полночь вернулся Бардышев.

— Дудникова застали на пороге. В Читу собрался. — Лейтенант подал Жукову железнодорожный билет. — Не поддельный, кажется...

— Владимир Львович, какой сегодня день?

Не тотчас отозвался лейтенант. Сел на диван, протер очки, наморщил лоб.

— То-то же! — Жуков потянулся и вызвал дежурную машину. — С рассветом поезжайте, Владимир Львович, в дубравку, что на сто семьдесят втором километре перегона Козелковская — Водинская. Там должны быть следы парня и девушки. Ожидали электричку. Затем — продмаг, где Кузина была заведующей. Максимум внимания!.. Опросите жителей. А моему старому знакомо-

му полезно побыть наедине. Утром с ним речи. За его флигельком, надеюсь, наблюдают?

Бардышев кивнул головой.

В дубраве Бардышев с досадой ходил по десятку тропинок, видел сотни следов людей — обрывки бумаги, жест консервных банок, лоскуты полиэтилена, яичная скорлупа... Он не выспался, продрог в открытой машине. На взлобке хозяйничал ветер, накрапывал дождик. Он мысленно ругал тех пассажиров, которые накануне сели в злосчастную электричку. С тем и выбрел на опушку. Двое мальчишек с корзинками спускались по косогору в лощину с озерком.

— Эй, грибники! Есть улов? — Владимир Львович догнал ребят. В лукошках лежали мокрые сыроежки и рыжики. Он полюбовался находками, похвалил мальчишков.

— А вы чего же? — Дети смотрели на его пустые руки.

— Не встречали девушку в темных очках? Отбился вот от напарницы!..

Ребята переглянулись, пожали плечами.

— Не-е... Сегодня нет. Вечером вчера жгли тут костер... Он в куртке... Точно! Она в черных очках...

— Где это было?

— Жарили колбасу! Точно! Вон, в чаще. Видите кучу мусора?

— Ладно, молодцы! Увидите мою грибницу, скажите, что жду ее у вчерашнего костра.

Ребята, укрывавшиеся от дождя под развесистыми дубами, поплелись вниз, к озерку.

Лесная поляна в чапыжнике. Куча серого пепла. Прутик с обгорелым концом. Порванная газета «Волжская коммуна» за вчерашнее число. Под кустом, на примятой траве, — две бутылки из-под «Саян». В траве он отыскал металлические пробки со свежими вмятинами. И обрывок, и пустые бутылки, и пробки бережно перенес в машину.

По скользкой дороге доехали до магазина в поселке. Кирпичная хибара с покатою крышей и горой порожних ящиков. Молоденькая продавщица скучала за прилавком.

— Бутылку бы напитка «Саяны», девушка.

— Кончились. Вчера продали последний ящик.

— Поговорить бы надо. — Бардышев показал ей

служебное удостоверение. Она попросила уборщицу поскучать за прилавком и увела лейтенанта в подсобку.

— К Галине Архиповне вчера к обеду заявились двое, — рассказывала продавец, сгорая от нетерпения: зачем это знать милиции? Карие глазки ее жадно посверкивали. — Симпатичный парень с золотым обручальным кольцом. Лет за двадцать примерно. С ним крашенная девица в темных очках-черепках.

— О чем они говорили?

— Не знаю. — Галина Архиповна выпроводила их с сердитым лицом. Нашли когда!.. У нее такой день!

— А потом что?

— А что случилось? Зачем вам все это?

Бардышев молча протирал вспотевшие стекла очков, тихо попросил:

— Продолжайте. И подробнее, пожалуйста.

— А что дальше?.. Девушка купила две бутылки «Саян» и двести граммов любительской колбасы по два десять... Хотели хлеба, но у нас кончился. Обошлись кульком пряников, в газету завернули.

— Кузина не говорила, кто у нее был? Что это за люди?

— Талдычу вам: не до того ей!.. Она и ключи мне доверила. Говорит: вдруг загуляю! — Продавец покраснела до слез, склонила голову. — К жениху собралась она. Перстень с камнем — на палец. Золотую цепочку — на шею. Позолоченный браслет — на руку. Завивку классную сделала. Надела новые часы «Луч» — высшей пробы золото. Такая красивая вся... Мы позавидовали ей по-хорошему... Может, судьба ее решалась. На двоих детей найди-ка мужика!..

Бардышев едва сдерживал волнение, уже догадываясь, кто были посетители Кузиной.

— У девушки не заметили ямочку на щеке?

— Извините, темно тут. Стрижка — под мальчишку. По-моему, золотая коронка слева...

В магазине было мрачно. Сквозь запыленные оконца едва пробивался дневной свет. С крыши текла вода, и ветром ее захлестывало в двери.

— Не с Галиной ли Архиповной что? К обеду дело, а ее все нет.

— Раньше вы эту пару видели?

— По-моему, они городские. По одежде если...

— Узнали б их?

— Думаю, что узнала б...

Поблагодарив девушку, Бардышев уехал, окрыленный удачей.

Солнце к обеду вышло из-за тяжелых туч, и кабинет Жукова был залит светом.

— Можно войти? — На пороге стоял старик, опираясь на толстую трость. Заметно горбатый, с сединой в бороде. Поношенный армейский китель был расстегнут. Темно-синий плащ — на руке. Зимняя серая шляпа чуток набекрень.

— Входите, Ермил Кузьмич. Вы свободны, товарищ сержант. — Жуков отпустил охрану.

Приохивая, покашливая, старик сел на стул. Шляпу — на острое колено. Прядки седых волос кустились на висках и затылке.

— Тридцать, никак, годков не виделись, Евгений Васильевич, а вы все майор, — покачал старик головой. — Скуповато начальство!

Жуков просматривал канву предстоящего допроса. Доказательств причастности Дудникова к подделке билетов собрано пока мало. Не рано ли изолировали его?.. Фимку он наверняка заметил — воробей стреляный!.. Знает он и о том, что Солуянова держали в милиции...

— А вы, Ермил Кузьмич, уже в законе? — Жуков поддержал легкий разговор.

— Само собой! У нас без бюрократии. — Старик разомкнул в усмешке тонкие малокровные губы. — Значит, пенсия вам грозит, Евгений Васильевич?

— Если бы только пенсия!.. Закон природы — никуда не уйти.

— Да-а, и у нее закон. Как у людей. — Выцветшие глаза подследственного обегали кабинет, шурились от яркого света.

— Трудновато на пенсии, Ермил Кузьмич?

— Само собой. У пенсионеров ведь как? Сегодня — жив, а завтра — жил!

— Мрачноватая философия. Ермил Кузьмич, не вам мне говорить, за что попали вы к нам... Догадаться не трудно?

— Основательный вы человек — знаю вас. По пустякам, без причины не потревожили бы старика. — Ермил Кузьмич закашлялся, прикрывая рот шляпой. Умерив

дыхание, добавил: — Ордерок на обыск прокурор за так не подпишет, само собой.

— Помните давний эпизод с билетами?.. Не забыли, поди?

— Биографию срисовали без меня. Вы человек дотошный!

— Наша любезная беседа будет записываться на ленту. Обязан предупредить, гражданин Дудников. Итак. По нашим сведениям, образовалась преступная группа фальшивобилетчиков. Что вам известно по данному вопросу?

— В ваших сведениях, Евгений Васильевич, у меня нет основания сомневаться. Говорите образовалась, значит образовалась. Меня увольте, само собой.

— Не увольняется!.. Гражданин, рисовавший билеты, отдавал часть прибыли вам. По десять рублей. По двадцать... От выручки зависимо. Вот такие пироги, Ермил Кузьмич!

— Раскололся, сморкач!.. Во молодежь пошла.

— Не нравится?

— Жадная, Безоглядная. В свое удовольствие лишь бы пожить. До подделки, говорите, докатился?.. — Дудников затягивал разговор, явно выведывая у Жукова, что тому известно.

— Докатились. Словесная разминка, как в КВН, закончена, Ермил Кузьмич. Вам известен гражданин под кличкой Чабан?..

— Вы его взяли?.. Он указал на меня?

Жуков кипел от возмущения: этот вор в законе играет в поддавки!..

— Разминка кончилась!

— Хорошо. Хорошо. Не отрицаю. Приметил его в магазине. Слава, деньги, женщины, вино — подавай!.. Думаю себе: пригодится. Художник немного — тоже ладно. Пенсия не украшает человека. И душевно ограничивает. Перебиваешься с хлеба на воду. А кому не хочется масла!..

— Отвлеклись, гражданин Дудников. Кто еще вошел в преступную группу?

— Кому приходится доверять!... Мне, вору в законе!.. Эх, старость! Немошь моя проклятая!.. Девка одна. Полагаю, Фимка назвал ее.

— Кто такой Фимка?

— Евгений Васильевич!.. За что обижаете старика?..

Я чистосердечно, по своей воле... Солуянова будто не знаете?..

— Довольно, Дудников, уклоняться.

— Мы по овощам, на базе, само собой. Хотели ее кладовщиком. Грамотешка у нее подходящая. Разбитная на вид. Фыркнула — пахнет гадко!.. Марафёт, безделье за счет ближнего, кутежи на весь свет — вот ее бог!.. И, знаете, Евгений Васильевич, слепилась пара, как близнецы. Потянули возок!

— Технология и идея, конечно, ваши, Дудников?

— Девочке хотелось на море, в круиз по Европе, роскоши, шикарной жизни... А где сармак? Виноват, пети-мети то есть? — Дудников потер пальцами, собранными в щепоть. — Должности приличной к. т. В торговле не прижилась. На пиво не взяли. С овощами — ногти нужно обрезать. А тут — ездил за любо-дорого, собирай у простаков билеты. Немного нахальства, чуточку химии. В день — полсотка, если с умом да старанием, само собой. Делай они билеты на общие места в проходящие поезда — век бы ходили в королях!..

— Преувеличиваете, Ермил Кузьмич!... Значит, в группу входили Чабан, Пигалева и вы?..

— Стоит ли отрицать, зная вашу, Евгений Васильевич, дотошность и проницательность? Они у вас уже, в КПЗ?..

— И вы запросто, из блатного братства, выдали им идею?

Солнце дошло до стула, где сидел Дудников, он прикрывал глаза шляпой.

— Насчет братства вы преувеличиваете! Рационализаторское предложение оплачивается?.. По закону! А здесь — идея! За какой-то червонец в день. На пенсию ноги протянешь.

— И давно работает преступная группа?

— А сморкачи скромничают? Не назвали дату своего рождения? Виноват, здесь вопросы задаете вы. Память дырявая. Не месяц, не два — само собой. Чужих денег не считаю. Размер мошенничества — доказывайте, доискивайтесь. В этом, пардон, вам не помощник. — Дудников шумно чихнул, высморкался и, благостно жмурясь, ожидал вопросов.

— Куда вы собрались ехать? Среди ночи? Из города? И почему именно сегодня?

— Резонно заметили. На старые места потянуло. В отпуске!

— Несерьезно! — У Жукова накапливалось раздражение, и ему стоило большого труда сдерживать себя. — На овощной базе нет приказа об отпуске. Лично проверил. Нелегальный отпуск?.. Потому утром директриса искала вас. Неувязочка!

— Узнаю почерк Шерлока Холмса! Восхищен — школа!

— Кончайте балаган!

— Слушаюсь!.. Думаю себе: шухер полыхает. Не обгореть бы. Смывайся, Ермилка! Ну, боялся, признаться... Билет вот ваш лейтенант попросил у меня.

Жуков улыбнулся, услышав изысканность выражения мошенника.

— Брали бы на первый проходящий, а то — до Читы.

— Ваш лейтенант испортил дело. Вижу — Фимка. Считаю, «хвост» рядом. И верно — стреканул лейтенант за Фимкой. Думаю себе: уноси ноги, Ермилка! Отложил всю затею на утро. Ночь. Слякоть. По свету способнее. На авиацию надеялся.

— Зачем вернулись домой?

— Кое-что взять с собой. Немолодой начинать с нуля. И не поспел. Ноги и грудь — старость! Лейтенант проворнее меня оказался — молодость!

— Где расстались с сообщниками? Где они теперь?

— А у вас их нет? — Рассмеялся Дудников, распрямился, опираясь подбородком на трость. — Я ведь от всего на суде отпущусь, Евгений Васильевич. Доказательств моего участия в подделке билетов у вас — тью-тью-тью! Улетели пташки!..

Зазвонил внутренний телефон. Жуков нервно поднял трубку. Он понимал, что проигрывает, что напрасно поторопился с допросом, не собрав веских улик против Дудникова, не изловив Чабана и Пигалеву, не задержав Фимку. И все потому, что навалились два уголовных дела. И еще, скорее всего, утрачена гибкость поиска, замедлена реакция — неумолимая старость! Полковник Яковлев немилосердно, но реально оценил пригодность его, Жукова, к дальнейшему несению службы... Услышав в трубке голос Бардышева, обрадовался. Тот просился на прием.

— Лады. — Жуков положил трубку, вызвал охрану.

Дудникова увели. Он церемонно откланялся.

Бардышев докладывал с видом победителя. Частенько улыбался, поламывал тонкие, нервные пальцы. Солнце падало ему в лицо, он счастливо жмурился, готовый

расхохотаться. Жуков тем временем читал показания продавщицы, пробежал взором опись вещей, снятых с погибшей Кузиной, сличал его со списком обнаруженного на квартире Дудникова.

— Как я понял, Знакомый макнул руки в кровь? — спросил он полуутвердительно. Чувство облегчения захватило его. Ему становилось понятно поведение Дудникова. Прикидывался, морочил голову.

— Еще раз проверьте, Владимир Львович, перекрыты ли наблюдением вокзалы? Курумоч. Смышляевка. Речной порт. Автовокзалы. Предупредите посты ГАИ. Доложите срочно прокурору. А я — к полковнику! Вот и «самодеятельная забота»!..

Часа через два, когда солнце перевалило за полдень, допрос Дудникова продолжили. Ермил Кузьмич пообедал. Его побрили. Он выглядел менее дряхлым, чем утром. В кабинет пришел без трости, лишь припадал на искаленную ногу. Армейский китель был распахнут на груди, открывая татуировку, выглядывавшую из-под сиреневой майки.

— Кормят ваши прилично. Вполне прилично! — благодушно говорил он, умываясь на стуле.

— На допросе присутствует следователь, лейтенант Бардышев Владимир Львович. — Жуков нажал кнопку магнитофона. — Допрос фиксируется на пленку.

— Это ваши часы, гражданин Дудников? — Бардышев вынул из стола и положил перед стариком ручные женские часы марки «Луч». Лучи солнца заиграли на их золотых гранях.

Дудников потер рукавом часы, отвел их от глаз, прищуренно полюбовался.

— Красивая вещица! Взяты у меня при обыске.

Бардышев насторожился. Ответ усакальзывающий, позволяющий толковать его вкривь и вкось.

— Точнее, Дудников! — вмешался Жуков. — Ваши часы?

— Были мои, а теперь у вас...

— Не крутите, Дудников! — Жуков пристукнул ладонью по столу. — Повторяю вопрос: где вы приобрели часы марки «Луч»?

Дудников пожевывал бескровные губы. Лицо его

посуровело. В глазах отражалось напряжение. Он догадался, что у Жукова появились веские причины требовать точности ответов. И он искал в своем поведении просчеты, вспоминал слова, сказанные в этом кабинете прежде.

— Вчера вечером Томка-фикс продала...

Бардышев не удовлетворился ответом.

— Тамара Федоровна Пигалева. Так? А у нее они откуда?

— Спросите что-либо полегче. Чужое не считаю. За тридцатку спустила часики. Он попробовал торговаться...

— Кто он?

— Известно — Чабан. Гераськин Сенька. А сам обручальное кольцо за полсотку загнал.

— Обручальное кольцо пробы пятьсот восемьдесят три вам принес Гераськин Семен Петрович, и вы купили его за пятьдесят рублей. Подтверждаете?

— Подтверждаю. — Беспокойство Дудникова достигло предела. Он понял: следователи узнали про Кузину! — Сознались сморкачи! Во молодежь пошла!

— Указанные вами Гераськин и Пигалева объяснили вам, откуда у них названные золотые вещи? — снова спросил Бардышев.

— Тонкое это дело... не хотел впутывать женщину...

— Отвечайте, Дудников! — Жуков насторожил голос.

— Когда, значит, вы повязали Фимку, сморкачи записывали. С билетами дело завоняло. Обнахратились: купейные лепили, плацкартные — само собой, самые провальные...

— Ермил Кузьмич! А как по-вашему, почему они стали на путь преступления? — перебил Дудникова Жуков. Сделал он это сознательно, уводя его от мысли о Кузиной. Пусть помучается, разгадывая, что им известно о ней...

— Я не социолог, Евгений Васильевич. Ум старого человека — что песок. К легкой жизни рвались. Жить от пуза, а пальцем шевелить должен дядя...

— У вас полна комната журнала «Человек и закон», — напомнил Бардышев. — Чем это объяснить?

Дудников мелко засмеялся, потер ладонями колени.

— Приятно вспомнить пройденный путь, молодой человек! Статьи УК там растолковывают. А я изучил их собственной шкурой. Интересно было искать расхождения науки и практики.

— Вернемся к золотым вещам! — сказал Жуков.

— Учтите: чистосердечное и добровольное признание! Пусть мотает магнитофон! — Дудников вспотел от напряжения. Нервы его начали сдавать. Он попросил попить. Вытер платком лоб. — Пришли они просить денег. А откуда они у пенсионера, свободные деньги? Рокфеллера нашли!.. — Дудников закрыл глаза, похватал ртом воздух, будто собираясь нырять.

— Смелее, Ермил Кузьмич! Знал вас отчаянным мужиком...

— На примете есть одна цаца. Виделись с ней когда-то на пересылке. Знакомые, само собой. Срок оттрубила, сюда перекечевала. Скрыла судимость. Мужика подгребла. На жизнь нацелилась. В самую точку попросить денежек!.. Заведующая магазином — монета сама в руку течет. Ну и послал сморкачей. Мол, откроем и в торге и ненаглядному, кто ты есть! Три куска на бочку — мы рот на замок!..

— А ведь это подло! — не утерпел Бардышев, в возмущении прошелся по кабинету. — Это грязный шантаж! Человек находит свою судьбу, а вы грязным сапогом по сердцу!..

— Евгений Васильевич, это оскорбление личности!.. Я чистосердечно... Во молодежь пошла!

Помолчали. Дудников вновь отпил из стакана воды. Бардышев поражался: как можно вести себя так, имея за плечами убийство человека, вина которого лишь в том, что он хотел жить в покое и счастье?!

— Продолжайте, Дудников! — Жуков листал в папке материалы допросов и показаний. Солнце катилось к закату, и на пол падали косые полосы света.

— Бабенка денег им не дала.

— Как фамилия женщины? — спросил Бардышев.

— Разве я не назвал?.. Кузина ее фамилие. Соврала она им, само собой, — навар всегда имеет! Иногда истратишься — тридцатку безо всякого давала. А тут — нет! Это я со слов Пигалевой... Сам в рабочий поселок не ездил. Сморкачи пояснили мне, что она решительно отказала: нет денег, и все тут!..

— Давайте уточним, Дудников, — опять вмешался Жуков. — Полные данные по Кузиной!

— Узнаю вас, Евгений Васильевич, школа! Учитесь, молодой лейтенант! — Дудников мелко засмеялся, тряслись кустики волос на его круглой голове. Скрюченными болезнью пальцами он скреб татуированную грудь под

кителем. — Кузина Галина Архиповна. Заведует продовольственным магазином в рабочем поселке. Зарплата едва за сотню перевалила... Откуда, само собой, у нее столько золота?.. Это не подлость — обдирать простого советского труженика! Как это, молодой человек?..

— Вернемся к золоту, Дудников! — Жуков, пристально наблюдавший за подследственным, не замечал в его поведении признаков тревоги. Или адская выдержка, или полная уверенность уйти от ответа?..

— Томка-фикса сказала, что Кузина денег не дала, а отбоярилась часами и кольцом. А сморкачам нужны были наличными. Они мне вещи, я им — рубли. Это ведь по статье вымогательства пойдет, Евгений Васильевич?.. Само собой, совокупность — гм-м... сколько же это зим и весен...

— Жестокая совокупность, гражданин Дудников!.. И кольцо и часы сняты с убитой Кузиной! — резко сказал Бардышев.

Сжался Дудников. В глазах его откровенный испуг: не может быть!

— Евгений Васильевич, вы мою жизнь знаете вдоль и поперек. Ну, припугнуть. Ну, вытянуть кусок-другой... Ох, падлы! Заложить меня, вора в законе! Это им за так не выйдет. Перо в бок!... Пришили, выходит, Кузину?.. Учтите — чистосердечно и добровольно. Адресок назвал надежный, как порядочным. Пишите, гражданин майор!

— Назовите еще раз преступников! — требовал Бардышев. Жуков взвешивал мысленно, причастен ли Дудников к убийству. Ответа не находил.

— Пигалева и Гераськин. Клички — Чабан и Томка-фикса. В Чите они. Улица Песчаная, угловой дом под соснами... Меня там ждут!.. Но я не знал о «мокром» деле... Они подчищали билеты. Они продали мне часы и кольцо. Во молодежь! — Дудников заплакал, понимая, что над ним нависла ВМН — высшая мера наказания!

В кабинете сгущались вечерние сумерки. Дудникова увели с охраной.

В домике под соснами волжские беглецы обретались вторые сутки. Старая хозяйка кормила их, расспрашивала про Дудникова. Молодые сетовали: «Почему долго не едет?».

— Ермил Кузьмич, сколько знала его, слов на ветер не бросает, — успокаивала хозяйка гостей, потчужа пельменями.

Гераськин томился в страхе. В каждом шорохе ему чудились милицейские шаги. Приоткрыв занавеску, он следил часами за улочкой. Редкие прохожие мерещились ему переодетыми сотрудниками МВД. В минуты успокоения он думал о родителях. Ему хотелось быть рядом с ними. Они научили бы его, как поступить, где укрыться от людей... Но отец затерялся на подмостках мелких театров — не то в Бугуруслане, не то в Бугульме. Кто-то обмолвился: в станице Георгиевской на Северном Кавказе заведует самодеятельностью на винном заводе. А мать связалась с цирковым жонглером...

Перебирал Гераськин в памяти свою жизнь. Сперва его отличили в художественном кружке. Позднее, когда вышел из музыкального училища, упоминали в докладах организации художников как молодого живописца и графика с будущим. Это льстило ему, вселяло надежду. Вращался в кругу художников. Всякий раз испытывал неловкость: пиджачишко так себе, туфли массового пошива, галстук заурядной расцветки. И завидовал «мэтрам» — такая барственная небрежность!.. На первых порах ему ссужали под будущие гонорары.

Он упрекал себя за раннюю и неудачную женитьбу. Девушка из поселка Шмидта. Мать и отец ее работали на парфюмерном комбинате — мыловары оба. А Клава, жена его, — билетным кассиром на железной дороге. Попадались выгодные партии, он почему-то отказывался. Дочь генерала вешалась на шею — отшил!.. Дурак неотесанный!.. В пьяном угаре частенько бывал.

Встретил приятеля по интернату, Фимку Солуянова. Одет прилично. Перстень на пальце. Выпили в «Чайке» — смело пошли на «дело» и завалились. При воспоминании о Дудникове холодело внутри: какой выйдет встреча?..

Пигалева вела себя уверенно. Ее мало волновало прошлое. Она побывала в местном кино. Перекинулась словами с чернявым капитаном, договорились встретиться возле кафе «Шилка».

В обед Гераськин попросил у хозяйки двести рублей займа. Объяснил, что ждать Дудникова больше не имеет смысла. Им нужно сменить место жительства.

— Друзья Кузьмича, однако, мои друзья, — говорила хозяйка, отсчитывая червонцы. — Шибко надежный чело-

век. Всяко-разно бывало с ним, а не обманул ни разочка... Гераськин, терзаемый страхом, силой увез Пигалеву в аэропорт. Взял билеты до Усть-Неры.

— Где ж это находится? — Пигалева послушно шагала за ним к стойке регистрации багажа.

— Север Якутии — сам черт туда за год не доскачет! — Гераськин храбрился, но постоянно осматривался.

В очереди Пигалеву вдруг окликнули:

— Томка!

Она вздрогнула, едва не сронив с переносицы черные «черепахи». Рядом стоял молодой человек с острыми глазами. Взял ее чемоданчик.

— Вас ждут на берегах Волги!

Гераськин с ужасом услышал слова незнакомца, шагнул из очереди, но его с двух сторон взяли под локти.

— И вас, Чабан, тоже.

Из аэропорта Курумоч Пигалеву привезли в зубопротезный кабинет. Она терялась в догадках: что за этим кроется?.. Охрана осталась у двери. С ней к креслу подошел лейтенант. Врач снял слепок, передал его технику, а сам продолжил обследование зубов.

— С таким ртом сто лет жевать вам корки! — шутливо пророчил дантист. Подмигнул, как давней знакомой.

Слиняла Томка-фикса без белил и румян, без краски и массажных масок. Увяло ее лицо. От корней волос проклюнулся натуральный цвет — голова казалась пегой.

Пигалева ходила по камере, сжимая виски, убеждала себя: «Это еще не конец!». Она готовилась к допросу, как актриса перед дебютом. Из мыслей не уходил Чабан — не раскис бы! Он еще в Чите запаниковал, как поросенок при виде волка. В сопровождении сержанта покинула камеру. Закружилась голова. Она прислонилась к стенке, ощутив спиной холод камня. Нервное напряжение ослабило ее вконец. Хотелось кричать, царапать стены. Что им известно? Где Знакомый? Неужели предал? Главного-то он не знает!.. Как повел себя Фимка?.. Притвориться идиоткой? Сидеть неподвижно, таращить глаза, пускать слюну через губу...

— Фамилия? — ровным голосом спросил Бардышев. Она отмолчалась. Он повторил вопрос. Она сорвалась на крик:

— Вы же знаете!

Вся подготовка к дебюту пошла насмарку. Она комкала пояс своего светлого платья. Зубы выбива-

ли чечетку. Волновался и следователь: первое дело об убийстве! Он мусолил в пальцах катышек бумаги. Жалел, что нет рядом Жукова. Бессонные ночи и колготные дни свалили его в постель. Бардышев сквозь очки изучал Пигалеву. Вот он, человек, умертвивший Кузину! Злые мятущиеся глаза. Растрепанные короткие волосы. Лицо без «штукатурки» — сероватое, пятнистое. Первые косые морщинки в уголках рта. Нос чуток вздернут. Мелкими зубами покусывает губы. Во всем облике Бардышев не прочитал раскаяния — один страх за себя.

Она не выдержала долгого молчания.

— Меня обвиняют в соучастии в мошенничестве. Давайте протокол. Подпишу, не читая ни строки! Гоните меня в тюрьму, но оставьте в покое! — Она сама схватила со стола пачку сигарет. Закурила, жадно глотала дым. Пускала его через нос.

— Не спешите, Пигалева. Нам с вами придется о многом говорить.

— Только без морали! Что я должна сказать?

— Этого я не знаю. Предупреждаю: допрос записывается на ленту магнитофона. — Бардышев положил на стол часы «Луч». День был пасмурным, и они не выделились своей красотой.

— Где вы их взяли?

Глаза Пигалевой на миг округлились. Губы побелели.

— Первый раз вижу!

Она запиралась с упорством и ожесточением. Бардышеву пришлось вызвать на очную ставку Дудникова. И тут она осталась верной своей тактике отказываться от всего.

— Ну, стерва! — Дудников безнадежно махнул рукой. — Молоко материнское на губах не обсохло, а рядится под урку! Во молодежь пошла!

Она метала злые взгляды на Дудникова, мяла зубами огарыши сигарет, выплевывала на пол. Бардышев с брезгливостью отодвинул от нее пачку сигарет.

— На что вы рассчитываете, Пигалева?.. Зачем жили? Мать жилы тянула из себя, чтобы обусть-одеть доченьку. Так вы ее отблагодарили! Сердце у вас из камня, что ли? Ведь могли сами стать матерью...

— Почему могла? — снова взорвалась Пигалева. — Захочу и буду! Буду!..

— Дай вам бог, как говорят старики! — Бардышев напомнил ей о бутылках «Саян», о дубравке на 172-м кило-

метре, о костре и жареной колбасе на палочке. Показал ей этот дубовый шампурок.

Она молча перекатывала мысли. «Гераськин — гад! Клялся в верности. Скоро же раскололся! И старый хрыч — «воры не выдают друг друга». А сам «поплыл», как неврастеник. Каждый за свою шкуру дрожит».

Она с отчаянием искала оправдание себе. «Где доказательства, что именно я была в лесу у костра? Что именно я продала часы Знакомому?.. Мало ли что наговорят! Им верите, а мне — нет».

Суматошно лопотала Пигалева и сама уже не верила, что может выкарабкаться. Бардышев показал ей отпечатки пальцев на бутылках из-под «Саян».

— На фототаблице они несколько увеличены. Ваши пальчики! А вот следы зуба на пробке. Экспертиза установила — ваш зуб. Таким образом доказано: вы были в дубравке и в рабочем поселке. Кто с вами был?

— Знаете же! Гераськин! — Она пила воду, и зубы стучали о край стакана. — Дайте сигарету!

— Кто убил Кузину?

— Не я! Я там не была.

— Вот следы ваших пальцев на туфле покойной! — Бардышев показал фототаблицу. — У Кузиной осталось двое детей. На кого оставлены малыши? Они спрашивают: «Где наша мама?...». Кто им ответит? Кто их согреет и накормит?..

— Я держала за ноги — она брыкалась. Почему не отдала сразу золото?! Золото ей дороже своей головы! Гераськин вынужден был...

— Дудников знал?

— Знал! Знал! Знал! Научил! — Пигалева ударилась в истерику. Бардышев вынужден был отправить ее в камеру. Он не поверил последним ее выкрикам.

Жуков осунулся за дни болезни. Седина снегом лежала на висках. Подперев кулаком голову, выслушал доклад Бардышева.

— Разрешите, товарищ майор, писать заключение? — Владимир Львович поглаживал два тома уголовного дела.

Вышел из-за стола Жуков, сжал плечо Бардышева.

— Молодцом, лейтенант! Приживешься в милиции. Ты любишь людей. В нашем деле это главное.

— Спасибо, Евгений Васильевич!

— А Фимка где? — вдруг спросил Жуков.

— А Фимка где? — эхом повторил Бардышев. И грустно поглядел сквозь толстые стекла очков на опись имущества Солуяновых, на разрешение Фимке вселиться в комнату матери, в дом возле костела, на Куйбышевской улице...

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Эта повесть не документальная в строгом смысле слова, но в ней нашли отражение дела о валютчиках и спекулянтах золотом, о которых в свое время писалось в центральной и местной печати.

И хотя основные герои повести носят собирательный характер, некоторые из них имеют прототипы в реальной жизни, но, естественно, носят другие фамилии.

Конечно, не было ничего удивительного в том, что мощный скоростной экспресс обходил все «Запорожцы», «Москвичи» и даже новые «Волги». Станным было лишь то, как он делал это, — слишком уж резко, отчаянно, не соблюдая решительно никаких мер предосторожности. В таких случаях наметанный глаз автоинспектора сразу определяет: водитель в нетрезвом виде.

Но на этот раз ошибся бы многоопытный страж дорог: человек за рулем пьян не был. Лицо его было напряжено, он мертвой хваткой вцепился в баранку, не отрывая глаз от дороги. По лбу сбегали струйки пота, но водитель ни разу не позволил себе смахнуть их. Да и как смахнешь, если стрелка спидометра дрожит между цифрами 120 и 130 и автобус уже еле касается колесами земли, словно намереваясь взлететь.

Наконец за поворотом открылись приземистые строения аэропорта. И только тогда водитель чуть-чуть сбросил скорость. Взвизгнув тормозами, автобус, еще вздрагивая всем корпусом после сумасшедшей езды, замер на конечной остановке. Из кабины выпрыгнул полный человек с чемоданчиком и бросился к зданию аэровокзала, на ходу доставая из кармана билет.

...А посадка в лайнер ТУ-104 уже закончилась. У трапа осталась одна стюардесса, проверявшая у пассажиров

билеты. Но вот и она поднялась по лестнице, встала в дверях.

— Все, что ли, Ниночка? — Из салона вышел высокий парень в форме ГВФ. — Пора отправляться.

— Ну и пожалуйста. — Девушка равнодушно передернула плечами.

— Как все? — Из-за спины парня в летной форме высунулась румяная физиономия молодого человека лет двадцати двух. — Уверю вас, девушка, есть опоздавшие.

Следом за ним из салона выглянул еще один парень — невысокий, черноволосый, худощавый.

— Во-первых, опоздавших нет! — отрезала стюардесса. — Все, кто прошел регистрацию, на месте. А во-вторых... — Она грозно посмотрела на ребят. — Сюда нельзя выходить.

— Давайте-ка, ребята, давайте, — поддержал ее пилот, разводя руками. — Не положено...

— Девушка! Одну минуточку! — взмолился румяный, увидев, что по знаку стюардессы трап начал медленно отплывать от борта. — Я вам все объясню...

Но девушка внезапно подняла руку.

— Глянь-ка, Эрик, — кивнув в сторону аэровокзала, бросила она пилоту, — а похоже, что наш.

От аэровокзала что есть духу бежал полный человек с маленьким чемоданчиком в руках, тот самый, что примчался в аэропорт на «сумасшедшем» автобусе. Девушка знаком вернула трап, и опоздавший птицей взмахнул по нему на борт. Сунув девушке зажатый в руке билет, он, судорожно дыша, смахнул ладонью пот со лба и даже попытался улыбнуться:

— Фу! Успел! Лучше поздно, чем никогда, верно?

Стюардесса улыбнулась, но ответить не успела, замерев с билетом в руках. Два пассажира, умолявшие ее подождать, дружно подступили к опоздавшему. Девушке показалось, что они кинулись пожимать ему руки, но когда парни отступили на шаг, на запястьях у человека с чемоданчиком уже поблескивали... наручники.

— Ну вот и ладно, — удовлетворенно сказал румяный, любясь своей работой. — А то уж мы прямо волновались.

А в дверях салона, закрывая спинами все происходящее от любопытных взглядов, стояли плечом к плечу еще двое — руки в карманах, спокойные.

Очевидно, меньше всего ожидал опоздавший такого оборота. Все еще не справившись с дыханием, он

изумленно воззрился на появившиеся на руках «украшения» и вдруг выронил чемоданчик, который, тяжело стукнувшись об пол, раскрылся.

Ахнула, округлив глаза, стюардесса. По полу покатились золотые монеты. К ногам девушки упало богатое ожерелье. Чемодан оказался набитым драгоценностями: бусами, кольцами, золотыми часами. В уголке чемодана, полузасыпанный кольцами, лежал какой-то мешочек, похожий на табачный кисет.

Румяный парень, поглядывая на эти сокровища, укоризненно покачал головой:

— Ай-ай-ай, Михаил Дмитриевич. Что же вы так неаккуратно со своими сбережениями?

Ошибка

— Что вы натворили?! Вы понимаете, что вы натворили! — с отчаянием повторял человек лет пятидесяти со следами ожогов на лице. Он стоял у стола и с гневом смотрел на вытянувшихся перед ним двух молодых людей, тех самых, что задержали валютчика в самолете. Один, широколицый, атлетического сложения парень со значком мастера спорта на лацкане пиджака, лейтенант милиции Александр Антонов, глядел на рассерженного начальника с деланным смирением, но в глазах виделась ирония. Другой, лейтенант милиции Геннадий Фомин, серьезный, спокойный, очень худой, хмурился, опустив глаза.

— Вы что, не поняли задание? — спросил начальник.

— Разрешите объяснить, товарищ подполковник. — с готовностью отозвался Антонов, но Геннадий Фомин бесцеремонно перебил его:

— Нечего объяснять. Промахнулись — и все. Погнались за дешевым эффектом.

— Вот и я думаю — погнались, — вздохнув, спокойно сказал подполковник и, пододвинув стул, сел. — Ну что ж, упущенного не вернешь... Да садитесь вы, чего там... — Он махнул рукой, одновременно указывая этим жестом на стулья, стоящие около стола. Кроме того, жест этот означал, что «разнос» окончен и разговор выходит из официальных рамок. Оба провинившихся поняли это.

— Нет, давайте все же разберемся, Иван Николаевич, — торопливо заговорил Антонов. — В чем же траге-

дия? Вы приказали взять Чубарова в самолете. Вы понимаете, самолет вот-вот взлетит, трап убирают, а его нет. Мы уж собрались выходить. И тут — поспешает, сердешный. Мы его на радостях — цап! Уж больно красиво вышло. И чемоданчик очень кстати расстегнулся. Все по науке... — Он усмехнулся.

Подполковник постучал зажигалкой по столу:

— Да, по науке... Я где вам приказал брать его?

— В самолете! — уверенно сказал Антонов.

— А точнее?

— В Адлере. После посадки, помним. Но какая разница — чемоданчик-то всё равно при нем. Не отвертится. Так даже быстрее. Опять же экономия на билетах, это раз...

— Ладно, Иван Николаевич, не слушайте его, — вмешался Фомин. — Он сейчас такой базис подведет... А дело простое: переволновались — нет и нет. Может, думаем, рейс поменял... Ну, и... — Он развел руками.

— Да понятно... — протянул подполковник. — Я тоже хорош. Надо было четче поставить задачу: в Адлере — и точка. А я понадеялся на вашу... — Он внимательно взглянул на смущенных ребят и не стал продолжать. Но оба и без того все поняли. Фомин еще больше нахмурился, а Антонов обиженно дернул подбородком.

— Но если вы думаете, что у него в самолете был человек, — напрасно, — сухо сказал он. — У нас есть список пассажиров. Никого из наших знакомых. Опять же никто не заволновался, что нет его. Мы глядели.

Подполковник улыбнулся и тут же вздохнул:

— Эх, гуси вы мои лебеди, разве я об этом? Только смекните, пожалуйста: чего это я вас, четырех атлетов, вооруженных до зубов, на одного Чубарова посылаю. Да ему бы, возможно, простой повестки хватило.

— Ага! — недоверчиво сказал Саша Антонов. — Будьте, мол, любезны, принесите чемоданчик с золотом...

Подполковник серьезно посмотрел на него.

— А что? Может быть, и принес бы. Оно ему скорей всего самому осточертело...

Саша улыбнулся — он оценил шутку. В тон подполковнику сказал:

— Тем более. В конце концов, Чубаров у нас. Вещдоки налицо. — Он указал на лежащий на столе чемодан... — Открутиться немислимо. Да он с места в карьер начнет сейчас дружков закладывать.

— Это Чубаров-то? — Подполковник насмешливо сощурился. — Что ж, давайте пробовать. Только едва ли...

И вот он сидит перед подполковником, так торопившийся к своему аресту владелец сокровищ. Ни следа волнения не видно на его лице. Покуривает сигарету и доброжелательно смотрит на подполковника Хлебникова, на сидящих сбоку ребят. Кажется, он ничуть не обескуражен арестом.

И заговорил он не как арестованный, а как давний хороший знакомый.

— Вы хорошо выглядите, Иван Николаевич. А я, вот видите, и брюшко накопил — так сказать, трудовая мозоль, — да и лысину никак не укроешь... А ведь мы, если мне не изменяет память, ровесники.

— Работа у нас здоровая, не то что у вас, — насмешливо сказал Хлебников. — На воздухе много бываем.

— Однако давление у вас было, не соврать, двести на сто двадцать.

— Ничего, притерпелся. Богатая у вас память. Вы, по моему, четырехзначные числа в уме множите?

— Помните! — восхитился Чубаров. — Ну, спасибо. Да, способностями бог не обидел, не жалуюсь. Счастья вот недовесил всевышний малость, ну да бог с ним. Счастье — товар дефицитный, грех не нажиться, не так ли?

Он повернулся и заговорщически подмигнул ребятам. Подполковник усмехнулся.

— Что-то у вас всевышний на плутоватого завмага похож. Союзника ищите? Свой своего в обиду не даст?

— А как же! В моем положении больше надеяться не на кого...

— Не приbedняйтесь, Михаил Дмитриевич, зачем? Чуть дело дойдет до суда, столько рычагов заработает, что всевышнему и сунуться будет некуда. Я помню...

— Эх, Иван Николаевич, что там за рычаги! Я ведь тоже не маленький, жизнь как-нибудь знаю. Уж если мне в тот раз не удалось вас, рядового капитана милиции, окружить, что же я нынче с подполковником Хлебниковым сделаю? С начальником ОБХСС. Мне бы помоложе кого, а? Не по зубам вы мне, гражданин подполковник, прямо вам признаюсь. Иначе...

Он присвистнул и вдруг улыбнулся:

— Но рычаги-то, конечно, будут, не сомневайтесь, Иван Николаевич. И неприятности у вас из-за моего ареста тоже будут. И выглядеть вы будете гораздо хуже, это я вам обещаю.

— Потерпим. А коль вы так хорошо считаете, потрудитесь прикинуть, сколько получится по совокупности статей? Перечислить, каких?

— Упаси бог! За кого вы меня принимаете? Я свои статьи наизусть знаю, и комментарии к ним, и разъяснения. Неужели я не учитывал возможность нашей приятной встречи?

— Что же у вас насчиталось, если не секрет?

— Секрет, Иван Николаевич, глубочайший секрет. Сколько я насчитал, это мне знать. Сколько вы считаете — вот вопрос. Вам-то считать будет потруднее — ваш счет в доказательствах нуждается. А у меня, между прочим, есть и программа-максимум и программа-минимум. Смотря по обстоятельствам. Так сказать, гибкая тактика, вы же меня знаете.

— Ну, вот что, гражданин Чубаров. На этот раз сосчитаем все. С точностью электронной машины. И максимум ваш тяжело тянет, Михаил Дмитриевич, куда тяжелей вашего чемоданчика...

— Давайте сразу договоримся, гражданин подполковник. Этот чемоданчик я вижу второй раз в жизни.

— Что вы говорите?! — притворно изумился подполковник.

— Представьте себе... Нашел между сиденьями автобуса. Дай, думаю, захвачу. Виноват, конечно, но сдать находку не было времени — опаздывал на самолет. Но в Адлере я бы сдал — это же все равно, не так ли?

Подполковник с презрительной гримасой на лице молча слушал. Чубаров, подождав секунду-другую, не скажет ли чего Хлебников, неожиданно улыбнулся:

— Иван Николаевич, вы не сердитесь, — мягко сказал он. — Я вовсе не принимаю вас за идиотов. Но обстоятельства сегодня исключительные: речь идет о жизни и смерти, к сожалению, не в переносном смысле. Я знаком со статьей о хищениях соцсобственности в особо крупных размерах. Соответственно этому и я буду защищаться. Только не толкуйте мне про чистосердечные признания, в данном случае — увы! — ничего не смягчает, а даже наоборот. Я лишен возможности даже объяснить вам, почему.

Поэтому и разговор у нас будет один — я приму только то, что вы сумеете до-ка-зать. И ни миллиграмма больше. В колонии жизнь не мед, я знаю, но все-таки понимаете, Иван Николаевич... — он на секунду прикрыл глаза, — все-таки жизнь...

Он открыл глаза и снова усмехнулся.

— А я как-то привык жить, гражданин подполковник, и очень не хотелось бы расставаться с этой привычкой.

— Во как, гуси-лебеди, — заметил подполковник, когда Чубарова увели из кабинета. — Вместо показаний — шекспировский монолог. И будет стоять на своем. Короче, не он нам, а мы ему должны рассказывать его вторую, главную жизнь. И обязательно с иллюстрациями, то бишь с доказательствами.

— Не понимаю, на что рассчитывает, — сердито сказал Саша. — Яснее ясного: прохвост — пробы ставить негде, жулик, валютчик, спекулянт.

— На нас рассчитывает, лебедь, прежде всего, на нас. На нашу недоработку, небрежность, головотяпство, если хочешь... До чего-то не докопаемся, чего-то не усмотрим, не пойдем. Глядишь, и счет окажется не больно велик. Ну, и еще кое на что рассчитывает, сами скоро убедитесь. Ладно, хватит с нас психоанализа. Давайте-ка займемся презренной прозой. У вас, стало быть, список пассажиров завелся? Позвольте взглянуть.

Геннадий Фомин вытащил из папки список, положил на стол.

— Ничего подозрительного, Иван Николаевич. Только... ерунда все это. Что такое фамилия на билете? Какую хочешь, такую назвал. Проверить бы надо.

Подполковник бросил на него быстрый взгляд.

— Ты думаешь, надо? А вот Саша считает...

Антонов обидчиво вскинул голову:

— Что Саша? Ничего я не считаю. Надо — значит, проверим. Ну, совершили глупость, что ж теперь делать-то?

— Исправлять, больше ничего, — равнодушно сказал подполковник, не отрываясь от списка. — Вот этих, пожалуй, можно исключить. — Он быстро поставил несколько галочек в списке. — Я их знаю. Стало быть, остается примерно половина. Тут уж ничего не поделаешь...

— Как проверять, Иван Николаевич? Всерьез или как? — спросил Фомин.

— А-а, — протянул подполковник. — Зачем же всерьез? В чем, собственно, мы их подозреваем? Нам нужно одно: все ли пассажиры летели под своими фамилиями. Ну, и хотя бы чисто формальные данные.

— Понятно, — проговорил Саша и тут же показал подполковнику еще фамилию в списке. — Вот этого еще можно исключить, Гнедых А. С.

— Почему?

— Мы с Фоминым его знаем. Он режиссер, в НИИ работает, в киноотделе. Какие-то производственные фильмы снимает. Собственно, и всю его группу можно исключить. Вот эти четверо на съемку летели.

— Откуда же у вас знакомства в киносферах? — насмешливо спросил подполковник.

— Так, встречались в Доме актера...

— Во-он вы куда вхожи! — с искусственным трепетом протянул подполковник и поставил в списке еще несколько галочек. — Сражен! Сражен!

В дверь постучали, и на пороге вырос дежурный.

— Товарищ подполковник! К вам кинорежиссер Гнедых.

Подполковник вопросительно посмотрел на ребят.

— Ваш?

Антонов коротко кивнул.

Подполковник повернулся к дежурному:

— Давай заказывай пропуск. Поворачиваемся и мы в киносферах.

Оля

— Скажите, в каких отношениях вы находились с этой девушкой?

— В товарищеских. Но, я думаю, это к делу не относится.

Из допроса Геннадия Фомина в судебном разбирательстве

Геннадий и Александр вышли из управления. Длинные тени исполосали всю улицу. Солнце с того берега реки, словно привстав на цыпочки и ухватившись лучами за верхушки деревьев, чуть выглядывало из-за них, как из-за забора.

Друзья двинулись через площадь со сквером посередине, где вокруг памятника все еще «кипела» ребятня, а на

скамеечках восседали отдыхающие старики: кто с газетой, кто с шахматами, кто с вязаньем, а кто просто наблюдал за прохожими. Другим не нравились эти пристальные изучающие взгляды, и они, не сговариваясь, прибавили шагу. Кафе находилось неподалеку — в самом устье вливающейся в площадь улицы.

Собственно, кафе не было таковым в полном смысле этого слова. Самый обыкновенный «стояк», которых немало развелось в последнее время во всех наших городах. В них почти все можно определить словом «мини». Мини-удобства, мини-выбор, но зато и мини-затраты времени. Благодаря именно последнему «мини» такие «стояки» пользуются успехом, главным образом, у молодежи.

Взяв подносы, ребята с очередью поплыли мимо витрины, уставленной небогатой снедью. И если Геннадий сумел выловить оттуда лишь бледно-розовый винегрет, пару пирожков да чашку кофе, то поднос следовавшего за товарищем Саши Антонова оказался заполненным до последнего квадратного сантиметра. Больше того, тарелочку с куском студня Саше пришлось нести в другой руке. Кассирша так долго считала Сашины приобретения, что Геннадий почти покончил с ужином, когда Саша, балансируя подносом, подошел к столику.

— У вас свободно? — Он бесцеремонно составил на соседний столик пустые тарелки и стал расставлять свою разнообразную снедь. Геннадий, хмуро поглядев на это обилие, покачал головой:

— Опускаешься.

— Геныч, мы с тобой в разных весовых категориях. А ничего студень! — Саша отправил в рот солидный кусок.

— Между прочим, на востоке говорят: завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу. Саша мгновенно отпарировал:

— Хочешь, могу считать это обедом. Придется поужинать позже, только и всего. Хочешь ватрушку?

— Нет уж, опускайся один. — Фомин, улыбнувшись, отрицательно покачал головой. — Я тебе не попутчик.

На лице Саши вдруг явственно проступил ужас:

— Караул! Опускаюсь! Тону! — Он чуть не целиком отправил в рот трубочку с кремом. — Спаси, друг!

Фомин не выдержал и фыркнул. Он знал Сашину давнюю привычку много есть, доставлявшую столько хлопот тренерам общества «Динамо». Был случай, когда

в самый канун спартакиады выяснилось, что Антонов почти на пять килограммов вышел за пределы своей весовой категории, и этот излишек два тренера, сменяя друг друга, выгоняли из него вениками в парной. Да, собственно, и в финал первенства Европы Саша не попал по той же причине. Перед встречей с болгаринном Жечевым пришлось париться до изнеможения. А у Жечева Саша обязан был выиграть: все предыдущие схватки между ними закончились в пользу Антонова. Ну, а теперь, вдали от тренеров, удержать Сашу будет просто немыслимо. Все-таки, когда Антонов принялся за вторую чашку кофе, Геннадий заметил:

— А немцы говорят: первая чашка кофе — лекарство, вторая — яд.

— Геныч! Ты глубоко, хотя и несколько узко образован, — тотчас отозвался Саша. Он задумчиво оглядел пустые тарелки и сказал с сомнением в голосе: — Повторить, что ли?

— Не дури! — уже всерьез забеспокоился Геннадий. Он быстро допил кофе. — Пошли, пошли отсюда...

— Мальчики, вы куда? — Высокая, подчеркнута медлительная девушка подплыла к их столику с чашкой кофе и бутербродами. — А я надеялась, что вы составите мне компанию. Я же вас сто лет не видела.

Она уверенным движением составила на соседний столик пустую посуду и вдруг, лукаво поглядев на друзей, указала на тарелки:

— Однако...

— В среднем на двоих это немного, — скромно сказал Саша.

Девушка улыбнулась. Она спокойно начала есть бутерброд, нимало не сомневаясь, что Саша и Геннадий останутся здесь. Она привыкла, что все всегда дорожат ее обществом, и держалась соответственно этой привычке. Действительно, ребята остались. Саша повернулся к Геннадию:

— Ну что, Геныч, теперь-то уж явно надо что-нибудь взять... Я принесу.

Неожиданно девушка сказала:

— Слушайте, мальчики, про вас говорят ужасные вещи: будто вы поймали подпольного миллионера... или даже миллиардера с полным чемоданом золота. Есть тут какая-нибудь правда?

— Это кто же говорит? — насторожился Фомин.

— Господи! — воскликнула девушка. — Да все без исключения. В троллейбусах, трамваях, на крытом рынке. А больше всех, наверное, у нас в театре. Увидишь двоих разговаривающих, смело подходи и включайся. Золото, мол, золотом, а какие там были камни!

Ребята переглянулись.

— Послушайте, Оля, — неуверенно проговорил Саша. — Ужель и вы такой ерунде поверили?

— А как же? — удивилась девушка. — Во-первых, интереснее поверить. Во-вторых, ваш смущенный вид говорит сам за себя. И в-третьих, — насмешливо глядя на своих собеседников, заключила Оля, — наша несостоявшаяся актриса, а ныне стюардесса рейса девятнадцать-двенадцать видела этот чемоданчик собственными глазами...

Она торжествующе тряхнула головой.

— Ну и как? Хорошо мое «в-третьих»?

— Прилично, — согласился Саша. — В спорте это называется хорошо подготовленной атакой.

Оля вздохнула:

— Не говорите! Чего стоило только номер рейса зазубрить. Но я знала, что тружусь не напрасно! Так как же? Признаете себя виновными?

— Что вам сказать? — серьезно проговорил Геннадий. — Вы же знаете: действительность всегда скучнее легенды. Должны вас разочаровать: никакого миллионера нет и в помине.

— Ну-у, мальчики, — обиженно протянула девушка. — Это не серьезно. Лучше скажите — секрет. И я не буду спрашивать. Только знаете что: хороши секреты — всему свету, копия — базару.

— Базар, Оленька, ненадежный источник информации, — с важным видом сказал Саша. — Лучше послушайте Геннадия.

— Никакого миллионера нет, а есть самый банальный, заурядный спекулянт.

— И мошенник, — уточнил Саша.

— А золото? В чемоданчике? — требовательно спросила Оля.

— И золота тоже нет. Анодированные штучки, металлолом.

— Но сбывать-то собирался за золото, — словно успокаивая девушку, заметил Саша.

Оля недоверчиво глядела то на одного, то на другого и жалобно выговорила:

— Стало быть, пропала моя хорошо подготовленная атака.

— Нет, почему же, — галантно улыбнулся Фомин. — Просто противник не стоил ее. И потом... вы же узнали правду.

Девушка была откровенно разочарована:

— Ну-ну... Лучше бы и не знать. Вечно все оказывается... скукой.

...Ребятам пришлось проводить девушку до самого театра. У маленькой и узкой служебной дверцы, так не гармонировавшей с вызывающей роскошью залитого светом главного входа, Оля остановилась. Заметив, что друзья несколько шокированы неказистостью служебного входа, она усмехнулась:

— А между прочим, удивляться не стоит. В сущности, точное отражение восприятия искусства. Так дорогу в него, — она указала на парадный подъезд, — представляют любители искусства, а так — служители.

«Высокий гость»

...Не умаляя значения оперативно-розыскной деятельности органов милиции, все же следует отдать предпочтение работе профилактической. —

...В этом смысле значение документального фильма, задуманного режиссером А. С. Гнедых, трудно переоценить...

Из письма, приобщенного к материалам следствия управления политико-воспитательной работы МВД

Что и говорить, идея была неплохой. Снять на кинолентку весь процесс разоблачения преступника от самых первых допросов до вынесения приговора в суде — да, ценность подобного фильма не выразить ни в каких единицах. И, конечно, не ему, начальнику отдела ОБХСС, ставить палки в колеса киношникам, задумавшим снять фильм о милиции.

Но что-то все же не нравилось Хлебникову в этой идее, и режиссера, рассказывающего ему о замысле, он слушал насупленно, недоверчиво, словно тот затевал какую-то противозаконную махинацию. И странное дело — чем

ярче повествовал Аркадий Семенович о своем будущем фильме, напирая на то, что это даже не кинонаблюдение, а киноисследование, новое слово в кинодокументалистике, что фильму почти обеспечен всесоюзный экран, а скорей всего, и международный, тем больше тускнел Хлебников. Тем туже стягивал к переносице густые и жесткие, уже заметно тронутые сединой брови.

Наконец, верный своей давней, выработанной привычке трезво анализировать каждое свое чувство и ощущение с позиций, как он выражался, критического реализма, подполковник задал себе вопрос: а чем, собственно, он недоволен? Он отлично знал, что весь отдел политиковоспитательной работы старается установить более тесные контакты с разными творческими союзами — писателей, кинематографистов, художников, отделением Всероссийского театрального общества, старается привлечь их внимание к работе милиции. Да и, честно говоря, сам он с интересом посмотрел бы такой занятный фильм, о котором столь восторженно рассказывает Аркадий Семенович. А вот поди-ка — явился к нему режиссер, сам, без приглашения, предлагает интересную и не совсем обычную идею, а он, Хлебников, колеблется. В чем дело, товарищ Хлебников?

Иван Николаевич не выдержал, усмехнулся. Как всегда, сработало старое, солдатское: стоило построже спросить себя, даже чуть-чуть прикрикнуть — сразу же нашелся и четкий ответ. Ему не нравился сам режиссер. Толстенький, коротенький, чрезвычайно уверенный в себе, он обладал быстрой, прямо-таки сверхскоростной манерой говорить. А главное — говорил слишком уж выпендренно, демонстрируя полный набор расхожих формулировок о милиции, газетных шаблонов и громких фраз. И все это — со значительным видом, с полной убежденностью, что говорит на профессиональном языке.

Да еще эта амикошонская манера через две-три минуты знакомства переходить на «ты». Ужасно, ужасно не нравился он Хлебникову. И эти его «поединок умов», «преждевременное торжество преступника», «момент перелома, кульминация», «запоздалое раскаяние» резали ухо, как музыканту-профессионалу фальшивина ресторанного «лабуха». «Вот так небось и фильм снимет, — с неприязнью подумал Хлебников, — треску будет много, а толку — чуть». И тут же себя одернул — а почему обязательно так? Справедлив ли он к режиссеру, не судит

ли по внешнему впечатлению? Допустим, Гнедых не относится к типу людей, вызывающих у Хлебникова симпатию. Ну и что? Разве это главное? И если интересы дела ставить в прямую зависимость от своих симпатий и антипатий, эдак можно зайти далеко. «Неужели старею? — с тревогой подумал он. — Начинаю все и вся оценивать применительно к себе? Нет, так не годится». Да и чем ему не угодил режиссер? Красно говорит? Но у них там, у киношников, свои законы. Где-то он прочитал или слышал, что если автор фильма не в состоянии красочно рассказать о своей будущей работе, он никогда не пробьет ее даже через худсовет. Отсюда и его велеречивость, это вполне понятно. Да, да, конечно, все так. И все же... есть что-то еще, какая-то заусеница, неверность, не дающая ему покоя. Что бы это?

А режиссер уже с минуту молчит, ждет, с удивлением глядя на постукивающего зажигалкой подполковника. Чтобы хоть что-то сказать, Иван Николаевич вяло произнес:

— Я все же не понимаю, чем вас заинтересовало именно это дело, Аркадий Семенович. Оно только начато...

— Именно этим, именно, — обрадовался режиссер. — Мы хотим идти от истоков. Я еще выскажу свое «фе» вашим ребятам. Не могли в самолете шепнуть мне на ушко, что сейчас произойдет... Мы бы прямо задержание сняли.

— Они не могли, — хмуро сказал подполковник. — Служебная тайна.

Режиссер поморщился:

— Ох ты, опять тайна! Ну до чего же вы любите в тайны играть, спасу нет! Да нынче об этом на всех углах кричат. Все равно на суде все будет оглашено.

— На суде — другое дело. А пока...

— Да поймите вы, потом будет поздно снимать. Это же документальный фильм. Не могу же я заставить преступника играть сцены допросов, да и вас тоже не могу. Вы же не актеры, вы не сыграете, фальшь поползет из каждого слова! А Чубаров просто откажется — и вся любовь.

— А вы полагаете, сейчас он...

Режиссер отчаянно замахал руками.

— Ни в коем случае! Только скрытой камерой! Чтоб даже следователь не знал. Иначе он невольно потеряет естественность, зажмется — и прощай правда жизни!

— Чем же все-таки вас заинтересовал Чубаров? — уже настойчивее спросил подполковник.

Гнедых ответил, не задумываясь:

— Хочется создать обобщенный кинопортрет стяжателя. Конкретного носителя тех пережитков, против которых мы ведем борьбу. Так сказать, живое воплощение их. Это немало...

— Да... — задумчиво подтвердил подполковник, — немало...

— Вот видите! Даже вы это понимаете. Еще неизвестно, от чего будет больше пользы: от нашего фильма, воздействующего на миллионы, или от изоляции одного-двух мерзавцев. Не обижайтесь, пожалуйста.

— Я не обижаюсь, на что же... — равнодушно сказал Хлебников. Его беспокоило, что он никак не мог выявить таинственную заусеницу, тем не менее, реально существующую и немало мешающую их разговору о фильме. Во всяком случае, дело было уже не в симпатиях и антипатиях. В процессе беседы он не то чтобы изменил первое впечатление о режиссере, а скорее примирился с ним. В конце концов, Гнедых не в друзья ему набивался и не в штатные сотрудники. Надо его принимать таким, каков он есть. А дело свое он, кажется, знал, по крайней мере отчетливо представлял, что он хочет видеть в своей картине. Это уже неплохо. И если дать ему толкового консультанта...

Аркадий Семенович некоторое время следил за подполковником и вдруг, улыбнувшись, сказал:

— Есть такой романс у Чайковского — «Я вам не нравлюсь».

— Да не в этом дело, — досадливо пристукнул зажигалкой Хлебников и тотчас же спохватился: — Что вы сказали?

Режиссер засмеялся — искренне, без всякой натуги.

— Не хитри, Иван Николаевич, — просто сказал он. — Тебе это все равно не удастся. Но не любовником я пришел к тебе, Великий Новгород! — с пафосом процитировал он и, резко меняя тон, заключил: — Давай лучше дело делать — это в наших общих интересах. А остальное... — Он беспечно махнул рукой. — Стерпится-слюбится.

«Ух ты, черт глазастый», — с невольным уважением подумал Хлебников и сразу же испытал некоторое облегчение. Показалось, что он ущупал-таки проклятую заусеницу.

— Ответьте-ка мне еще на один вопрос, Аркадий Семенович. Почему именно вы снимаете такой фильм? У вас же, насколько я понимаю, совсем другой профиль?

Гнедых разочарованно присвистнул:

— Э, дорогой Иван Николаевич, это в тебе говорит ведомственная узость. У нас ведь не контора: этот — то, а тот — другое. Я профессиональный режиссер. Неужели я буду снимать одни железки? Да пропади они! Вам угодно мандат? Пожалуйста...

Он вытащил из кармана членский билет Союза кинематографистов, а уже из него — четверо сложенную бумажку.

— Видите? Студия телевидения поручает мне съемки документальных фильмов, сюжетов и прочая, прочая. Я им знаете сколько фильмов сделал. Я ведь почему в НИИ-то пошел? Времени — вагон. Да и зарплату не сравнить. А это еще пока тоже имеет значение, верно?

— Я понимаю, — увявшим голосом сказал подполковник, снова почувствовав, что беспокойство его не исчезло, выявленная была причина оказалась явно не той. Он встал, показывая, что беседа окончена. — Словом, ничего вам не скажу, Аркадий Семенович. Надо ваше предложение обсудить.

— Посоветоваться с народом? — Гнедых насмешливо указал пальцем в потолок.

— А что ж, — спокойно согласился подполковник, — тоже надо.

И только полчаса спустя, раздумывая над визитом «высокого гостя», Хлебников понял причину своего беспокойства: ему не хотелось допускать этого легкомысленного человека к материалам расследования.

Оправдательный аргумент

— Мне позвонил мужской голос и сказал, что должен срочно поговорить со мной... об отце. Я ждала в магазине минут пятнадцать. Потом появились эти...

Из протокола допроса Тани Чубаровой в судебном разбирательстве

— Да, махнули мы лихо, — говорил Фомин, когда ребята, проводив Ольгу, неторопливо шли по набережной. — Еще эти наручники дурацкие. За-

чем ты их вообще-то приволок? Тоже мне — старший группы... Пижон.

— Приволок... А я знаю, зачем? Выдали — я взял...

— Брось, Санька, — серьезно сказал Фомин. — А то я не знаю. Наручники выдают по особому требованию. Как ты их выпросил — ума не приложу!

При последней фразе Фомина Саша даже остановился.

— Старик! Можешь верить или не верить. Даю честное слово: я не просил. Мне приказал их взять сам Хлебников! Фомин удивленно присвистнул.

Они подошли к ярко освещенному «Гастроному». Саша схватил товарища за локоть:

— Геныч, яви божескую милость. Давай конфеточек каких-нибудь.

Фомин погрозил кулаком:

— Ты... тип, не удовлетворенный желудочно. Когда ты уймешься?

— Перед зарплатой, Геныч, денька за два, не раньше. Обожди, это еще что за представление?

Из дверей магазина вывалилась группа подвыпивших парней. Они увлекали за собой испуганную девушку, которую цепко держал за руку высокий парень в берете.

— Что вам надо? — отбивалась девушка. — Пустите меня.

— Отпустить такую киску! Плохо вы о нас думаете, — насмешливо говорил парень в берете. — Да не бойтесь... Прогуляетесь с нами — и порядок.

— Оставьте меня! — Девушка попыталась вырваться. Компания пьяно захохотала.

— Ого! Классная чувишка...

— В порядке.

— Ты, козел, пусти ее в натуре...

Хохот.

Фомин грустно покачал головой:

— Ну вот, снова врезались. Теперь опять неприятностей не оберешься.

— Здрасте, пожалуйста! — возмутился Саша. — За что же неприятности? Мы все же в первую голову милиционеры, а все остальное потом.

— Ага! — язвительно согласился Геннадий. — А что в прошлый раз сказал Хлебников: «Ходите-бродите, сами всех задираете. Бравируете своим чемпионством. Надо уметь наводить порядок спокойно, без методов Жана Маре». Помнишь?

— Так что же? — зло сказал Саша. — Может, завопим: милиция!?

— Пустите! Милиция! — тоненьким голосом выкрикнула девушка.

— Ну вот, прямой и ясный призыв, глас трудящегося, — усмехнулся Саша, наблюдая, как редкие прохожие стараются обойти сторонкой опасную компанию. Двое мужчин, бормоча «хулиганье, распустились», прямо около друзей деловито перешли на другую сторону набережной, к парапету.

Ребята молча направились к веселящимся парням.

— Только без драки, слышишь, Сань, — торопливо сказал Геннадий.

Саша, не отвечая, раздвинул парней и шагнул в самую середину. Сказал уверенно и властно:

— Стоп! Детские игры отменяются из-за позднего времени. Участников просят расходиться по домам!

Парни, ошеломленные столь внезапным и дерзким вмешательством, на минуту растерялись, и Саша неторопливо вывел девушку из круга. Рядом с ней тотчас же стал Геннадий. Но, сообразив, что добыча ускользнула, парни грозно надвинулись на Сашу, поскольку он стоял ближе. Послышались возгласы:

— А это что за фраера?

— Вас кто сюда звал?..

— Ну-ка валите отсюда!

Парень в берете властно поднял руку:

— Парни, цыц! С этими заступничками мы сейчас потолкуем!

Саша, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Старик, развлекай девушку, а со мной тут хотят о чем-то потолковать. Любопытно будет узнать.

Геннадий прикинул: противник не из опасных, его помощь Александру едва ли потребуется.

— Пойдемте отсюда, — предложил он девушке. Та посмотрела на него с удивлением и гневом.

— Вы что, с ума сошли? Они же его избьют.

Геннадий с сомнением покачал головой:

— Вряд ли... Но смотреть тут действительно не на что. Пойдемте, пойдемте... — Он попытался взять ее за рукав. Девушка резко выдернула руку.

— Эх вы! Это же ваш товарищ! А вы... Это же бандиты... с ножами!

— Да ну, какие там бандиты, — пренебрежительно сказал Геннадий. — Так, шантрапа. А ножи, ножи... не знаю. Сейчас увидим...

Он стоял спокойно, не изъявляя ни малейшего желания броситься на помощь товарищу. Девушка растерянно смотрела на него.

— Вы что ж, так и будете стоять? — тихо спросила она.

— Ага! Мне приказано вас развлекать, — как можно беззаботнее ответил Геннадий.

— Тогда я пойду! — Она рванулась к Саше, но Геннадий схватил ее за руку:

— Стоп! Это нечестно. Вы нарушите нормальное соотношение сил. Их же только пятеро. — Он пристально следил за событиями.

Между тем парни все плотнее обступали Сашу, и он был вынужден попятиться. В центре наседали парень в берете.

— Ты, фраер тухлый! Стоишь?

— Точно подмечено, — улыбнулся Саша. — Вы человек наблюдательный.

— А сейчас будешь лежать! — Медленно, значительно он вынул из кармана финку. Веселость с Сашиного лица мгновенно испарилась, глаза зло сощурились. Парни как по сигналу бросились на Сашу. Раздался мучительный стон, крик боли. Девушка вскрикнула, Геннадий невольно сделал шаг вперед. Но почти в ту же минуту все и окончилось. На ногах — один Саша Антонов, а вокруг в нелепых позах валялись все пять парней. Двое из них стояли на четвереньках, не решаясь подняться. «Берет» — на спине, широко раскинув руки, как убитый. Все произошло очень быстро: Саша встретил ударом снизу в подбородок «Берета», рубанул ладонью по шее нападавшего справа, ногой ударил в коленную чашечку левого и, сделав захват, перекинул через плечо четвертого, обрушив его на набегавшего пятого.

— Вот и верь вам после этого, — слегка вздрагивающим голосом, но вполне миролюбиво сказал Саша двум стоящим на четвереньках парням, чем-то очень похожим на побитых собак. — Говорили — потолкуем, а вы нате-ка, пожалуйста, драться. Нет, драться я не согласен! Вот мотопатрулю вас сейчас сдам. Это определено.

Можно было подумать, что Саша нечаянно произнес таинственное заклинание из старых арабских сказок. Во всяком случае, всю компанию вдруг подбросило вверх, как единой пружиной, и не успел Саша хоть как-нибудь среагировать на столь стремительное исцеление, как парни улепетывали уже в ворота проходного двора, находившегося по меньшей мере в полусотне метров. И первым нырнул туда «Берет», только что не подававший признаков жизни.

— Эх, ты! — Саша изумленно глядел им вслед. — Покойнички-то мои... до чего шустрые!

Подошел он со сконфуженным видом, бормоча:

— Так себе сработал, на «троечку».

Девушка, закрыв ладонями лицо, плакала, Геннадий неловко топтался около нее, держа в руках носовой платок и не решаясь его предложить. Сделал Саше «глаза»: мол, что делать-то? Саша пожал плечами — по успокоению девушек он тоже не был специалистом. На всякий случай вступился:

— Ну, успокойтесь, девушка, что теперь-то плакать? Они теперь сами, наверное, в три ручья рыдают где-нибудь в сточной канаве. — Он старался говорить о них как можно обиднее, считая, что это должно понравиться девушке. Но та вдруг затрясла головой, не отрывая ладоней от лица, с трудом выговорила:

— Нет... не рыдают... не вышло здесь... к другим пристанут... Подонки... и трусы к тому же! Господи! Ходит же такая погань по земле! — Это она выкрикнула отчетливо, со злостью.

— Нет, сегодня они, пожалуй, не пристанут, — раздумчиво сказал Саша. — При всей моей недобросовестности им все же немного досталось...

— Что же ты? — укоризненно шепнул Геннадий. — Хотели без драки...

— Не беспокойся! На этот раз есть оправдывающий аргумент, — шепнул Саша. Он похлопал себя по карману, где лежала финка. — Повезло...

Самое удивительное поджидало ребят в финале этого инцидента. Когда, знакомясь, Таня назвала свою фамилию, друзья так и застыли. И было от чего: фамилия Тани оказалась... Чубарова!

Хождение по людям

Бутурлин Петр Степанович, 1933 года рождения, контролер пассажирских перевозок управления ГВФ. Дисциплинирован, морально устойчив, замечаний по службе не имеет. В прошлом — пилот 2-го класса, полеты оставил по состоянию здоровья...

Из характеристики П. С. Бутурлина, затребованной народным судом

Два последующих дня были набиты делами, что называется, под завязочку. Легко сказать: надо — значит, проверим. На практике это означало: надо объехать не меньше тридцати адресов, находящихся порой в самых противоположных концах города. А между прочим, подполковник, распорядившись проверить пассажиров, в машине друзьям решительно отказал. И, конечно, сделал это не без задней мысли, рассчитывая на личный Сашин выезд — прекрасную, бесшумного хода «Яву».

Сначала друзья собирались разделить адреса пополам, но Саша отверг это намерение как несправедливое: у Геннадия-то мотоцикла не было. Да и веселее ездить вдвоем, что ни говори.

В эти дни ребят можно было видеть то в солидной, благополучно-унылой конторе «Облзерностройпроект», беседующими с человеком средних лет в нарукавниках канцеляриста, то в ресторане «Плес» около тамошнего кумира — аккордеониста Дмитрова, то у дантиста-надомника Иванова.

Последним в их списке был Петр Степанович Бутурлин. И, направляясь к нему домой, в дачный поселок Шестереновка, ребята уже жалели, что не отправились прямо в аэропорт, на его службу. Пусть было бы дальше, но зато ехали бы хорошей асфальтированной дорогой, а не преодолевали то песок, то глину, то всякую проселочную грязь, поминутно соскакивая с седла и вытаскивая буксовавший мотоцикл.

— Угроблю! Непременно угроблю я тут свою «явушку», — ругался Саша, с трудом удерживая в равновесии фыркающую машину. — Это же пес знает что за дороги!

— «Жигули» купишь, — успокоил Геннадий. — Всем отделом будем приветствовать.

— Да? — на мгновение обернувшись, саркастически

произнес Саша. — Между прочим, мои уважаемые родственники решили, что теперь при моей гигантской зарплате инспектора ОБХСС я живу как бог. Или как полубог, что, по мнению Остапа Бендера, было одно и то же. И соответственно считают, что вот эта керосинка — их последний взнос в дело моего становления.

Геннадий засмеялся.

— Я из самолюбия года два оставлял их в этом приятном заблуждении, но, кажется...

Мотоцикл окончательно забуксовал. Дальше ехать было немыслимо: на всю ширину улочки, вьющейся между сплошными изгородями и свесившимися через них кустами, разлилась лужа. Лишь сбоку, вдоль ограды, лепилась узенькая тропинка.

— Слезай с коня, джигит, приехали, — заявил Геннадий. — Пусти его пастись и топаем.

— Думаешь? — не сходя с седла, рассеянно спросил Саша, лихорадочно озираясь: он все же надеялся проехать. Убедившись, что пути действительно нет, он со вздохом заглушил мотор.

— Не упрут? — с тревогой сказал он, ставя машину на подставку.

— Вряд ли. Тут воров не любят. Да и близко, наверно. Видишь — уже шестьдесят восемь. — Геннадий показал на номер дома. — А то оставайся здесь, я один сбегая.

— Еще чего! — сердито сказал Антонов и первым направился в обход лужи. — И чего люди забираются в такую дичь? Тоже мне, землевладельцы. Экономический противник — частный сектор. «Хычники».

Он указал на таблички, висевшие почти на каждой калитке: «Во дворе злая собака».

— Ну, конечно, «хычники», — возразил Геннадий. — Всякие есть: пенсионеры, инвалиды, больные. И вообще — любители.

Саша засмеялся:

— Знаем этих «любителей», — и кого-то зло передразнил: — «Клубнички, клубнички моей поцведайте! Рубчик — кулечек, для сынков, для дочек. Налетай — подешевело...» Нет, в самом деле, ты кинь взгляд, старик.

Они стояли так, что им была видна почти вся эта кривая и густая улочка: на заборах — колючая проволока, всюду собачьи морды на предупредительных табличках, где-то в глубине дворов действительно слышалось звяканье цепей и глухое ворчание. За-

боры — высоченные, добротные, как крепостные стены.

— Укрепления по последнему слову техники... средневековья, — негромко сказал Саша. — А вот и для нашей идеологии, — насмешливо заметил он, указывая на узкую щель в массивной калитке. Над щелью синей краской было выведено: «Для писем и газет». Ниже наклеены вырезанные заголовки: «Здоровье», «Работница», «Советский экран», «Пионерская правда».

Геннадий глядел молча. Кажется, и его чем-то задела открывшаяся картина. Он было нахмурился, потом резко тряхнул головой, словно отгоняя наваждение:

— Хватит символику разводить! Тоже мне — большой мастер социальных обобщений. У тебя чего было по истмату?

— Четыре балла, старик, ваш номер не пляшет...

— Завысили! — уверенно изрек Фомин.

— Угу! — насмешливо согласился Саша, шагая следом за Фоминым. — Ты что, забыл нашего Арона? Он завысит... — И тут же без перехода спросил:

— Чего ж этот Бутурлин сюда забрался? Что ли, тоже «хычник».

— Глупости. Он же в аэропорту работает. Тут до него — рукой подать. С какой стати ему из города каждый день мотаться?

Друзья подошли к дому, стоящему несколько ближе к ограде, чем другие. Да и сама ограда была не столь внушительна, как соседние, — скорее загородка палисадника. Саша открыл калитку.

— Хоть здесь без собак, — удовлетворенно заметил он. — С этой минуты начинаю уважать Бутурлина.

Он зашагал через двор к крыльцу.

— Санька! — вдруг крикнул несколько отставший Фомин и бросился вперед.

Из-за сарая, прижав уши и низко стелясь над землей, молча неслась устрашающих размеров овчарка. Она уже готова была прыгнуть на спину Антонову, но Геннадий перехватил разъяренную собаку в воздухе и с неожиданной в нем силой отбросил в сторону. Овчарка взвизгнула и, только теперь зарывав, снова ринулась на ребят. Но они уже стояли плечом к плечу и дружно встретили ее пинками.

На крыльцо поспешно выбежала полненькая миловидная женщина лет тридцати пяти.

— Рекс! — закричала она. — Нельзя! Рекс! На место!

Пес, сжавшись, как пружина, глухо рычал. Он не решался повторить нападение, но и отнюдь не собирался отправляться «на место».

— Петя! — Закричала женщина. — Уйми же его...

— Это мы еще поглядим! — послышался изнутри спокойно-насмешливый голос, и из дверей вышел коренастый, крепкого телосложения человек с густой, неужоженной шевелюрой. Кажется, он был немного навеселе. Недружелюбно оглядев гостей, спросил:

— Что вам здесь надо? Если, по-вашему, не заперто, стало быть, можно врываться?

— Вот что, гражданин Бутурлин, — официальным тоном сказал Геннадий. — За такие штучки... можно ответить!

— Ох ты! — Бутурлин расплылся в ухмылке. — Напугал! Честное слово, напугал! Поглядите на них: врываются ко мне во двор да еще начинают угрожать. Рекс! — грозно закричал он.

— Стоп! — Саша поднял руку. — Пожалейте собаку, Бутурлин. Я ее сейчас ка-ак хвачу вон о тот столбик! А мне она нравится. Отличный зверь!

Бутурлин недоверчиво посмотрел на ребят, но, кажется, вид Саши Антонова вполне подтвердил угрозу.

— Попробуйте только! — глухо пробормотал он. — За собаку ответите!

Геннадий невольно ухмыльнулся:

— Железная логика!

— Да кто вы такие? — колюче уставившись на ребят, спросил хозяин.

— Из УВД. — Фомин показал ему красную книжечку.

— А что же вы сразу не говорите! — Бутурлин неожиданно зевнул, прикрыв рот ладонью. — Откуда я знаю, кто тут шляется? Места у нас смутные...

Он кинул косой взгляд на Рекса, все еще находившегося в полной боевой готовности, без всякого выражения обронил:

— На место.

Боевое выражение на морде собаки тотчас испарилось без следа, она поднялась на лапы, вильнула хвостом и отправилась к своему сарайчику.

— Как я его забыл запереть! — сокрушенно сказал Бутурлин. — Неужели склероз начинается? Вроде бы рано...

Он размышлял вслух, не обращая никакого внимания на гостей. Потом резко обернулся к ним:

— Ну, блюстители закона, зачем пришли?

Оставим вплоть до выяснения

Нож иностранной марки, судя по свастике на рукоятке, — немецкий, обоюдоострый, наточенный, длина клинка 25 см, ширина 3,5 см, рукоятка светлая, костяная, инкрустированная...

Из описания предъявленных суду вещественных доказательств

Утром, в десять ноль-ноль, ребята дружно щелкнули каблуками в кабинете подполковника Хлебникова. Тот, не отнимая от уха телефонной трубки, указал глазами: мол, проходите, садитесь. Ребята уселись около стола, стали с интересом прислушиваться к телефонному разговору. Собственно, разговор носил односторонний характер. Хлебников слушал невидимого собеседника, иногда роняя лаконичные, уставные фразы: «Так точно, товарищ комиссар», «Слушаюсь, товарищ комиссар», «Понятно, товарищ комиссар». Закончился разговор столь же коротко: «Хорошо, товарищ комиссар. Сейчас принесу»...

Хлебников положил трубку, вздохнул:

— Ну, началось! Высокое начальство заволновалось. Впрочем, ничего не попишешь, гуси-лебеди, дело неординарное, не каждый день валютчики объявляются. Резонанс...

Он взял «дело» и, обронив: «Посидите, я сейчас», — вышел из кабинета.

Вернулся он не скоро. Саше уже надоело сидеть, и он подошел к небольшому книжному шкафу — единственному украшению кабинета, если не считать украшениями массивный старомодный стол, сейф да дюжину стульев. Посмотрел названия книг, присвистнул:

— Глянь-ка, Геныч, какие шедевры литературы: «Бухгалтерский учет», «Функции промбанка», «Акцептное и аккордное кредитование». Хочешь, зачту?

Он взял толстенную, страниц в семьсот, книгу, раскрыл наугад и, путаясь, прочитал длинную, с многочисленными придаточными предложениями фразу, наполовину состоя-

щую из финансовых терминов. Поднял глаза на приятеля, задумчиво покачал головой:

— Потрясающе! Легкость и изящество стиля не затушевывают всю глубину содержания.

Геннадий зловеще ухмыльнулся:

— Рано потешаешься, Сашенька. Не иначе как эти томики нам приготовлены.

Саша сразу потерял веселость, обеспокоенно спросил:

— То есть?

— А помнишь, что он говорил? Без знания основ бухгалтерии в ОБХСС делать нечего. А это, — Геннадий кивнул на шкаф, — претворение теории в практику.

— Это дудки! — решительно возразил Саша. — Слуга покорный! Хватит с меня финансового права!

— Угу... Так он тебя и спросит — хватит или нет.

— Да я скончаюсь от иссушения мозгов на второй странице! — с отчаянием воскликнул Саша.

В этот момент и появился подполковник. Проходя на свое место, он мельком глянул на книгу в Сашиных руках, одобрительно кивнул:

— Уже заинтересовались? Похвально.

Внимательно посмотрел на лица ребят — растерянное и испуганное Сашино и преувеличенно серьезное Геннадия, прилагавшего титанические усилия, чтобы ненароком не фыркнуть, — закончил:

— Бесценные, скажу вам, книги для нашей работы.

Сел, неловко сгорбившись над столом. Секунду-другую помолчав, приказал:

— Теперь давайте к делу. Что скажете?

— Все, товарищ подполковник! — отчеканил Саша.

— Что все?

— Проверили весь список...

— Ага... Обошлись, стало быть, и без машины. Вот видите. Итоги?

— Все правильно, товарищ подполковник, никаких «инкогнито».

— Так, так, интересно.

Разглядывая списки пассажиров, он быстро ставил птички против оставшихся фамилий. Потом, отложив бумажку, испытующе поглядел на ребят:

— Ну, а все-таки? Ничего вам не бросилось в глаза... особенного?

— Нет, товарищ подполковник, ничего особенного не бросилось, — отчеканил Саша.

— Да, да. Собственно, и не должно было броситься.

Он встал, заходил по кабинету. Сам крупный, грузноватый, он и зашагал крупным, тяжелым шагом. Кабинет был явно тесен ему — так и казалось, что он что-нибудь растопчет на пути. Даже атлетически сложенный Саша невольно сторонился, когда Хлебников проходил мимо него.

— Я вот все думаю про этого Чубарова. Ну, почему, спрашивается, он угнал автобус?

— Как почему? — удивленно спросил Геннадий. — Опаздывал.

— Но почему не машину какую-нибудь? Ведь за «Экспресс» обязательно придется отвечать. И серьезно. А он человек с положением...

— Ну, Иван Николаевич, — засмехался Саша. — С его художествами угон автобуса — семечки. Скорей всего, это и в совокупность не войдет. Что там полагается — мелочь.

— Да? — сощурился подполковник. — А он что, уже знал, что ли, что его судить будут?

— Нет, конечно, — растерялся Саша.

— Так почему же он решил угнать «Экспресс»? — чуть не закричал подполковник.

— Первое, что подвернулось, — высказал предположение Геннадий, — У него времени было в обрез.

— Так, — коротко кивнул Хлебников. — А почему времени в обрез?

Ребята недоуменно переглянулись, на всякий случай промолчав.

— Вы не гримасничайте. Я спрашиваю: почему у него образовался такой цейтнот?

— Кто ж его знает, — глубокомысленно высказался Саша.

— Я знаю, — внезапно успокоившись, заявил подполковник. — Во сколько рейс?

— В восемь сорок пять.

— А в восемь открывается сберкасса, где он снял с книжки девять с половиной тысяч рублей.

— Ну вот и ответ, — невольно вырвалось у напряженно слушавшего Фомина.

Подполковник отрицательно покачал головой.

— Обождите. Вы обратили внимание, что накануне вечером, покупая билет на рейс девятнадцать-двенадцать, он не взял билет на автобус к этому рейсу? Значит, он уже

знал, что будет в цейтноте, что придется мчаться сломя голову с очень реальным риском опоздать?

— Видимо, знал, — медленно выговорил Геннадий.

— Конечно, знал, — уверенно подтвердил подполковник. — На сберкассу, на дорогу к автовокзалу надо по меньшей мере пятнадцать минут. Остается полчаса. Добраться за это время до аэропорта почти невозможно. Так почему же он взял билет именно на этот рейс, восемь сорок пять? А, скажем, не на следующий — в десять пятнадцать?

Ребята молча глядели на него.

— Вывод может быть только один: ему надо было попасть именно на этот самолет — и ни на какой другой.

Он помолчал и очень тихо, каким-то отрешенным голосом произнес:

— Но если не пассажирами, чем же еще он мог привлекать его, а? Гуси-лебеди?

Ребята огорошенно молчали.

Он потерял виски, глядя словно бы сквозь ребят, затем лицо его приобрело обычное невозмутимое выражение.

— Ладно, как говорится, оставим вплоть до выяснения. А времени у нас ой как немного — дело-то скоро следователю передавать.

— Ага! Вот они где, разбойники! Оба сразу!

В кабинет бесцеремонно вторгся майор Хмелевский, заместитель начальника отдела службы. Это был довольно тучный, пожилой, весьма добродушного вида человек, тем не менее очень подвижный, что совсем не согласовывалось с его внешним обликом. Говорил он громко и возмущенно, и невозможно было понять — искренне его возмущение или притворно.

— Вот, Иван Николаевич, сам как его, полюбуйтесь, что твои мальчики опять наработали. Сам как его, повздорили на набережной с какими-то юнцами и отдела-ли их по первое число. До каких же пор, сам как его, это будет продолжаться. Вам что — для этого звание чемпионов Европы присвоили? Терроризировать улицу?

— Я не чемпион, — скромно опустив глаза, уточнил Саша. — Третий призер. Геннадий вон чемпион. — И тут же не преминул уточнить: — Правда, моя весовая категория труднее.

— Вот посажу вас на пятнадцать суток, — зловеще выговорил майор, — там разбирайтесь в категориях. И в ЦС «Динамо» сообщу, что тут их, сам как его,

спортсмены выделяют. Получите пожизненную дисквалификацию — вот тогда запоете!

— Это правда? — Хлебников сурово уставился на ребят.

— Еще бы не правда! — подхватил майор. — Наружная служба задержала минувшей ночью двоих из этих, сам как его, потерпевших. Ну, кое за что... Вы бы послушали, Иван Николаевич. Прямо легенду рассказывают. У этих безвинных юношей до сих пор, сам как его, от страха зубы стучат. Чей же еще почерк?

— Я спрашиваю, — не повышая голоса, потребовал ответа Хлебников, — ваша работа?

— Так точно! — хмуро отвечает Фомин.

— Не совсем точно и совсем не так! — возразил Саша.

Он выскочил из кабинета и вернулся, держа в руке финку.

— Вот, полюбуйтесь. Не успели еще сдать. Вот с чем эти «безвинные юноши» кидаются!

Майор взял у Саши финку. Это было настоящее оружие, отнюдь не кустарного производства, с остро отточенным лезвием. На рукоятке распластал крылья фашистский орел, держа в лапах кружок со свастикой. Майор с кривой усмешкой глядел на гитлеровскую эмблему.

— Мда... сам как его, — выговорил он, — серьезная игрушка.

Подполковник в свою очередь взял финку, взглянул на нее и брезгливо швырнул на стол:

— Знакомая штука. Снаряжение немецкой разведки. Последнюю такую выбил 10 мая, в Будапеште, уже после победы. Какой-то свихнувшийся фанатик кинулся...

Он еще раз покосился на финку, не беря ее в руки, вздохнул:

— Признаться, не думалось, что кто-нибудь подхватит... Да еще у нас... Эх, ребята, ребята...

Было видно, что он сильно взволнован. Пальцы, достающие из пачки сигарету, прыгали. Заметив состояние Хлебникова, Геннадий с горячностью заговорил:

— При чем тут ребята, Иван Николаевич? Совершенно незачем тут обобщать. Это же не ребята! Так... подонки! Сколько их? Горсточки — плюнуть и растереть. Да и сами они... если бы подумали... Это же все от полной безответственности... Честное слово!

Майор поглядел на Геннадия:

— А что? Я думаю, тут он, сам как его, в самое яблочко, Иван Николаевич, а?

Подполковник внезапно улыбнулся, покачал головой:

— Ах, гуси вы мои лебеди! Уже начальника воспитывать взялись. Так сказать, летучий урок политграмоты. Да не обвиняю я ваше поколение, успокойтесь! Просто обидно стало. За них же в войну... Впрочем, ладно. Хватит об этом. Тем более что, насколько я понял, вы тоже умеете финки выбивать.

— Даже слишком умеют! — снова возвысил голос майор. — Не мешало бы убавить прыти! Предупреждаю: если еще раз услышу...

Он вдруг засмеялся и махнул рукой:

— А впрочем, правильно вы их отделали. Эти юнцы, сам как его, уже по несколько приводов имеют... Видно, хватит их воспитывать, пора и честь знать.

— За что же вы нас-то тогда? — с обидой в голосе спросил Саша.

— Для профилактики! — спокойно ответил майор. — Чтоб поменьше это, сам как его, свое чемпионство в ход пускали. Ясно? А этого фашиста я заберу! — Он уложил финку в портфель. — Хватит ему, сам как его, по белу свету гулять.

«Первая колонна марширен»

Считаю необходимым отметить успешную работу всего коллектива ОБХСС, обеспечившего разносторонний характер дознания по этому важному делу.

Из приказа начальника УВД

Сколько раз уже Хлебников убеждался: даже самым тщательным образом разработанная схема операции при ее проведении начинает обрастать такими подробностями, отклонениями и изменениями, что порой ее самое уже трудно становится и узнать. Однажды ему пришлось присутствовать на установке перед игрой местной футбольной команды «Динамо». Тренер, вооружившись указкой, с профессиональным видом расхаживал перед магнитным стендом, передвигал фишки, обозначавшие игроков, определял каждому задание с учетом

характера действий противника и его возможностей. По тренерскому расчету выходило, что динамовцы должны победить с внушительным счетом — 4:0 или даже 5:0. Поддавшись железной логике тренера, а главное, логике магнитного стенда, Иван Николаевич с уважением думал: «Ух ты! Футбол-то, оказывается, целая наука!». Увы! На зеленом поле все было наоборот: вместо последовательного наступления динамовцы демонстрировали паническую оборону, мяч отбивался куда попало, никто и не думал, чтобы «через правого полузащитника мяч передать в центр, откуда, выманив на себя опекуна, сделать передачу на левый фланг, выйти на прострел и забить гол». В итоге динамовцы пропустили три «сухих» мяча от сравнительно несильного противника, так и не показав осуществления ни одной из плановых задумок.

Иван Николаевич не удержался и вскоре после игры ехидно спросил тренера: «Ну а как же ваш план?». Тренер только отмахнулся: «А-а, не выполнили. Что поделаешь: мяч круглый». Та игра его уже не волновала: на очереди был новый противник и новый план.

Ну как было тут не вспомнить Толстого с его злой насмешкой над кабинетными диспозициями... «Первая колонна марширен туда-то, вторая колонна марширен туда-то». Это толстовское «марширен» и стало у Хлебникова окончательным приговором всякому нереальному прожектерству.

Когда в поле зрения ОБХСС появился «старый знакомый» Ивана Николаевича директор ювелирторга Чубаров, насторожился весь отдел. Что ни говори, а дела о валютчиках стали редкостью. Все понимали, что это так и должно быть, это правильно. Сотрудникам ОБХСС часто приходилось ковыряться то в бумажках какого-нибудь Гортопа, то в квитанциях дровопилочного склада, то в отчетности магазина хозяйинвентаря. Да, конечно, эти «ковыряния» вскрывали порой и злоупотребления, и хищения, и разбазаривания государственных средств, да, никто не отрицал важности этой работы и, разумеется, не уклонялся от нее, но... Словом, не было в отделе сотрудника, который не мечтал бы заняться «делом Чубарова».

К счастью, работа нашлась многим. Во-первых, срок на производство дознания закон оговаривает строго — десять дней. А поскольку Хлебников не любил сдавать в следственный отдел полуфабрикаты, «копать» приходилось глубоко и быстро. Во-вторых, всем своим опытом,

всей выработанной за долгие годы службы интуицией Хлебников чувствовал, что Чубаров — не одиночка, что арест не заканчивает дела, а, скорее всего, только начинает его. Оперативные группы, возглавляемые наиболее опытными сотрудниками, двинулись в глубокий поиск. Чубаров уже пребывал в тюремной камере, тщательно отшлифовывал свои программы — минимум и максимум, а вокруг его биографии шла напряженнейшая работа — выявлялись связи, изучались его знакомства, маршруты и цели командировок. Папка с «делом Чубарова» в сейфе у Хлебникова толстела буквально не по дням, а по часам, и очень любопытные начинали проглядывать факты.

В общем, все шло по плану, который, казалось бы, ничем не напоминал «первая колонна марширен». И все-таки с первого же дня возникла в нем одна неувязка.

Касалась она, главным образом, обоих новичков — лейтенантов Антонова и Фомина. Поначалу, учитывая серьезность и важность операции, Хлебников намеревался вообще обойтись без них. «Пусть чуть-чуть нарастят мясца», — коротко выразился он, обсуждая первоначальный план операции, когда стало известно, что Чубаров вылетает завтра в Адлер, имея при себе золото и драгоценности. Но Саша, уже бывший на дружеской ноге буквально со всеми сотрудниками отдела, тут же, конечно, узнал об этом решении подполковника и чуть ли не со слезами на глазах упросил его поручить и им с Фоминым что-нибудь. Зная прекрасную спортивную подготовку своих чемпионов и их недюжинную физическую силу, Хлебников поручил им самое подходящее — задержать Чубарова в самолете, после посадки в Адлере. И тут выдержки ребятам не хватило — арестовали Чубарова сразу, едва тот взбежал по трапу.

Собственно, это было единственной функцией Антонова и Фомина. Дальнейшее их участие в «деле Чубарова» планом не предусматривалось. Но оказалось, что теперь не так-то легко отстранить ребят от этого дела. Во-первых, они уже со свойственной молодости горячностью сами заклокотали. Но это еще полбеды. Куда сложнее другое: видимо, они все-таки основательно пошумели при аресте Чубарова, в итоге привлекли к себе чье-то внимание. Надо сказать, что Хлебников ждал проявления интереса к делу Чубарова и даже рассчитывал на него. Он только никак не мог предположить, что объектом этого интереса окажутся новички-лейтенанты. Поначалу это его даже задело. Что

ж' это, за дурачков, что ли, нас принимают? Впрочем, почему же? Задерживали Чубарова Антонов и Фомин, сделали это не слишком тонко, почему бы не попытаться использовать их в своих интересах? Парни они современные, должны любить «изысканную жизнь», коньяк, красивых женщин. И, конечно, стесняются своей службы в милиции. Нет, нет, это не годится, слишком уж примитивно. Так или иначе, а ребят надо подготовить. Оба неглупые, кажется, наблюдательные, что же, пусть ведут игру. Во всяком случае, узнать, откуда идет этот странный интерес к Чубарову, будет очень даже не вредно. Конечно, может быть, эти расспросы актрисы... как ее, да, Оля... просто случайность. И ее появление в том же кафе — тоже случайность? И это странное приглашение посетить больного друга Ольги — тоже? Что ж, может быть. Парни молодые, интересные. Только ребята говорят, что раньше она им такого внимания не уделяла. Хм... А может, и вправду, как говорят рыбаки, первая поклевочка? А? Что ж, гуси-лебеди, тогда роль ваша значительно возрастает.

Бывший князь, а ныне трудящийся Востока

— Такие люди на дороге не валяются.

Из допроса свидетеля — начальника областного управления бытового обслуживания

Комната претендовала на восточную роскошь. На полу — большой, во всю комнату ковер с затейливым рисунком. Стену, у которой стояла низкая тахта, тоже украшал ковер с характерным восточным орнаментом. Здесь же, над тахтой, — оленьи рога, на которых крест-накрест висели охотничье ружье и длинный кинжал в узорчатых ножнах.

Впрочем, здесь было кое-что и от современности. Вдоль одной из стен протянулся полированный застекленный стеллаж, уставленный книгами. Их было много, не меньше тысячи томов. Судя по богатым одинаковым переплетам, большинство книг относились к благородным подписным изданиям. Но, конечно, были и полки с разнокалиберными книгами. Здесь же — шахматные часы, несколько статуэток, изображающих каких-то воинов в доспехах, вос-

точных танцовщиц, музыкантов. В углу — громоздкий цветной телевизор «Электрон».

На тахте лежал человек в мохнатом халате, с перевязанным горлом — лет сорока, с тонкими чертами лица, матово-бледной кожей и выделяющимися на лице породистыми черными бровями. Он вяло держал телефонную трубку с длинным витым шнуром, протянувшимся от молочно-белого телефона, и раздраженно говорил, иногда покашливая:

— Но послушай, милый, значит, ты меня понял совершенно превратно... Я же специально подчеркнул — нужна белая спальня. Понимаешь — белая. Просто натуральное дерево, полированное, конечно. А за темной — чего бы я стал к тебе обращаться? По-моему, я тебе пустяками не докучал, так? Нет, ты скажи — так или не так? Ну вот... Темная — это уже не современно. Господи, тоже мне новость. Следить надо за пульсом жизни, вот так-то, милый. А меня не интересует, что хотят другие. Я надеюсь, что понимаю несколько больше. Ну, а что ж ты дуришь?

Внезапно над головой у него загорелось, погасло и снова загорелось бра, изображающее филина. Человек торопливо проговорил в трубку:

— Ну, целую, милый, тут ко мне пришли. Словом, я жду. Конечно, конечно! — Привстав, положил трубку и щелкнул каким-то переключателем. — Кто там?

Из того же филина, сверкающего рубиновыми глазами, отчетливо послышался голос Оли:

— Георгий Георгиевич, это мы. К вам можно?

— Оленька! — слабым, но обрадованным голосом заговорил человек в халате. — Вы еще спрашиваете? Ради бога, наберите на диске три семерки и входите. Прошу простить меня — я не встаю.

— Хорошо, хорошо, Георгий Георгиевич, я понимаю, — поспешно сказала девушка.

...Она стояла перед обитой кожей дверью на лестничной клетке. Рядом с ней, чуть сзади — Геннадий Фомин и Саша Антонов. Видимо, впервые столкнувшись с подобной бытовой техникой, ребята с недоумением поглядывали то на странный запор, то друг на друга. Оля обернулась к ним, развела руками: мол, ничего не поделаешь, у каждого свои странности. Затем уверенно набрала на телефонном диске, вмонтированном в

дверь на месте замка, три цифры — и дверь бесшумно открылась. Компания вступила в прихожую.

— Раздевайтесь, мальчики! — Девушка по-хозяйски указала на вешалку, быстро сняла плащ, уклонившись от Сашиной помощи, мимоходом глянула на себя в зеркало, поправила прическу — Проходите.

Георгий Георгиевич, приподнявшись с подушек, приветствовал их слабой улыбкой:

— Входите, входите. Еще раз прошу извинить меня — загнали вот доктора в постель и не выпускают. Это очень мило с вашей стороны — навестить болящего. Истинно говорят: друзья познаются в беде. Рад, сердечно рад вашему визиту. И вашим друзьям.

Он вопросительно посмотрел на девушку. Она тотчас представила ребят:

— Саша Антонов... Гена Фомин. Юные детективы. Гроза преступного мира.

Георгий Георгиевич приветливо улыбнулся:

— Признаюсь, равнодушен к представителям истинно мужских профессий. — Он бросил лукавый взгляд на девушку. — И, как мне кажется, Оленька — моя единомышленница?..

Оля дернула плечом:

— При чем тут профессия? Настоящий мужчина...

— Состоит из мужа и чина, — улыбаясь, перебил Георгий Георгиевич. — Знаем, знаем, классиков читывали, вернее, прорабатывали, как говорили в наше время...

— Простите, а какое время — ваше? — спросил Саша Антонов.

— О-о, — воскликнул хозяин. — Сразу видна профессиональная хватка — никакой недоговоренности. Но я не женщина — мне возраст скрывать ни к чему. Где-то конец тридцатых годов. Прорабатывали классиков со всей строгостью — только перышки от них летели. А вы, насколько я понимаю, еще и не замышляли в то время свою главную операцию — родиться?

— Да, — вежливо сказал Саша. — Это произошло несколько позже. Лет на десять.

— Ну вот и разобрались с возрастом, — засмеялся хозяин. — Однако Оленька забыла меня представить. Георгий Георгиевич Орбелиани. Увы! Всего-навсего инженер-текстильщик...

— Ну почему же «всего-навсего»? — укоризненно сказал Саша. — Наоборот, самая необходимая профессия.

Хозяин снова засмеялся: «...»

— Полно, полно вам, Саша. Не надо меня утешать. Во-первых, я и сам люблю свое дело, а во-вторых, все равно поздно переучиваться. Правда, я когда-то и сам был такой. Разговариваешь с человеком, подхваливаешь, а сам себе думаешь: бедный, как же это можно — жить на земле и не быть инженером-текстильщиком, а? Не угадал?

— Не угадали, — вдруг серьезно сказал молчавший до этого момента Геннадий. — В сущности, это означает всех подряд примерять к себе. И соответственно поднимать себя над другими.

— Странно! — протянул Георгий Георгиевич. — А как же тогда насчет любви к своему делу, которое мы всегда ставим превыше всего?

— Разве любить и ставить превыше всего — это одно и то же?

— Господи! — в сердцах воскликнула Оля. — До чего же вы правильный, аж противно. Вы напрасно с ними спорите, Георгий Георгиевич. Их же наспиговали прописями: «Всякий труд полезен и почетен, а мы должны оберегать людей труда! Милиционер — слуга народа, моя милиция меня бережет». Что, не так?

Она насмешливо посмотрела на него, и Геннадий нахмурился:

— А что же прикажете — думать иначе? Тогда для чего идти в милицию?

— Не задирайте их, Оленька, — мягко попросил Георгий Георгиевич. — Может быть, я не прав — у них действительно своя специфика. Сыграйте-ка нам лучше роль хозяйки — сварите кофе. Вы знаете, как там что найти... А пока, может быть, по рюмочке чего-нибудь крепкого, а? Вы что предпочитаете — коньяк, ром, джин, виски? Или, может, родную рабоче-крестьянскую?

— У вас такой выбор? — удивленно спросил Саша.

Георгий Георгиевич улыбнулся и, приподнявшись, нажал какую-то кнопку, скрытую в тахте. Внезапно одна из полок книжного стеллажа с мелодичным звоном, в котором нетрудно узнать мелодию «Шумел камыш, деревья гнулись», отъехала в сторону, открыв батарею бутылок, выстроившихся в этом замаскированном баре. Тут же хранились самые разнообразные рюмки, деревянные пивные кружки. Саша очень естественно изобразил восхищение:

— Вот это я понимаю! Класс!

— Пожалуйста, не считайте меня горьким пьяницей, — сказал хозяин, явно довольный произведенным на ребят впечатлением. — Я один почти не пользуюсь этой игрушкой. Но все же, знаете, кавказский обычай — для гостей...

— У вас громкая фамилия, — заметил Саша.

— Да, да, представьте себе, — смущенно улыбнулся хозяин. — Все по Ильфу и Петрову: бывший князь, а ныне трудящийся Востока. Последний представитель рода князей Орбелиани. Имел в свое время массу неприятностей. Теперь вот, как видите, не боюсь признаться даже представителям власти. — Он засмеялся. — Так что же будем пить? Разберитесь там, Саша. На ваш вкус. Не рекомендую только американские напитки... Это не из квасного патриотизма, а просто дрянь несусветная. Только этикетки эффектные. В этом им не откажешь — умеют. Когда же мы-то научимся себя подавать, а, ребята? Ведь умеем, умеем делать, иногда и не хуже, а вот подавать не научимся, хоть убей!

— Ну, почему же, — вяло возразил Саша, рассматривая бутылки. — Я видел в «Березке»... Такие стоят бутылочки! Не сразу и признаешь в них «Столичную» или «Старку».

— А-а... — Хозяин понимающе кивнул. — Когда надо валюту взять — все умеем. А разве для нас, смертных, реклама не нужна?

— Ну, если речь идет о «Столичной», то какая ей нужна реклама? — вмешался Геннадий. — Скорее уж антиреклама нужна. Предлагали вон, я где-то читал, череп и две косточки рисовать на этикетке. Как на денатурате...

— Что, впрочем, не мешает нашим согражданам вливать его в себя в непомерных количествах, — усмехнулся Орбелиани. — Кстати, знаете, как называют денатурку?

Геннадий пожал плечами.

— Коньяк «Три косточки»! Каково, а? Скажут, как припечатают!

Саша, выбрав наконец, достал бутылку, крохотные рюмки.

— Ого! — восхитился Георгий Георгиевич. — Узнаю знатока! Армянский коньяк! Лучшего напитка не знаю! Думаю, рюмочка и мне не повредит...

Он подержал рюмочку, грея ее в руках, затем задумчиво проговорил:

— Вы, ребята, не принимайте всерьез весь этот ка-

муфляж — автоматы, микрофоны, всю эту ерунду.¹ Так, украшаю свой быт, как могу. От неустроенности это, от одиночества. Сидишь, как сыч, в своем дупле, думаешь, думаешь, ну и надумаешь что-нибудь. Я ведь почти все это своими руками... И все-таки всю зарплату иной раз вбухал. Потом до следующей полочки пятерки стреляешь. Верите — жалованье получаю солидное, а рубля не накопил. И знаете — ни на иоту не жалею...

Вошла Оля с подносом. На нем — четыре дымящиеся чашки кофе.

— Ну, спасибо, Оленька! Признаюсь, если я и алкоголик, то кофейный. Прямо не могу без трепета и в руки взять чашку хорошего кофе. А у меня кофе фирменный, знаменитый — вот, извольте-ка попробовать.

Он бережно взял чашку, отхлебнул и прикрыл глаза.

— Не понимаю, как люди могут жить без кофе? Да и вообще без разных там маленьких радостей жизни... Глушат водку или того хуже — занимаются накопительством. Отказывают себе во всем, сидят на свежемороженом хеке, зато сберкнижка пухнет. Сначала на «черный день», потом — на всякий случай, потом — на гостиный гарнитур, потом — на машину... А на какой пес она сдалась — машина? Лежать под ней целыми днями?

— Это вы напрасно, — возразил Саша, прихлебывая кофе. — Автомобиль, опять же по Ильфу и Петрову, не роскошь, а средство передвижения. А если аккуратно ездить — чего же под ней лежать? Распространенное заблуждение.

Георгий Георгиевич проницательно посмотрел на него.

— А-а... вы, я смотрю, тоже автомобилист, в душе, — догадался он. — Ну, желаю исполнения желаний. Нет, все-таки мир устроен ужасно: в юности, когда машиной буквально болеешь, она, увы! как правило, недоступна. А когда становится доступна, увы! болеешь уже совсем другими болезнями и, к сожалению, в буквальном смысле. А?

— Каждому свое, — хладнокровно заметил Саша. — А кофе у вас и вправду замечательный!

— Вы находите? — расцвел хозяин. — Я же не случайно обнаружил у вас хороший вкус. Да, Оленька, ради бога простите за невнимательность — все никак не спрошу: как прошла премьера? Я, к сожалению, не мог быть.

— Я заметила. И сразу же позвонила вам на работу. Мне сказали, что вы больны. Вот мы и заявили...

— И прекрасно сделали. Вы прямо оживили меня, честное слово. Но как же все-таки премьера?

— Ничего. Принимали, во всяком случае, шумно. Но я не играла.

— Не играли? Почему?

— То есть как почему? Как будто это зависит от меня. Не поставил Игорь Захарович — и все. Я же, по сути дела, дублерша, второй состав.

— Странно... — задумчиво сказал Георгий Георгиевич. — А мне он гарантировал, что вы будете играть. Неужели забыл? Вообще-то на него похоже. Он будет завтра в театре?

— Конечно. У нас с утра репетиция.

— Пожалуйста, Оленька, передайте ему, чтобы он позвонил мне. Часов в двенадцать. Скажите, я жду его звонка.

— Хорошо... — неуверенно проговорила девушка. — Только... если это насчет меня, то, ради бога, не надо!

— Что вы, Оленька! Разве я могу вмешиваться в дела заслуженных деятелей искусств? Что я за меценат такой?

— Этого я не знаю. Но почему-то все, что вы предполагаете, становится фактом.

Орбелиани пожал плечами.

— Но это же вполне понятно. Просто Игорь Захарович немножко прислушивается к моему мнению — как зритель, что ли. И потом — я неплохо знаю ваш театр. Вот и все.

— Хорошенькое «все»! — со смехом воскликнула девушка. — Мальчики, поверьте мне: это страшный человек! У нас актеры стараются понравиться в первую очередь ему, а уж потом режиссеру.

— Ох, уж эти мне актерские языки! Злее крапивы, честное слово!

Тем временем Саша снова вернулся к бару, с любопытством разглядывая выставленную там посуду.

— Богатый у вас арсенал, Георгий Георгиевич! — Он внимательно рассмотрел один фужер на свет. — Это что же — чешское стекло?

— Нет, Саша, на этот раз ошибаетесь — настоящий хрусталь. Причем отличный, уверяю вас. Только сделано грубовато...

— Отечественный?

— Ну, что вы! Импорт, конечно. Не помню только чей. Давно покупал, лет пятнадцать назад. Сейчас ведь хорошего хрусталя не найдешь. Но вы смотрите далеко не

лучший экземпляр. Там как будто есть и поинтереснее...

— Я вижу, — сказал Саша, закрывая бар. — Завидую я вам, Георгий Георгиевич. Как-то вы удивительно обставили свою жизнь. Все у вас красиво.

— Э-э, Саша, — метнув на него острый взгляд, спокойно сказал Орбелиани. — Поживите с мое — и у вас все будет не хуже. Важно только приобретать эти блага трудом — тогда они вдвойне дороже будут. Кстати, говорят, что вы поймали лжемиллионера? С медными побрякушками под золото?

— Нет, почему же? — удивился Саша. — Золото вполне настоящее, есть заключение экспертизы. Это мы сначала думали, что медяшки, — торопливо добавил он, заметив негодующий взгляд девушки. Геннадий, сидевший за журнальным столиком и что-то листавший, встал:

— Однако пора и честь знать. Нам надо идти, Георгий Георгиевич.

Тот понимающе улыбнулся:

— Виноват, Геннадий. И приношу глубокие извинения. Вот оно — обывательское любопытство. Больше ни о чем не спрашиваю!

Глядя на простодушную, открытую, почти виноватую улыбку Орбелиани, Геннадий явственно почувствовал, что словесная прелюдия окончилась, что вот он начинается, главный разговор, из-за которого их и привели сюда. Вспомнив наставления подполковника: «ни в коем случае не преувеличивать свою роль — они не дураки, сразу раскусят, но и не давать им потерять интерес совсем», он спокойно сказал:

— Да не в этом дело, просто мы ведь этим делом почти не занимаемся, так что и сами пока не много знаем. Мы же, в сущности, новички...

— Но ведь это вы его задержали, так Оленька говорила? — Орбелиани неуверенно посмотрел на девушку, словно ища поддержки.

— Вот-вот... Кого задержать, привезти, увезти — это по нашей части. Мы же еще и года не служим, — словно оправдываясь, пояснил Геннадий.

Очень естественно Орбелиани, словно разговор о драгоценностях исчерпал себя, перешел на другую тему:

— Простите, а что вы окончили, если не секрет?

— Да какой же секрет? Школу милиции в Волгограде.

— Господи! Волгоград... Как это странно звучит. До

сих пор не привыкну. Я там воевал еще совсем мальчишкой. В дивизии генерала Родимцева — не слышали такого?

— Как же не слышать? — удивленно воскликнул Саша. — В Волгограде-то?

Над головой хозяина вдруг вспыхнул филин и послышался веселый голос:

— Георгий Георгиевич, принимаешь?

— Аркадий Семеныч! — просиял хозяин. — Ради бога! Как будто тебя можно не принять!

Голос добродушно проворчал:

— Да уж, попробовал бы. Что у тебя тут?

— Три семерки.

— Узнаю старого пьяницу, — бормотал голос, — самый паршивый портвейн выбирает...

Дверь открылась, и в комнату вошел кинорежиссер Гнедых. Увидел Ольгу, ребят, заулыбался:

— Ого! У тебя компания. Стало быть, дадут выпить.

Он галантно подошел к девушке и поцеловал ей руку, сердечно поздоровался с ребятами. Затем без лишних слов налил себе рюмочку коньяку, лихо опрокинул ее в рот.

— Последний анекдот: присылает одному нашему вахлячку родственник из-за кордона бутылку виски и банку красной икры. Ну, тот все потребил и пишет ответ: самогонка, дядя, ничего, а вот клюква рыбой пахнет, пришлось выбросить.

Георгий Георгиевич засмеялся, закашлялся, схватившись рукой за горло. Еле выговорил:

— Самое смешное — виски и вправду напоминает самогон.

— Хуже! — подхватил Гнедых. — Я в прошлом году в Каире высосал на каком-то банкете целую бутылку — так неделю во рту керосин стоял. Хорошо, наши догадались «Столичной» отпить! — Он коротко хохотнул. И вдруг, сразу посерьезнев, обратился к ребятам.

— Слушайте, парни, чего ваш шеф ломается — не дает следствие снимать? Я рассказал на телевидении — они там аж заплясали. И потом, ему что — плохо? Прославится на весь Союз, третью звезду на погон получит...

Вот покати́лась чья-то звезда
Вам на погоны, —

пропела Оля.

— Всю, всю, Оленька! — мгновенно обернулся к ней

Гнедых. — Я же ушибленный этой песней! Умоляю! «В небе горит, пропадает звезда. Некуда падать», — тихо пропел он. — Ну, Оленька.

Девушка сняла гитару, тронула струны, потом внезапно повесила ее снова на стену.

— Нет, не хочу петь. Я лучше почитаю немного, можно?

— Ну, Оленька, — заканючил было Гнедых, но хозяин решительно прервал его:

— Табу, Аркадий Семенович! В этом доме всякое принуждение исключается. Что это ты?

— А-а, забыл... принципы, — иронически произнес Гнедых, подмигивая ребятам. Но настаивать больше не стал, заметив, как нахмурился хозяин.

— Зажгите свечи, Оленька, — попросил Георгий Георгиевич.

— Убедите шефа, — наклонившись к ребятам, шепотом проговорил Гнедых. — Это же и в его интересах.

Саша с сомнением покачал головой:

— Попробуйте его убедить!

— Не простучишь? — тихонько постучав по столу, участливо спросил Гнедых.

— Нет, не то... — отозвался Саша. — Просто упрям. Да и кто мы такие — убеждать?

— Ну как — все же сотрудники. А впрочем, мы наверх стукнули. На него так нажмут — сам ко мне прибежит.

— Не прибежит, — сказал Геннадий. — Не надейтесь.

— Ну, посмотрим, — угрожающе сказал Гнедых. — Все под одним богом ходим.

— Тихо, публика, кончать суетные разговоры! — приказал хозяин, когда Оля уже зажгла свечи в подсвечниках и, выключив электричество, стала у портьеры — бледная в тусклом свете, таинственная и красивая. Читала она хорошо, тонко чувствуя мысль поэта.

Нет, ты мне совсем не дорогая,
Милые такими не бывают.
Сердце от тоски оберегая,
Зубы сжав, их молча забывают,
Целый день лукавя и фальшивя,
Грустные выдумывая шутки.
Вдруг взметнешь ресницами большими,
Вдруг сведешь в стыде и страхе руки...
— Я люблю, когда темнеет рано, —
Скажешь ты и станешь, как сквозная,
И на мертвой зелени экрана
Только я тебя и распознаю.

И, веселье призраком пугая,
Про тебя скажу, смеясь с другими:
— Эта мне совсем не дорогая.
Милые бывают не такими...

Внезапно снова вспыхнул над тахтой филин. Хозяин, разведя руками, — мол, ничего не поделаешь, — щелкнул переключателем, и из динамика сразу послышался молодой голос:

— Георгий Георгиевич, я вернулся. Что у тебя тут набирать сегодня?

Хозяин словно уксусу хватил. Досадливо сморщившись, он сказал в микрофон:

— Рад тебя слышать, Костенька. Но что ж ты не позвонил-то?

— Откуда это я позвоню? Ты что, не знаешь?

— Ну вот, видишь, — поспешно перебил хозяин. — А так... извини, милый, не могу я тебя принять. Не сердись.

— Георгий Георгиевич! — взмолился голос. — Да ладно тебе! Замерз как собака. И выпить хочу.

— Ну что ты — дитя малое? — заговорщически подмигивая присутствующим, проговорил хозяин. — Бывают обстоятельства... Ну, не один я, понимаешь? Все тебе надо объяснять?

— Да понял я! — не унимался голос. — Развлекайся на здоровье! Ты мне цифирь свою скажи. Я тихонько на кухню пройду, пожру хоть.

— Нельзя, милый, нельзя! Ясно сказано. Позвони попозже — видно будет. Привет!

Он щелкнул переключателем и, улыбнувшись, пояснил:

— Сосед мой. Парень неплохой, но нахал редкий. Вернется из рейса — он шофер — и сразу ко мне. Коньячку пропустить. Заодно старыми анекдотами угощает. Что-то он мне сегодня противопоказан. В общем, инцидент исперчен. Почитайте еще, Оленька.

Та медленно покачала головой.

— Нет. Больше не хочу. Да и поздно уже. Мне пора, Георгий Георгиевич.

— Да и нам тоже, — поднялся Геннадий.

Хозяин с досадой хлопнул ладонью по тахте:

— Ну, Костя, ну, погоди! Явился!

Потягивая коньяк и развалившись в кресле, Гнедых насмешливо процитировал:

— Испортил песню, дурак!

Нет, не клеился разговор, когда компания возвраща-

лась от Георгия Георгиевича. Ни первый по-настоящему весенний вечер — с мягким теплом, бодрящим ветром и светло-сизой дымкой, укутавшей Волгу, ни изрядный запас свободного времени, ни выпитый совсем недавно «фирменный» кофе — ничто не действовало. Компания уныло продвигалась по тротуару вдоль трамвайных путей, направляясь по инерции к Олиному дому. Девушка ушла в себя, о чем-то напряженно размышляя, не проявляли обычной веселости и ребята.

Уже на подходе к Олиному дому Геннадий вдруг спросил:

— Оля, а где у него семья?

Девушка изумленно посмотрела на него, словно он подслушал ее тайные мысли. Ответила с необходимостью:

— Не знаю. Кажется, в Тбилиси. Они давно уже не живут.

— А где он работает? — не унимался Геннадий.

— И этого не знаю, — уже равнодушно ответила Оля. — На каком-то производстве.

Геннадий нахмурился, и девушка тотчас это заметила.

— Что с вами, Гена? Вам что-нибудь не нравится?

— Да, — решительно сказал Геннадий, — не нравится.

Девушка даже остановилась, с любопытством уставившись на него.

— Что же именно?

— Вы говорите неправду, — отводя глаза, тихо сказал Геннадий. — Вы же звонили ему на работу...

Оля всплеснула руками:

— Господи! С этими начинающими детективами с ума сойти! Что ж, буду с вами разговаривать языком фактов, так у вас полагается? — Она покопалась в сумочке, достала записную книжку. — Ну-ка, посмотрим... так... Орбелиани Г. Г. Вот его домашний телефон, вот служебный. Я просто звоню и прошу Георгия Георгиевича, не интересуюсь его титулами. Вам ясно?

Геннадий, улыбнувшись, кивнул. Саша тотчас же поддел приятеля:

— Да-а... Похоже, Геннадий болен подозрительностью в тяжелой форме. Это надолго.

— Излечимо? — заботливо спросила Оля.

— Только оперативным путем. Например, голову за такие штучки оторвать, — высказался Саша.

— Впрочем, раз уж Гену так интересуется личность

Георгия Георгиевича, могу добавить: по моим непроверенным данным, он или директор или какой-нибудь другой начальник... Во всяком случае, у него есть секретарша. С весьма милым голоском... — Последнюю фразу девушка выговорила почти враждебно. — Есть еще вопросы, гражданин начальник?

Геннадий поднял руки.

— Сдаюсь, — голосом раскаявшегося грешника взмолился он. — Информация исчерпывающая.

— Стало быть, я могу быть свободной? — с издевкой спросила Оля.

Саша галантно поклонился:

— Увы, можете!

Девушка подала ребятам руку и пошла к дому. Отойдя на несколько шагов, обернулась:

— Понадобятся дополнительные сведения — заходите, — крикнула она. — Могу дать подписку о невыезде.

— Ну, до этого дело еще не дошло, — с наигранной бодростью сказал Геннадий.

Оля махнула рукой и скрылась в подъезде. Геннадий, поглядев ей вслед, сказал с досадой:

— И дернуло же меня... Тоже мне... Обличитель нашелся...

Саша как-то странно поглядел на товарища, прищелкнул языком:

— Да, старик, не там бдительность проявляешь. Ты мне лучше другое скажи: как тебе понравился голосок соседа?

Геннадий удивленно посмотрел на него, и Саша пояснил:

— Ну, который ломился к Георгию Георгиевичу?

— А почему он мне должен нравиться? Довольно нахальный голос, вот и все.

— Нет, не все, — со значением возразил Саша. — И что нахальный — это не важно. Важно, что знакомый, вот что...

— Знакомый?

— Ага! — Саша встал вдруг в «блатную» позу и довольно удачно скопировал: «Ты, фраер тухлый! Стоишь? А сейчас лежать будешь!»

— Не может быть! — вырвалось у Геннадия.

— Вот тебе и «не может быть»! — покровительственно сказал Саша. — А то пристал к девушке, с кем он живет да где работает. Это-то выяснить — раз плюнуть. А вот зачем

тот милый мальчик пожаловал к этому аристократу и что у них может быть общего — вот бы что я хотел узнать. Ух как хотел, прямо спасу нет! — И, полюбовавшись растерянным видом товарища, заключил: — Ну, хватит изображать монумент. Все равно в театр не возьмут.

Версия или химера?

Надо признать, действия преступной группы были порой достаточно расчетливыми.

Из обвинительного заключения

Они рассказывали горячо, волнуясь и перебивая друг друга.

— Понимаете, Иван Николаевич, как-то это не вяжется: рафинированный интеллигент, театрал, гурман, как сам он говорит — бывший князь, а ныне трудящийся Востока, — и этот парень, Костя Строкатов. Ну, у которого я тогда финку выбил...

Подполковник слушал ребят и предполагал, что дальше последуют не только факты, а глубокомысленные выводы из того, что ребятам кажется фактом. И тут же сами собой в сознании выплыли возражения «правоте» скептиков. Почему обязательно учить на простеньких и ясненьких делах? Каким образом и когда, в таком случае, они научатся главному — думать?

И потом — у ребят, в конце концов, свое особое задание. Пусть присматриваются, фантазируют, а вдруг в самом деле докопаются до чего-то интересного? Им все-таки виднее, чем ему, поскольку они ближе к противнику.

А начинающие Мегрэ продолжали.

— И этот подонок — я о Косте Строкатове — с ним на «ты», как с равным. Это раз! — Саша многозначительно загнул палец. — Нам он его не хотел показывать! — это два. Даже растерялся немного, точно. Прогнал его от дверей за милую душу. Что-то про женщину намекнул, мол, не один он. Это при Ольге-то! Ее всю так и передернуло, я заметил. Значит, он знал про драку у магазина, не иначе. А откуда?

Он с торжеством уставился на подполковника. И Хлебников стал с большей заинтересованностью вслушиваться в эту историю. Глаз-то у ребят, выходит,

острый и сметка есть. По сути дела, они сейчас коготки точат — что ж, и это благо.

— Ну-ну, — поощрительно произнес он. — Давайте дальше.

— Звонок, Саша! — нетерпеливо подсказал Геннадий.

— Да-да! — радостно отозвался Саша. — Между прочим, турнуть-то он его турнул, а все же велел позвонить. Попозже. Стало быть, нуждался в нем. И вообще, этот Костя явно по его делам куда-то ездил. Он так и доложил: Георгий Георгиевич, я вернулся. Тот ему: почему, мол, не позвонил. Так Костя даже обиделся: откуда это я позвоню, ты же, мол, знаешь. Нам он его как соседа представил, а на самом деле ничего подобного. Совсем наоборот: Костя в микрорайоне живет...

— Уже проверили? — улыбаясь, заметил подполковник. — Хорошо.

— А то как же? — с ноткой хвастовства отозвался Саша. — Мы и других проверили. Этот всемогущий князь, а ныне трудящийся Востока — точно инженер-текстильщик. И точно большой начальник. Ужас, до чего большой! Директор ателье «Экстра». Заказы на год вперед, стоимость пошива — месячная зарплата.

Надо было признать: ребята развернули кипучую деятельность вокруг своего открытия. Пора было спустить их с небес на грешную землю.

— Непостижимо, — искренне восхитился подполковник. — Как же вам удалось это установить? Дедукция?

— Ну, вот, — разочарованно протянул Саша. — Что же, выходит, не надо было проверять?

— Что вы, что вы! — с деланным испугом замахал руками подполковник. — Разве я говорю — не надо? Тем более что этого Орбелиани знает полгорода. Как же вам-то не знать?

Удар точно пришелся в цель: Саша растерянно взглянул на Хлебникова, затем перевел взгляд на товарища, ища у него поддержки. Но Геннадий о чем-то напряженно размышлял.

А подполковник задал, наконец, главный «убийственный» вопрос:

— И, наконец, может, вы мне скажете, какое отношение вся таинственная история имеет к нашему делу?

— К нашему делу? — удивленно переспросил Саша.

— Да, к делу Чубарова? — Подполковник усмехнулся. — Вот вспомнилось. В молодости моей гремело «дело

Чубарова». Не этого, разумеется. О вредительстве. Во всех ячейках изучалось. А у нас... так... уголовщина.

— Простите, товарищ подполковник, неточно квалифицируете, — щегольнув знаниями, поправил Саша. — При чем тут уголовщина? Скорее, это...

— Ладно, ладно, там видно будет, — перебил Хлебников. — Так какое же отношение к этому имеет ваш князь?

Саша, окончательно смутившись, отвел глаза.

— К этому, разумеется, никакого. Само по себе интересно.

— А самим по себе нам пока заниматься некогда. Как ни крути, гуси-лебеди, а суровая действительность такова: топчемся на месте, строим воздушные замки — и ни шагу вперед.

— Как это замки? — возмутился Саша. — Преступник пойман, вину не отрицает, ценности изъяты.

— Товарищ подполковник! — вдруг очень серьезно сказал Геннадий. — Разрешите задать вам два вопроса?

— Можешь задать и три.

— Вы пошутили или в самом деле Орбелиани так известен в городе?

Хлебников хмыкнул:

— Еще бы не известен! Директор самого модного ателье. Все заказы — только через него.

— Ателье мужское или женское? — спросил Геннадий.

— И то и другое... А что?

— Да так... — как-то вдруг сразу сникнув, неохотно проговорил Геннадий.

Что-то в его тоне не понравилось Хлебникову. Он решительно потребовал:

— Нет, ты уж договаривай.

— Странно все это... Полгорода знает Орбелиани, а Оля, его приятельница, даже не знает, где он работает. Хотя одевается более чем модно. Вот что странно...

— Ну, это, в общем-то, может быть... — настороженно заметил Хлебников. — А что именно тебя смущает?

— Все смущает, товарищ подполковник, — вдруг резко сказал Геннадий. — Это поразительная неосведомленность Оли, и его стремление произвести на нас впечатление, и этот Строкатов, и даже драка у магазина.

— Вот как! — Посерьезнев, Хлебников испытующе поглядел на юношу. — Давай обосновывай.

— Мне кажется, что Орбелиани страшно интересуется ходом следствия по Чубарову, вот что! — заявил Фо-

мин. — Иначе зачем мы ему нужны? Кто мы такие, чтобы весь этот спектакль в духе Монте-Кристо перед нами разыгрывать? Олины вопросы в кафе, затем странный визит к самому Орбелиани, весь этот супер-модерн, опять-таки интерес к Чубарову.

— Забавно, — сквозь зубы проговорил подполковник. — А при чем тут драка?

— Не знаю, может, у меня сверхмнительность. Только вряд ли она случайна. Больно уж легко их Саня уложил. Как в поддавки играли...

— Ну-у, Геннадий, ты уж в мистику вдавился, — изумленно выговорил Саша.

— Смысл, смысл? — требовательно сказал Хлебников. — Ищи смысл...

— Не знаю, Иван Николаевич, — хмуро проговорил Геннадий. — Больно уж это все детективно, что ли.

— Давай без комментариев.

— Может быть, им зачем-то надо представить нас спасателями Тани Чубаровой?

— Ого! — присвистнул Саша. — Ну, гигант!

— А что, эта Таня появлялась потом в поле зрения? — оборвал его Хлебников.

— Нет! — уверенно сказал Геннадий. — Не вяжется как-то.

Тут Саша почему-то отвернулся к окну, и подполковник это заметил.

— Антонов! — строго сказал он. — Ну-ка, нечего в кусты лезть. Выкладывай как на духу.

— А что выкладывать-то? — вяло возразил Саша. — Ну, встречались мы пару раз. Во Дворец спорта ходили. Это же мое личное дело. Никаких разговоров об отце не вели.

— Пижон несчастный! — возмутился Геннадий. — Ты что, с ума сошел?

Подполковник встал, подошел к Саше.

— Саша! — тихо сказал он. — Я не буду тебе грозить никакими карами... Неужели ты сам не понимаешь, какую серьезную служебную ошибку ты совершил? Личное дело? Ты видишь, как оно оборачивается?

— Вы что, не верите мне, да? Очень хорошо! Пожалуйста: Таня сказала мне, что живут они вдвоем с отцом и он сейчас в командировке. Ну, я стал в гости напрашиваться.

— И?

Саша вспыхнул:

— Получил решительный отказ!

— Вот он в чем признаться не может! — насмешливо произнес Геннадий. — Действительно: такому парню — и от ворот поворот. Вот если бы наоборот!

— Скажи-ка мне, Саша, кто из вас был инициатором встреч? Она?

— Я, честное слово! — горячо отозвался Саша. — Мой звонок сначала не понравился ей, я понимаю. Хорош спаситель — тотчас же назначает свидание. Пришла так, из благодарности, скорей всего. Да уж очень она мне нравится, честное слово.

— Та-ак, — задумчиво протянул подполковник. — А что? На такой вариант тоже можно рассчитывать. Я имею в виду тех, кто его затевал.

— Как это рассчитывать?! — возмутился Саша. — Рассчитывать на то, что я сам позвоню?

— Или Геннадий, — уточнил подполковник. — Что же тут нереального? Два интересных парня выручили из беды интересную девушку. Должен кто-то проявить инициативу?

— Стало быть, Таня с ними заодно? — язвительно спросил Саша. И без стеснения выпалил. — Дичь это, вот что я вам скажу!

— Может быть, и дичь, — не обижаясь, согласился Хлебников. — А может быть, вас всех, в том числе и Таню, использовали как дичь. Подсадную. Если, конечно, следовать версии Геннадия.

— Она ведь может и не догадываться о своей роли, — заметил Геннадий.

— Да кому это нужно? — почти закричал на товарища Саша. — Чего ты накручиваешь?

— Раскручиваем, Саша, раскручиваем, — добродушно сказал Хлебников. — По крайней мере, пытаемся раскрутить. А накручивают за нас другие.

Он погрыз карандаш, глядя в одну точку. Затем медленно выговорил:

— Однако непонятно... Вся эта химера имела бы какой-то смысл, если бы... если бы... А ну, где у нас списки пассажиров самолета? Поглядим еще разок.

Он достал из папки с делом Чубарова листок, внимательно взгляделся в него.

— Нет! — со вздохом произнес он. — Саша, к сожалению, прав: дичь мы с тобой несем, Геннадий, стопро-

центную дичь. Не было вашего Орбелиани среди пассажиров. А это, гуси-лебеди, такой факт, что стирает в порошок все наши домыслы. Так-то!

Объяснение

— Товарищ прокурор! Этот вопрос рассмотрен составом суда. Причины неявки свидетельницы в судебное заседание признаны уважительными. Суд располагает ее письменными показаниями, которые будут оглашены в процессе заседания. Нет смысла настаивать на ее вызове.

Реплика судьи на заявление государственного обвинителя в ходе судебного заседания

В то время как в одном из кабинетов управления внутренних дел на разные лады склонялась фамилия Орбелиани, сам ее обладатель, нимало не подозревая об этом, благоденствовал на своей тахте. Казалось бы, провести целый день в горизонтальном положении — с короткими перерывами на завтрак, обед и ужин, ради чего приходилось шлепать на кухню, — труд нелегкий. Но Георгий Георгиевич недаром утверждал, что чувствует себя человеком лишь тогда, когда облачится в халат и, закрыв ноги пледом, возляжет на тахту.

Он считал это лучшим отдыхом, во-первых, и наиболее удобным положением для умственной работы, во-вторых. Когда тело пребывает без каких-либо движений, вдвойне трудится мозг. Георгий Георгиевич самым серьезным образом утверждал, что все мало-мальски стоящие идеи пришли ему именно здесь, на тахте.

Он мог лежать целыми часами с какой-нибудь толстенной книгой, то вяло прочитывая страничку-другую, то отложив том и подолгу всматриваясь неподвижным взглядом в потолок.

Впрочем, вечером его одиночество было прервано приходом Ольги.

В самом ее появлении не было ничего особенно странного, хотя Оля и не баловала его своими визитами. Но как-никак положение больного имеет и некоторые преимущества.

Но вот состояние девушки, сразу отмеченное его опытным глазом, несколько встревожило и насторожило.

Была она непривычно резка, взвинчена, разговаривала как-то отрешенно, без интереса. А потом стала к окну и долго смотрела на затянутую дымом улицу — какие-то темные фигуры суетились у костров, сжигая оставшийся от зимы мусор. Георгий Георгиевич не выдержал молчания, позвал:

— Оля!

Девушка не шелохнулась, не отозвалась.

— Оля! — в голосе Георгия Георгиевича прозвучала настойчивость.

— Я слушаю, — она ответила, не оборачиваясь.

— Я понимаю, что слушаете. Но еще и о чем-то думаете — вот это меня не устраивает.

— Серьезно? — с вызовом сказала Ольга. — Я уже и думать не имею права... бесконтрольно?

Георгий Георгиевич укоризненно покачал головой.

— Оленька! По-моему, я такого упрека не заслужил.

Девушка резко дернула плечом.

— Прошу прощения! Вы вообще ни в чем не заслуживаете упрека. Как рыцарь, который еще и без страха, — в тоне ее явственно звучала насмешка.

— Мда... — задумчиво произнес Орбелиани. — Мы давно не говорили откровенно, девочка. Кажется, я в чем-то провинился перед вами...

Оля, быстро обернувшись, деланно улыбнулась.

— Нет, что вы, Георгий Георгиевич! Как вы можете провиниться! Все «о'кей», все в ажуре, как говорит ваш великолепный приятель Костя.

Георгий Георгиевич поморщился.

— Не надо, Оленька! Я же вам объяснял...

— Помню, помню. Потрясающий педагогический эксперимент: превратить подонка в мыслящую личность. Исключительно методом личного магнетизма.

— Оля, — строго сказал Орбелиани. — Не надо над этим смеяться. У парня, кроме меня, никого нет. Он же пропадет, если я оттолкну его. И его тотчас подхватит улица. А между прочим, какой бы он там ни был, а тянется он пока явно к нам.

— К кому — к нам?

— Ну, ко мне, да и к вам тоже, в общем, к людям с духовностью.

Девушка села в кресло, взяла сигарету, помяла ее в пальцах, положила. Внимательно посмотрела на Орбелиани, покачала головой.

— Не знаю, Георгий Георгиевич... То ли вы совсем за дурочку меня принимаете, то ли ошибаетесь сами. Нужна ему ваша духовность, как рыбке зонтик. Ему ваш коньяк нужен, не больше. А ко мне он точно тянется, это вы верно подметили. Вчера вышла на кухню, за кофе, — он тут как тут. Только он человек деловой, без лишних слов — хватъ.

— Что вы говорите! — вскинулся Орбелиани, но тут же увял, проговорил со вздохом. — Трудно с ним, Оленька, очень трудно. Никак не могу отучить его от дурных привычек. Нет-нет да и проявятся. Но и вы тоже... что же вы не сказали-то?

— Ну, конечно! Этого только не хватало. Просто мы сыграли с ним сценку без слов. Он попытался меня поцеловать или что там, не знаю, а я пыталась разбить о его голову кофейник. Обе наши попытки были безуспешными. Ничья, ноль-ноль.

Георгий Георгиевич усмехнулся:

— Да, не завидую этому нахалу. Кофейник достаточно увесистый. То-то он сразу ушел, не простившись...

— Почему же, — зло ухмыльнулась девушка, — со мной простился — показал кулак.

— Ну, вы не обращайтесь на него внимания. Я с ним поговорю.

— Знаете, Георгий Георгиевич, кого вы мне напомнили? Мне мои милицейские рыцари рассказали анекдот. Идет по улице интеллигент в пенсне. Навстречу — хулиган. Подставил интеллигенту ногу, столкнул в грязь и грозит пальцем: «Ты чего это, а? Смотри у меня!». И пошел. А интеллигент отыскал в луже пенсне, нацепил и говорит задумчиво: «А действительно... Чего это я?!».

Георгий Георгиевич нахмурился.

— Вы мне устраиваете настоящую экзекуцию. За что, Оленька?

Оля пожала плечами.

— Не знаю. Просто, наверное, зло срываю по-бабьи.

— Нет, похоже, что не просто, — уверенно заключил Георгий Георгиевич. — Может быть, объяснимся?

— Как хотите, — тихо сказала девушка.

— Сядьте ко мне, Оля, — властно произнес Орбелиани.

Девушка молча встала, присела на край тахты. Георгий Георгиевич взял ее руку, спрятал между ладонями.

— Что случилось? — мягко спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Ничего, честное слово, ничего, я же вам сказала, — тихо ответила Оля.

— Тогда что же?

— Просто... Я не могу так больше, Георгий Георгиевич. Я измучилась, издергалась, начинаю думать бог знает что... Я хочу какой-то определенности, вот!

— Определенности... — с горечью повторил Орбелиани. — А разве я не хочу определенности? Только что же мы с вами можем определить, девочка? В нашем-то положении?

— Я ничего не понимаю, Георгий Георгиевич. Вы всегда говорите о каком-то нашем странном положении, но в чем же его странность? Обычное положение.

— Оля! — взволнованно сказал Георгий Георгиевич. — Когда-то мы с вами условились говорить друг другу только правду. Чтобы никакая, самая крохотная ложь не стояла между нами.

— Я понимаю, — негромко отозвалась девушка.

— Поэтому давайте поставим все точки над «и». Оленька, не сердитесь, что я скажу сейчас за вас... Я знаю, что вы меня любите.

Девушка, опустив голову, молчала.

— Больше того: я знаю, что если бы я сделал вам предложение, вы бы могли его принять. Так?

— Да, Георгий Георгиевич, — вдруг громко выговорила Оля. — И не фарисействуйте — не могла бы, а просто приняла.

— Ну, не злитесь, — ласково поглаживая ей руку, сказал Орбелиани. — Я все-таки не хочу быть уж слишком самоуверенным.

— Вы продолжайте, пожалуйста, — негромко, но требовательно сказала девушка.

— Хорошо. Скажу вам откровенно: ваша любовь, Оленька, — это единственное, чем я живу, чем дышу, на что молюсь. Поверьте, я ведь никогда вас ни в чем не обманывал. Нет даже мгновения, чтобы вы вдруг исчезли из моей души. Я разговариваю с людьми, постоянно советуясь с вами, даже работаю — на своей постылой, почти непереносимой службе, среди махровой пошлости и самой низкопробной мелочности — только с думой о вас. И только благодаря вам — милой, нежной и поэтичной — я еще как-то держусь, не срываюсь.

— Переходите-ка сразу к «но», Георгий Георгиевич, — мягко прервала его Оля.

Орбелиани восхищенно уставился на нее.

— Умница! — воскликнул он. — Господи, какая же вы умница, Оленька! Вот это и есть главное «но», девочка моя, — он вздохнул. — Поверьте, будь вы просто красивой девушкой, даже в меру умной, — я бы не колебался ни секунды. У меня ведь тоже есть кое-что за душой, я это сознаю. Вроде бы не кретин, не демагог, не ретроград. Я бы создал вам мир, достойный вас, окружил всеми мыслимыми и даже немыслимыми благами...

Он вздохнул и, повернув ее голову к себе, сказал с горечью.

— Но вы-то? Что я могу предложить вам, Оля? Такой необыкновенной? Чьей женой стать? Директора модного ателье? Я знаю: сейчас вам это безразлично. Вам со мной, смею думать, интересно. Вы сейчас готовы простить мне даже мою пошлую службу...

Оля что-то хотела возразить, но Георгий Георгиевич предостерегающе поднял руку.

— Подождите, Оленька. Лучше не возражайте. Я знаю, что говорю. Жизнь есть жизнь. Вам двадцать три... Вы молоды, интересны, умны, ироничны, современны, вас постоянно окружают восхищенные молодые люди вроде тех бравых ребят из милиции.

— Господи! О чем вы говорите! — Оля укоризненно покачала головой, улыбнулась. — Эти мальчишки... Зачем они мне?

— Ну, не эти, так другие. Дело не в этом, Оленька. Главное, вы все время на виду и еще долго-долго будете на виду. И когда-нибудь вам захочется сравнить сидящую дома и тоскливо ждущую вашего прихода старую развалину с одним из этих обаятельных молодых людей. Помните Ильфа и Петрова: женщины любят молодых, длинноногих, политически грамотных. Боюсь, что моя участь будет тотчас же решена... А я... я не вынесу этого.

— Да-а! — протянула Ольга. — Вы нарисовали очень ясную перспективу. В ней, правда, не хватает крошечной детали — меня.

— Оля!

— Да, да, я тоже знаю, что говорю, Георгий Георгиевич. Вы не захотели учесть пустяка: того, что я вас люблю. Но, в общем-то, это вам без надобности, верно?

Она встала.

— Я, пожалуй пойду, Георгий Георгиевич.

— Подождите! — он схватил ее за руку. — Вы неправильно меня поняли, Оленька. Вы думаете, я объяснил вам, почему я отказываюсь от вас? Как бы не так! Я не могу и не хочу от вас отказываться! И буду держать вас так, что вся молодежь мира во главе с Всемирной федерацией не отнимет вас у меня. Я жду, Оля, и, моему, скоро дождусь.

Девушка удивленно уставилась на него. Георгий Георгиевич, решившись, махнул рукой.

— А-а, скажу! Хотел, чтобы это было сюрпризом, да... Я жду вызова из Москвы, Оленька. Очень серьезного — из министерства. Меня хотят послать за границу экспертом в торгпредство. У меня же пол-Москвы друзей, они устраивают. Кажется, вопрос практически решен. Я ведь в самом деле неплохой инженер-текстильщик, честное слово. Нынешняя служба — это так, недоразумение, я же вам рассказывал. Вот тогда, Оля, когда я вновь буду на коне, я посчитаю себя достойным вас. Понятно вам теперь, моя злочка? Вот махнем в заграницу! — он улыбнулся. — К тому же я буду просто обязан жениться — кто ж пустит за рубеж холостяка?

— Вот этого можно было не говорить, Георгий Георгиевич, — тихо сказала девушка.

— Ну я же просто пошутил. Поймите и другое, девочка, вы уже не маленькая. Думаете, мне все это время легко было сдерживать себя... ну, вы понимаете, Оленька...

— Я понимаю, — как эхо отозвалась девушка. — Словом, я рада, что этот разговор состоялся, Георгий Георгиевич. А теперь я все-таки пойду.

— Не смею держать, — развел руками Орбелиани. — Хотя и предпочел бы... Я провожу.

— Не нужно. До свидания, — сказала Оля уже из прихожей. Негромко стукнула дверь.

Георгий Георгиевич, сделавший было попытку подняться, снова откинулся на подушку, некоторое время лежал неподвижно, затем вытер платком лоб. Щелкнул переключателем и резкими движениями пальца набрал телефонный номер.

— Алло! Ты, старик? Вот что! Предупреждаю: если ты в самые ближайшие дни не приберешь эту девочку к рукам, я больше выполнять наш идиотский договор не намерен. Я, между прочим, тоже не поролоновый. Понял? А что я могу сделать? Я сегодня ей только про тебя и пел.

Разрисовывал тебя самыми крупными мазками. Если и после этого ничего не сумеешь добиться, пеняй на себя. Я ведь смотрю, смотрю... Ну, ладно, ладно, не кипятись. Вот тебе на!.. Еще и угрозы. Это не по-джентльменски. Тебе говорю — пальцем не тронул. Ты же, свинья, даже не оценишь, чего мне это стоило! Ну не кипятись, так, для ради трепы. Хату? Представлю, куда ж от тебя денешься... Нет, насчет этого ничего. Но я думаю — о'кэй, ибо иначе мы уже почувствовали бы. Ясно?

Тетя Настя, антипод

— Скажите, подсудимая, у кого вы скупали золото?
— У кого брала, у того больше нет! Ушлые какие нашлись!

Из допроса обвиняемой в судебном разбирательстве

В последнее время за Хлебниковым замечалось не раз: обращаются к нему с пустяковым делом, растолкуют все до мелочи, а он смотрит недоумевающим взглядом и никак не может уразуметь, чего от него хотят. И если не знать Ивана Николаевича как следует, можно было бы подумать о нем бог знает что. Но в управлении как раз его хорошо знали и в такие часы и дни старались не докучать ему посторонними или просто второстепенными вопросами. Больше того, многие откровенно завидовали его способности сконцентрировать все без остатка умственные усилия на главном, решающем деле, умению напрочь отключаться от всего остального.

Кто-то пустил по коридорам словцо «Транзистор». Прижилось, поскольку оно подчеркивало умение Хлебникова настраиваться на одну-единственную волну. Сейчас в управлении говорили, что Хлебников настроен на чубаровскую волну — и больше для него ничего на свете не существует.

Конечно, это не было какой-то врожденной способностью, а сознательно выработанным умением. И если оно безусловно помогало в работе, то во многих других сферах жизни причиняло немало неудобств. В разговорах он был странен: или отмалчивался или отвечал так невпопад, что

собеседник начинал глядеть на него почти со страхом. Для дома, семьи в эти дни он был потерянным человеком, и супруга его, Вера Васильевна, помучившись с ним не один год, отступилась и в такое время мужественно брала все без исключения домашние заботы на себя. Его нельзя было даже послать в магазин, так как было совершенно неизвестно, к чему бы это привело: он мог оставить в кассе десятку сдачи или, напротив, принести из «самообслуживания» неоплаченную банку консервов. И поскольку Вере Васильевне в таких случаях все равно приходилось снова бежать в магазин и улаживать недоразумения, она резонно рассудила, что лучше уж все делать самой.

К счастью, такие приступы отрешенности от бременной жизни случались нечасто и только в какие-то кульминационные моменты работы, иначе такой «Транзистор» был бы неоценим в работе и совершенно невыносим в быту.

Вот и сейчас он уже достаточно длительное время стоял около своего стола и непонимающе смотрел на трех пришельцев, явившихся к нему в кабинет: толстую крупную женщину, стоявшую прямо перед ним, и двух молодых людей, смущенно топтавшихся за ее широкой спиной, — парня и девушку. Судя по их рабочим спецовкам, нетрудно было увидеть, что все они зашли сюда прямо со смены.

Профессиональная память на лица подсказывала ему, что парня и девушку он где-то видел, но где и когда — нечего было и пытаться вспомнить, хотя в другое время он бы вспомнил их мгновенно и безошибочно. Пожилая женщина была незнакома, это наверняка. Она что-то говорила, говорила громко, жестикулируя, Хлебников добросовестно вслушивался, пытаясь понять, о чем идет речь, — и ничего не понимал. Все существо его протестовало против необходимости переключаться, но ничего не поделаешь: дело принимало курьезный характер. Хлебников еще некоторое время молчал, затем, весь внутренне подбираясь, обратился к ребятам:

— Так в чем же, собственно, дело?

И тотчас пожалел о своем вопросе, увидев на лицах откровенное удивление.

Парень нашелся:

— А вы предложите ей сесть, Иван Николаевич. Что она будет стоять? Женщина пожилая.

«Мда. Его уже начинают учить человеческому обращению. И поделом. Тоже мне... мыслитель. К нему

люди пришли, а он...» — со злостью на себя подумал Хлебников и виновато обратился к женщине:

— Да... извините меня, пожалуйста, садитесь.

Но та, метнув на парня гневный взгляд, неожиданно взорвалась:

— Нечего меня сажать! Ушлый какой нашелся! Сама сяду, если надо будет!

И, повернувшись к ребятам, зло закричала:

— А вы, сосунки, нечего изгиляться! Молоко на губах утрите! А туда же! Щенки паршивые!

Подполковник, не пытаясь скрыть удивления, взирал на эту сцену. Что же тут все-таки происходит?

— Ничего не понимаю, — честно признался он. И добавил, обращаясь к ребятам: — Может, объясните?

В дверь постучали, и голос Саши Антонова спросил:

— Иван Николаевич, можно?

— Входи, входи, — торопливо сказал Хлебников, хотя Саша, собственно, уже вошел, бросив мимоходом заинтересованный взгляд на девушку. — Обожди минутку. Тут у нас...

— Иван Николаевич! — смело выступила вперед девушка. — После нашего разговора, ну, вернее, после вашего выступления у нас на хлебозаводе... ну, об антиподах нашей морали... — она начала говорить уверенно и звонко, но почему-то засмущалась, стала сбиваться. То ли от необходимости произнести «громкую фразу», то ли под взглядом Саши Антонова.

— Ну-ну, помню, был такой разговор, — поощрительно сказал подполковник.

— Вот мы и решили оживить деятельность нашего БКО! — уже справившись со смущением, продолжала девушка.

— Боевого комсомольского отряда, — тактично расшифровал парень.

— Спасибо за разъяснение, — чуть заметно улыбнулся Хлебников.

— Женя! — девушка укоризненно взглянула на своего спутника. Тот, слегка смутившись, уточнил:

— Я хотел сказать, что ее, ну, Лену, командиром БКО выбрали.

— Ага! — сказал подполковник. — Ясно.

— Для начала... рейд мы решили провести! — заявила девушка.

— В проходной, после смены.

— И правильно! — одобрил подполковник. — Вам помощь нужна, да?

— Помощь? — удивленно переспросила девушка. — Так мы его уже провели. Сегодня.

Хлебников мысленно чертыхнулся. Что ни скажет — все невпопад.

— Рейд! — презрительно процедила молчавшая до сих пор тетя Настя. — Хулиганство сплошное. Хватают людей, как ненормальные.

Она вдруг смачно плюнула на пол. Подполковник нахмурился. Кажется, обстановка начала проясняться.

— Так в чем же дело? — уже деловито спросил он.

— Вот... тетю Настю... задержали, — сказал юноша. — И решили привести прямо к вам.

— С нашей точки зрения, тетя Настя — типичный антипод! — строго заключила Лена.

— Нечего оскорблять людей! — снова огрызнулась тетя Настя. — Привели и привели! А слова разные... — она повернулась к подполковнику. — Я требую в протокол занести, как они меня обзывают, гражданин начальник.

— Ох ты! — удивился подполковник. — Уже и гражданин начальник? Опыт есть?

— Да уж права свои как-нибудь знаем, не первый год замужем! — с каким-то лихим бахвальством заявила тетя Настя. — Закурить можно?

Не дожидаясь разрешения, взяла из пачки, лежавшей на столе, сигарету, закурила и, пуская колечками дым, враждебно и вместе с тем с каким-то злым торжеством поглядывала на ребят.

— С чем же вы ее привели? — уже вполне осознав ситуацию, спокойно спросил подполковник.

— Я потому и советовал предложить ей сесть! — снова ухмыльнулся Женя, но девушка строго взглянула на него, и он сразу умолк.

— Вы думаете, она в самом деле такая... солидная, Иван Николаевич? — спросила Лена. — Она же в нашем цехе работает. Да она... тоньше меня! — Она произвольным движением провела ладонями по своей талии, тут же смутилась и замолчала, отвернувшись. Парень немедленно пришел ей на выручку.

— А тут, смотрим, идет через проходную тетя Настя — она пирожница у нас, — и глазам не верим. Ну как бочка катится.

— Так, все ясно, — удовлетворенно сказал подполковник, довольный, что все стало на свои места. — Давайте-ка выкладывайте, что там у вас.

Тетя Настя вдруг залилась горячими слезами.

— Господи! Уж и детишкам... гостинец взять... пожалели. Хватают тут... Крохоборы... Рады из-за копейки человека в тюрьму упечь. О-о-о!

Она рыдала самым неутешным образом. Даже Лена и Женя стали смотреть на нее с жалостью.

— Что-то там много у вас всего... для гостинца, — неуверенно проговорил Женя.

— Да нет же у вас детей, тетя Настя! — почти извиняющимся тоном сказала Лена. — Сами же всегда говорите: одна, как былинка в поле.

— А это не твое дело! — вдруг взорвалась с ненавистью тетя Настя. — Заткнись!

Подполковник снял телефонную трубку.

— Евгения Андреевна, здравствуйте, Хлебников. Тут у одной гражданки надо личный обыск произвести. Возьмите там понятых кого-нибудь и заходите.

...И вот на столе — гора яиц, фляжка, пачки сахара, целлофановые мешочки с маслом. Тетя Настя хмуро стоит у стола, ни на кого не глядя. Ее даже сразу не узнаешь: она «похудела» чуть ли не вдвое.

Пожилая женщина с погонами капитана милиции бесстрастно докладывала:

— Вот опись обнаруженных на гражданке Восковой продуктов, товарищ подполковник: яиц — 70 штук, коньяк — 500 граммов, масла — два килограмма, сахару — два килограмма. В опись включены специальные пояса-бандажы для переноса похищенного — 4 штуки и одна фляжка, в которой содержится коньяк.

— Спасибо, Евгения Андреевна, — ошеломленно выговорил подполковник. — Вы свободны.

— Да-а! — протянул Саша Антонов. — Вот это снаряжение!

Подполковник покачал головой, повернулся к застывшим у дверей ребятам, вздохнул.

— Истинно говорят: век живи — век учись. Должен вам признаться, такое и в моей практике впервые. Гостинцы, значит? И так день за днем?

— А это еще доказать надо! — зло вскинулась тетя Настя, но Хлебников смотрел на Лену и Женю, готовых, кажется, провалиться со стыда.

— Да не краснейте вы за нее, ребята! — вдруг весело сказал он. — Не стоит она того!

— Она же нас всех... всех, — кусая губы, дрожащим голосом проговорила девушка. — В глазах всех... ворами ославит.

— Ну нет! — убежденно сказал Хлебников. — Люди ведь тоже не дураки, правого от виновного отличают. И потом вы же сами сказали: типичный антипод. Я, пожалуй, согласен — антипод и есть.

Тетя Настя сейчас же вцепилась в него глазами.

— Требую занести эти слова в протокол! — хрипло произнесла она. — Вам тоже не все дозволено!

Записка

— Считаю нелишним обратить ваше внимание, товарищи судьи, что никто из обвиняемых, за исключением Чубарова, не воевал — ни в партизанском отряде, ни в каком-либо другом воинском формировании. Вряд ли может претендовать на фронтовое прошлое Орбелиани, призванный в самом конце войны и направленный в интендантство корпуса в качестве... портного.

Из выступления в судебном заседании государственного обвинителя

В вестибюле управления внутренних дел с утра хозяйничали киношники. Группа кинорежиссера Гнедых приступила к съемкам документального фильма с условным названием «Поединок» — по материалам дела Чубарова. Проходившие сотрудники милиции с некоторым испугом лавировали между странного вида фонарями, чем-то похожими на орехи в своих гнездах, прожекторами, которые то и дело вспыхивали, заливая вестибюль режущим глаза светом. Вот один из операторов приник к массивной стационарной камере, другой тихо и важно расхаживал с ручным «конвасом», выискивая наиболее выигрышные кадры. Тут же священнодействовал с магнитофоном звукооператор — то записывал какие-то звуки, то снова и снова перематывал пленку, заставляя ее говорить голосом Буратино.

Сам Аркадий Семенович стоял, притулившись к стене, и разговаривал с приданным киногруппе гидом — Геннадием Фоминым.

— Честно говоря, совсем не так воображал себе режиссера на съемках, — смеясь, говорил Геннадий. — Думал: носится весь в мыле, всеми командует, каждый кадр проверяет... Что значит — книжные представления.

— Ничего не книжные, — возразил Гнедых. — Правильные представления. Порой набегаешься, как стайер на Олимпийских Играх.

— Непонятно. Чего же вы тогда?..

— Не интересуюсь съемками? А мы, между прочим, еще не снимаем, Геночка, так, вид делаем.

— То есть? Зачем?

— Да как тебе объяснить... Чисто профессиональный прием. Мы сейчас стараемся шуметь как можно громче. Ну чтоб привыкли к нам, перестали обращать внимание. Нам ведь тут всего минуту и надо, а то и того меньше. Так, обстановку дать в управлении, для правды жизни. Вон видишь, как все подтягиваются, когда камеру видят. Начинают позировать, играть. А вот так пострекошет часа два, всем и надоест, перестанут даже замечать. А мы потихонечку свои кадрики и поймаем. Уже без особого шума. Понял?

— Да-да... — Геннадий удивленно покрутил головой. — Ради одной минутки? Нелегкий у вас хлеб, однако. Режиссер усмехнулся.

— А ты как думал? Сплошные розы-мимозы? Стой-ка. Он вдруг насторожился, как кот, заведший мыш. Две симпатичные девушки в милицейской форме, прежде чем пройти наверх по лестнице, крутнулись перед зеркалом. Одна даже мгновенно припудрила носик. Режиссер поднял палец — и оператор склонился к своей камере...

— Вот такие сценки и создают достоверность. Девушка есть девушка, — засмеялся Аркадий Семенович. — Ну, что у вас там нового, Гена? Для нас ничего интересного?

— Все то же. Практически топчемся на месте. Да, вот чего... Правда, это к нашему делу не относится. Приехали бы вчера — кучу спекулянтов хрусталем сняли...

— А-а, Геночка, всего не снимешь. У вас тут столько интересного, что в два счета распылишься. Будем гнуть свою линию, без лирических отступлений. Желаю шадевр создать — и все тут! — нарочито коверкая слова, заявил Гнедых. — Когда допрос Чубарова?

— Не знаю, — признался Геннадий. — Наверное, на

той неделе, не раньше. Не с чем его пока вызывать. А сам он ничего не прибавит, можете мне поверить.

— Ну, на нет суда нет. Нам еще по экспозиции дел по горло. Только держите нас в курсе, как что появится.

— О чем разговор... Мы же теперь почти официально к вам прикреплены.

— Ну, а я что говорил? — Аркадий Семенович дружески подмигнул Геннадию. — Нашлась управа и на вашего твердолобого...

— Зря вы это... Уверю вас, скоро сами оцените Хлебникова.

— Ну, дай ему бог здоровья! — снова усмехнулся кинорежиссер. — В конце концов, без него у меня фильма не будет.

А наверху, в своем кабинете, подполковник Хлебников читал вслух бумагу, время от времени поглядывая на вытянувшегося перед ним Сашу Антонова.

— «...Исходя из вышеуказанных мотивов, прошу отстранить меня от дела Чубарова, как не оправдавшего доверия. Готов понести любое наказание...» Красиво пишешь, Саша, почерк у тебя хороший, ну и слог, конечно... Особенно вот: «исходя из вышеуказанных...» Очень убедительно, по-деловому.

Саша опустил голову.

— Я понимаю, Иван Николаевич. Другого я и не заслуживаю. В общем... отстраняйте! — Он отчаянно махнул рукой.

— Так, так, — пробормотал подполковник, еще раз пробегая глазами бумагу. — Словом, и состав преступления определен, и приговор себе вынесен, и психологическая подоплека имеется. И все в оптимальных размерах. Нет, я серьезно говорю — хороший рапорт, юридически грамотный, обоснованный, неплохо вас в школе милиции учили. А по существу, — он жестко и серьезно поглядел на Сашу, от его добродушного тона не осталось и следа, — ерунда редкая!

Он швырнул бумагу на стол, встал.

— Ты для чего это написал? Смысл твоего рапорта? Ну-ка, ответь: ты действительно хочешь, чтобы тебя отстранили?

— Я считаю, что этого заслуживаю, — поджав губы, хмуро проговорил Саша.

— Может, и заслуживаешь, но это другой вопрос.

Я спрашиваю: сам-то ты хочешь, чтоб тебя отстранили?

Саша, отведя глаза, молчал.

— Или все-таки надеешься, что высокий ум начальства, учтя твое благородство и признание вины, разберется в твоих психологических переживаниях и даст твоему рапорту определенный ход? — Он указал на корзину с мусором.

Саша по-прежнему молчал.

— Так на кой же пес ты мешаешь этому «высокому уму» разобраться? И вместо того, чтоб честно изложить суть дела, доказываешь на двух страницах вот этой ерундистики, — он похлопал ладонью по бумаге, — что тебя надо именно отстранить. Если ты сам так считаешь, почему я должен думать иначе? Вот поверю тебе и подпишу твой рапорт, чтоб впредь не лицемерил...

Он достал ручку, явно собираясь наложить резолюцию.

— Товарищ подполковник! — невольно вырвалось у Саши, напряженно следящего за его действиями.

— Слушаю... — подняв голову, официальным тоном произнес Хлебников.

— Разрешите забрать рапорт...

— То есть? — холодно спросил подполковник. — Это что — игрушка, что ли? Это официальный документ...

— Товарищ подполковник! Честное слово, я действительно считаю, что заслуживаю отстранения... Отстраняйте! Но не по моей личной просьбе.

— Ага, дошло, значит, — уже мягче проговорил Хлебников. — Самая скверная, Саша, привычка — швыряться рапортами и заявлениями. Как правило, это или, грубо говоря, шантаж, или признание своей несостоятельности. В обоих случаях можно подписывать не раздумывая.

Он еще раз внимательно поглядел на вконец сконфуженного Сашу, усмехнулся:

— Но, поскольку в данном случае преобладает третья причина — недостаточно развитое еще чувство ответственности, — Хлебников сунул бумагу в ящик стола и закончил мысль: — отложим на неопределенное время. Слушай, Саша, — вдруг уже другим тоном сказал он. — Это очень заманчиво — ходить в новичках. Но ты не находишь, что этому состоянию нельзя давать затягиваться? Инфантильность хороша в меру.

— Так точно, товарищ подполковник.

— Ну а если так точно, объясни мне, пожалуйста, по-человечески, без «исходя из вышеизложенного», чем тебе не угодила Таня Чубарова?

— Вы опять смеетесь, Иван Николаевич! Она же все время обманывала меня, а я как идиот... Разве не ясно?

— Не ясно, — спокойно сказал Хлебников.

— Я же написал... Она мне говорила, что отец в командировке, а сама отлично знала, что он арестован. Да, да, товарищ подполковник, теперь я уверен в этом!

Он с отчаянием схватился за голову.

— А я-то морочил вам тогда голову!

— Не преувеличивай свои возможности, Саша. Голову ты мне не мог заморочить, поскольку именно я давал ей разрешение на передачи и на свидание с отцом.

— Что? — Саша изумленно уставился на Хлебникова. — Вы знали!

— Ну, это по крайней мере странно... У них на квартире было два обыска. Да и вообще. Как же Таня могла не знать, ты сам подумай.

— Я... я как-то... не связал, — растерянно произнес Саша. — Что же вы тогда не сказали, Иван Николаевич! — с горечью упрекнул он.

— Если Таня не считала возможным сказать сама, я тем более был не вправе, — спокойно ответил подполковник.

— Но... она мне нравилась, Иван Николаевич! — почти выкрикнул Саша.

— Именно поэтому и не сказал.

— Я... не понимаю, товарищ подполковник.

— Саша, Саша, — мягко, но с укоризной сказал Хлебников. — Ведь это у тебя опять, в сущности, максимализм. Иной раз он мешает воспринимать жизнь... ну, реальную, что ли. Подумай сам: с чего бы девушка в начале знакомства с понравившимся ей парнем да еще из милиции стала рассказывать, что отец ее в тюрьме, что он жулик и спекулянт? Да она просто боялась.

— Чего? — резко спросил Саша.

— Остаться одной — вот чего! Что ты повернешься — и привет. А как узнала тебя, решила, что на тебя можно положиться, — кстати, кажется, ошиблась, — так все и сказала.

— Иван Николаевич! — тихо, даже с какой-то обидой произнес Саша. — Вы так уверенно говорите... Вы даже не представляете, как это для меня... важно!

— Ну, почему? — Хлебников улыбнулся. — Может, и представляю.

— Вы разговаривали с ней? — спросил Саша.

— Нет.

— С чего же вы тогда взяли?

— А писулька эта, гусь-лебедь? Ведь это самое важное для нас во всем вашем конфликте. Заметь: ей дал ее какой-то «доброжелатель», убеждал, что записка поможет ее отцу. А она передала тебе. Сам же приводишь ее слова: «Делайте с ней, что хотите: передайте хоть отцу, хоть своему начальству...» Ты вообще-то представляешь, чего это ей стоило?

— Иван Николаевич! — Саша метнулся к двери, но вовремя спохватился, обернулся. — Кажется, я в самом деле безнадежный идиот!

Он с отчаянием махнул рукой.

— Хватит, Саша, казнить. Еще успеешь. Давай-ка над этой записочкой поколдуем. Что она говорила про этого «доброжелателя»?

— Говорит, пришел, назвался старым другом отца. Вместе-де воевали. Показал фронтовой снимок — вдвоем они там, в военной форме, на фоне каких-то сосен. Говорит, отец не так уж виноват, запутывают-де его в милиции. Спросил: нет ли у вас возможности передать ему записочку, чтоб не через руки милиции, а прямо. Поклялся, что она поможет ему. Вот, собственно, и все.

— Внешность, особенности какие-нибудь...

— Высокий, говорит, худощавый, с приятным, интеллигентным лицом... И говорит культурно, грамотно. Да ведь я почти не верил ей, Иван Николаевич, и не особенно даже запоминал... У меня только одно в голове стучало — обманулся... Эх!

— Ну, довольно, довольно самобичевания. Излишества и тут вредны...

— Да, вот еще что. Смутила ее такая вещь. У отца много фронтовых карточек. И рассказывать он о друзьях военных лет любил. А карточки этого друга не было, это Таня точно знает...

— А она у тебя, кажется, сообразительная, — заметил Хлебников.

— У меня! — с горечью вздохнул Саша. — Да она теперь меня видеть не захочет!

— А видеть ее нам надо. Давай-ка, Саша, иди вечером, мирись и заодно пригласи на завтра сюда.

Может, проясним с ее помощью этого «фронтового друга». Ох, боюсь, не монтажник ли он ей подсунул. В качестве верительной грамоты. А?

— Не знаю, Иван Николаевич. Ничего Таня не заметила.

— Ну, ладно. А что же может означать сама писулька? — Прочел вслух коротенькую записочку: — «Мишенька, родной, привет тебе партизанский! Верю в твою невиновность и буду за эту веру сражаться. Ты же, знаю, как симоновский Ленька из поэмы «Сын артиллериста», характером могуч и непобедим. И еще, родной мой, помни — яблоньку можно не жалеть, шут с ней. Я с тобою согласен. А яблочко? Целую тебя. Петя Егоров».

— Шифр, конечно, Иван Николаевич, — уверенно заметил Саша. — Надо бы отдать шифровальщикам.

Подполковник задумчиво покачал головой:

— Нет, вряд ли шифр. Что у них, подпольная организация, что ли.

— А как же? — удивился Саша.

— Нет, Саша, тут сложнее. Не забудь — этот Чубаров ведь действительно воевал, а это, брат, на всю жизнь.

— Как же на всю жизнь? — с недоумением возразил Саша. — Он же вор, спекулянт, валютчик!

— Да, конечно, кто ж говорит. И судимость у него есть — за растрату. Но ведь весь парадокс в том, что он себя до последней минуты преступником не считал. Так, дельцом, человеком, умеющим жить, ловким, изобретательным, в общем, кем угодно, только не преступником. Ну, и окруженье его подогревало — мол, что ж вы, человек заслуженный, кровь проливали, неужели теперь не имеете права пожить в свое удовольствие? Тут еще такая тонкость: он директор ювелирного магазина. Как-то на допросе мне и говорит: вот если бы я работал в каком угодно другом магазине, копеечки бы не взял, не стал бы трудящегося человека обкрадывать. А золото, драгоценности — это роскошь, баловство, человек без этого вполне обойтись может. Среди моих покупателей, мол, половина — махровые мещане. Что с ними церемониться!

— Ерунда какая-то! — пожал плечами Саша. — Прimitивная сделка с совестью.

— Понятное дело. А все-таки за этой поганой философией ма-а-аленький огонечек видится — желание хотя бы в своих глазах остаться честным человеком. И вот, понимаешь: если к этому добавить фронтовое прошлое...

Нет, не может быть у Чубарова никакого шифра для связи с сообщниками. Это же значит махнуть на себя рукой, признать себя преступником, вратом общества, за которое он и сражался. Помнишь, я говорил, что Чубарову, может быть, и простой повестки хватило бы? Ты еще съязвил: так, мол, и так, придите и сдайте золото. Так вот, я все больше склоняюсь к мысли: если бы он не боялся ответственности, сдал бы свое золото с величайшим наслаждением.

— Ну уж нет! — убежденно возразил Саша. — В этом я с вами никогда не соглашусь, товарищ подполковник. Такие добровольно не сдают, вон он как на допросах держится.

— Не знаю, не знаю. Что-то его укрепляет в этом, а вот что, непонятно. Но, думается, сейчас он начал кое-что понимать, время у него было. Одним словом, надо нам, Саша, к его огонечку в совести приглядеться, может, удастся раздуть его хоть немного.

«Доктора» выводят из игры

— Подсудимый Иванов! Чем объяснить ваш столь поспешный отъезд?

— Как это вы странно рассуждаете, гражданин судья! Можно подумать, что у старика нет никаких родственников, никто на белом свете его не желает видеть.

Из допроса подсудимого в судебном заседании

Иногда он ощущал поразительную беспомощность перед этими людьми. Закованные, как в панцирь, в глухое невежество, они были одинаково невосприимчивы ни к самой тонкой иронии, ни к самому разящему сарказму. Пожалуй, они понимали только откровенную и ясную ругань, но как раз ругаться-то он не умел. К тому же, оставаясь справедливым, надо было признать, что в случившемся они все-таки не виноваты: эту проклятую тетю Настю погубила жадность и только жадность. Хорошо — удалось узнать вовремя, спасибо... И тем не менее, злили они его безмерно.

Раздраженно глядя на Костю Строкатова и вечно сонного аккордеониста Дмитрова, как ни в чем не бывало

подремывавших в креслах, Георгий Георгиевич пытался найти нужный тон.

— У вас все «лажа», что ни случись! — Он горько усмехнулся. — «Лажа». Слово-то какое дикое. Когда же я вас цивилизую, гангстеры, прямо отчаяние берет. Или так и останетесь «шестерками», ни богу свечка, ни черту кочерга! Сколько раз вам повторять: в моем доме блатная музыка вне закона! Ясно?

— Вы бы лучше к делу, Георгий Георгиевич, — приоткрывая глаза, пробубнил Дмитрий. — Чего ругаться по пустякам.

— Во-первых, это не пустяки! — жестко оборвал его Георгий Георгиевич. — У меня не воровская малина, не притон, а кому это не нравится — скатертью дорога. И запомните: ваш воровской жаргон настолько несовременен, что лучшего способа привлечь к себе внимание я не знаю. Это во-первых. А во-вторых, вы ошибаетесь и по существу. А если эта ваша тетя Настя расколется и начнет вас выдавать одного за другим? Вот будет «лажа», это определено.

Костя Строкатов ухмыльнулся:

— Да она никого из нас в глаза не видала! Все шло через «Доктора».

— Вспотеют они там — тетю Настю раскалывать, — уверенно заявил Дмитрий. — Разве что динамитом... Скала, а не женщина.

— Это все лирика! — отмахнулся Орбелиани. — Откуда такая уверенность?

— Эх ты! — удивился Дмитрий. — Зачем же ей статья о «преступном сговоре с другими лицами?» Она свою выгоду знает.

— Да еще найдут ли у нее металл — вилами на воде написано. Не таковская, — добавил Костя Строкатов. — Видите: вот и получается «лажа».

— Получается примитивный идеализм, други мои. Расчет на идеальный случай, на стопроцентную удачу. А удача никогда не бывает стопроцентной. И учтите: сегодня в милиции люди грамотные, квалифицированные юристы, им ваша дремучая тетя — на один зубок. Много у нее металла?

— Много не много, а есть, — сказал Костя. — Уж больно классная была купчиха. Хороший сармак имели. Орбелиани поморщился.

— Опять? Вы мне вот что скажите, только без

этого... — Он помахал в воздухе пальцами. — Приисковое ей спускали?

— Ни грамма! — вскинулся Строкатов. — Зуб даю. «Доктор» ей как-то намекнул, она руками-ногами замотала.

— А вы говорите — дремучая, — сонно усмехнулся Дмитрий.

— Так... Ну, хоть с этим благополучно. Словом, ситуация ясна как день — надо выводить из игры «Доктора».

— Пришить? — быстро спросил Строкатов, а Дмитрий, сразу выйдя из полудремотного состояния, блеснул глазами.

Георгий Георгиевич даже плюнул с досады:

— Ну и ублюдки вы, однако. Насмотрелись детективов дешевых... Вам что, мокрого дела не хватает, остального все есть, да? Фу, даже говорить с вами противно!

— А как же его иначе выведешь? — сконфуженно спросил Костя.

— Да самым банальным образом. Пусть сегодня же заплатит за полгода вперед за квартиру и уедет подальше, «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Он же человек свободной профессии.

— Почему в Саратов? — удивленно спросил Дмитрий. — Это не глушь.

Орбелиани с сожалением посмотрел на них, вздохнул:

— Мда... други мои, печать мысли не безобразит ваши прекрасные лица. Насчет Саратова — это цитата из Грибоедова, понимать ее надо фигурально, то есть в переносном смысле, — четко и раздельно, словно диктуя, говорил он. — Ясно? А то еще бухнете Иванову: мол, шеф приказал уехать в Саратов, знаю я вас.

— А куда ж ему ехать? — глуповато улыбаясь, спросил Костя.

— Именно туда, где нет никаких теток и всех прочих дальних и близких родственников. Паспортишко ему менять, насколько я понимаю, не впервой, у него, наверное, запасной есть. Всесоюзный розыск объявлять не станут, не та фигура, а и объявят — не найдут, поскольку в милицейской картотеке он не значится ни с какой стороны. Кстати, посоветуйте ему взять фамилию не столь вызывающую, как нынешняя. Поближе к образу, теперь-то пугаться нечего. Поняли?

Дмитров, ехидно ухмыляясь, кивнул.

Георгий Георгиевич с облегчением подвел итог:
— Ну, как будто бы все...

Открытие

— Таким образом, можно считать доказанным, что основой сближения большинства подсудимых, вылившегося в создание преступной группы, явилось тяжелое государственное преступление, совершенное, как ни странно, во время их пребывания в трудовой колонии строгого режима.

Из речи государственного обвинителя в судебном заседании

С первого взгляда было ясно: ребята взволнованы не на шутку. Конечно, их волнение могло быть вызвано и очередной идеей фикс, так уже бывало не раз. Но теперь Хлебников, наученный горьким опытом, стал внимательнее к их «гениальным» или «бредовым» открытиям, как они сами их попеременно характеризовали, нимало не смущаясь полным отсутствием в этом логики. В прошлый-то раз, насчет Кости Строкатова и драки у магазина, ребята явно что-то нащупали — вполне здоровое и, пожалуй, интересное — без всякой околесицы. И теперь подполковник был уверен, что их «свободный поиск» имеет не только воспитательное значение.

— Понимаете, Иван Николаевич, мы это взяли за отправную точку! — горячо говорил Геннадий, и тут же его перебивал Саша:

— Правда, пришлось все начинать сначала. А это, я вам скажу...

Подполковник отчаянно замахал руками:

— Стоп! Стоп! Лучше я вам скажу! А ну-ка сядьте!

Ребята, быстро переглянувшись, замолчали и сели на «любимые» стулья — прямо перед столом подполковника. А тот не спеша достал сигарету, долго разминал ее в пальцах, щепоточкой бросая в пепельницу излишки табака. Наконец закурил и, выпустив лохматую струйку дыма, спросил с любопытством:

— Ну, протрезвели? Давайте-ка кто-нибудь один. Ну ты, Саша.

Тот решительно замотал головой:

— Нет, Иван Николаевич, пусть Геннадий. Это же его идея.

— Ух ты! — восхитился подполковник. — Даже с идеей. Тогда совсем интересно.

— Да какая идея? — отмахнулся Геннадий. — Просто мыслишка одна выплыла.

Но спорить не стал, так как слишком уж велико было желание скорее все рассказать подполковнику.

— Помните, Иван Николаевич, вы приказали проверить всех, кто летел в том самолете в Адлер?

— Ну?

— И еще спрашивали, не бросилось ли нам в глаза что-нибудь особенное?

— Помню, помню, продолжайте... — нетерпеливо сказал Хлебников, уж начиная чувствовать, что на этот раз «особенное» будет.

— Тогда нам действительно ничего не бросилось, — сокрушенно сказал Геннадий. — А тут сидим мы с Сашей, маракуем по этому делу... Ну, Саша и говорит: «Может, их надо поглубже копнуть? А то уж больно легко мы все обтяпали. В два дня уложились».

— Ну, у вас же мотоцикл... Долго ли объехать? — настороженно сказал подполковник, зная по опыту, что в таких случаях нужно быть оппонентом. — И потом, чего ж вам было копать? Убедились, что человек под своим именем летел — ну и дальше.

— Вот-вот. Мы так и поступили, — ехидно согласился Саша. — И зря!

— Что зря? — не понял Хлебников.

— Видите ли, Иван Николаевич, — стараясь говорить как можно спокойнее, продолжал Геннадий. — Нас, к сожалению, тогда не насторожила одна странность: почему все подозреваемые на месте?

— Что?! — Подполковник впился глазами в Геннадия. Сразу же с полной ясностью он понял смысл этого вопроса, но на всякий случай переспросил: — А где ж они должны быть, по-вашему?

— Кто где! — невозмутимо сказал Геннадий. — Уж теперь-то мы проверили посерьезней. Они же все летели в Адлер на разные сроки: кто на месяц, кто на неделю. А проверяли мы на третий день после полета... Почему они так дружно вернулись обратно?

Подполковник протяжно свистнул.

— Да-а-а! Ну, гуси-лебеди, это вы мне преподнесли!

Ну, спасибо! И за идею и, главным образом, за урок Порадовали, гуси-лебеди, зело порадовали. Очень нам не хватало какого-нибудь такого фактика...

Он подумал и уверенно заключил:

— Теперь дело должно пойти веселее.

Хлебников встал, прошелся по комнате, поглядывая на ребят.

— А позвольте-ка вас спросить, какой же вы сделали вывод из вашей плодотворной идейки, а?

— Ну, вывод-то более или менее ясен, — ответил Геннадий, стараясь говорить медленно и обдуманно. — Что-то они затевали, да сорвалось. Вот и пришлось возвращаться. Мы с Сашей выписали всех «досрочников» — вот.

Он положил на стол список. Хлебников взял, быстро просмотрел.

— Так... знакомые все лица... Аккордеонист Дмитров, ревизор ГВФ Бутурлин, зубной техник Иванов... Позвольте, а этого как установили? Он же надомник.

— А он соседке ключ оставил, чтобы цветы поливала. Сказал — вернется через месяц, — небрежно объяснил Саша.

— Так-так, — бормотал Хлебников, проглядывая список. — И наши киношники здесь оказались? Забавно...

— Это, конечно, совпадение, Иван Николаевич. Гнедых объяснительную записку написал директору института. Отложили съемки из-за погоды.

— Ага, из-за погоды... ясно. Ну, бог с ними.

Он отложил список, постучал пальцем по нему.

— Ну, вывод, гуси-лебеди, вывод?

— Так Фомин уже говорил... — с удивлением напомнил Саша.

— Мало, Саша, мало. Почему они вернулись-то? Это же подозрительно. Проще было отлежаться в Сочи, и дело с концом.

— Может, решили, что не догадаемся? Мы же в самом деле прошляпили сначала.

— Ладно, допустим, прошляпили. Но ведь могли и не прошляпить, вот в чем дело. Как говорят англичане, фифти-фифти, пятьдесят на пятьдесят. И в конечном-то счете... объявилась ваша идея. А они обязаны такую возможность предусмотреть. Значит, есть какая-то серьезная причина, чтобы все-таки рискнуть.

— Видимо, какая-то есть... — Саша невольно повторил это за Хлебниковым.

— И причина эта, настоящая, серьезная, основательная, по моему разумению, может быть только одна: не зная, как будет вести себя на следствии Чубаров, они должны быть готовы в любую минуту повторить свою затею. По-вто-рить! Вот в чем гвоздь! Отсюда и их болезненный интерес к ходу следствия.

— Ну, конечно же! — вскочил с места Геннадий. — Все ясно!

— Да нет, к сожалению, не все.

Ребята озадаченно уставились на подполковника. А тот, щелкнув пальцами, проговорил:

— Все тот же проклятый вопрос, гуси-лебеди: почему же среди пассажиров самолета не было нашего уважаемого Георгия Георгиевича?

Ребята молчали.

— А без него наша сверхлогическая цепь не более чем слабенькая версия, одна из многих. Причем весьма уязвимая. В общем, пора всерьез поговорить нам с Чубаровым.

— Иван Николаевич, — осторожно заметил Саша. — Тогда мы обязаны предупредить Гнедых. Они снимать будут.

— Нет, Саша, не будут. Хватит нам с вами ходить в единоличниках, пора и в артель объединяться. Я тут навел справки об этом кинорежиссере. Думаю, что фильм этот ему — как зайцу стопсигнал. Ему надо быть в курсе расследования, вот что. Я почти уверен: это человек Орбелиани.

— Иван Николаевич! — оторопело вымолвил Геннадий. — Что вы? Он же член Союза кинематографистов!...

— Не знаю, как это ему удалось, а то, что до тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года он был офицером охраны колонии в Красноярском крае и был с треском изгнан без права работы в органах, — это факт. И, между прочим, изгнан по подозрению в скупке у заключенных краденого золота. Только доказательств прямых добыть тогда не удалось. Ну, я думаю, мы этот пробел восполним. Больно уж много совпадений: Чубаров сидел в той же колонии, съемочная группа — вся из «выпускников» того же «учебного заведения».

Бутурлин долго работал пилотом в Красноярске, регулярно летал к нам в город. Нет-нет, гуси-лебеди, пока вам не ходить в киногероях, не надеяться.

Он весело засмеялся.

Нелетная погода

Совершив ряд преступлений, связанных с хищениями социалистической собственности, члены этой банды закономерно поставили себя в оппозицию к нашему обществу, его законам и морали. Эта закономерность привела их к решению совершить новое, может быть, самое гнусное свое преступление...

Из приговора

Георгий Георгиевич увлекся. Бросив плащ на подлокотник кресла, он пристроился на другом, не заботясь о том, что может помять свой светлый, с искоркой, хорошо сшитый костюм, и снова и снова гонял одну и ту же магнитофонную запись. Только что бархатный голос Трошина допел песню о нелетной погоде, и Орбелиани торопливо нажал кнопку перемотки, возвращая песню.

— Да будет тебе, Георгий Георгиевич, — поморщился Гнедых. — Сколько же можно?

— Нет-нет, это ты напрасно, — торопливо сказал Орбелиани. — Ты вслушайся, Аркадий Семенович. Это же целая философская программа...

И снова послушно запел бархатный голос Трошина:

Вот опять нелетная погода,
Вот опять легла на солнце тень.
Кажется, что ждем уже полгода —
Так он долог, мутный этот день.

Орбелиани вдруг порывисто стукнул ладонью по руке Гнедых:

— Слушай, слушай вот это место...

Но взревут моторы однотонно,
Разгоняя волнами траву,
И с аэродромного бетона
Мы рванемся прямо в синеву,
Мы рванемся в небо, обгоняя
Ваши медленные поезда.
...А пока все дождь и дождь без края,
Мелкая холодная вода.

Щелкнула кнопка, магнитофон замолчал. Орбелиани выжидательно уставился на Гнедых, пытаясь определить его впечатление. Тот усмехнулся:

— Чего глядишь? Пожалуй, что-то в ней есть... Не понимаю, как у нас, — он резко подчеркнул «у нас», — пропустили такую песню?

— Ну! — обрадованно воскликнул Орбелиани. — Я же говорю: настоящая философия. Представь: сколько их сейчас ползет, этих поездов, — медленных, обязательных, деловитых, притянутых, как магнитом, к колее. Ни сантиметра влево, ни сантиметра вправо, только в заданном направлении — и никуда иначе. О, они ползут в любую погоду, приспособлены к любым климатическим изменениям. Что бы ни случилось, какие бы ни подули ветры, они придут к своей цели точно по расписанию. По заранее — и не ими самими, а кем-то для них — составленному расписанию. Они иногда запаздывают, и тогда их немного ругают. Но уж зато никогда не приходят быстрее — за это составители расписаний могут быть спокойны. И не рванутся раньше срока — тоже будьте уверены.

...Георгий Георгиевич возбужденно взял со стола бутылку, налил две рюмки, протянул одну спокойно слушающему кинорежиссеру:

— А мы сидим, сидим... И все-таки мы рванемся в синеву, пусть они знают! Выпьем мы за самолеты, старина!

Аркадий Семенович взял рюмку, бережно зажал ее в ладонях, согревая. Потом негромко заметил:

— Ты поэт, князь. Жаль. Наш век не любит поэтов. Они ему вроде бы ни к чему. Но тост мне нравится, только с уточнением: без всякой символики, выпьем за его буквальный смысл.

Прихлебывая, мелкими глотками опустошил свою рюмку.

— Ну-у, — разочарованно протянул Орбелиани. — Ты невыносим, Аркадий Семенович. Нет ничего пошлее подчеркиваемого практицизма.

Гнедых засмеялся:

— Разве что подчеркиваемая духовность. Но имей в виду, старичок: без моего практицизма мы с тобой ни в какую синеву не рванемся. И вообще, даже по твоей символике выходит: для нас с тобой здесь всегда погода будет нелетной! Что, съел? — Он снова засмеялся.

— Слушай, Аркадий Семенович! — вдруг тревожно заговорил Орбелиани. — Я вот что хочу сказать тебе... Ну, если все обойдется, конечно... Может, не стоит больше искушать судьбу? А? Раз уж не получилось...

Гнедых холодно взглянул на него.

— И что? — резко спросил он. — Будем сидеть в своих норках и дожидаться смены погоды? Так она не сменится, это любому дураку ясно. Или, может, восстание поднимем, привлечем широкие массы подпольных миллионеров и пойдем свергать Советскую власть, а? Что, очень доходчивый лозунг: нам, миллионерам, жить в такой стране неудобно, развернуться негде. Вполне можем пробиться до ближайшей кутузки.

— Станный у тебя юмор, — заметил Орбелиани.

— Ничего странного: юмор висельника. Князь, князь, не узнаю тебя. Стоило нам столько лет рисковать, мыкаться, поганое золотишко грести. Что от него толку, если оно под печкой валяется? А ведь это же власть, слава, роскошь, положение, в конце концов. Стоит только перешагнуть пустяковую полосу на земле — и другой мир! Впрочем, не так важно, что другой, сколько то, что ты в нем — властелин, а не слуга. В качестве слуги я тоже капитализм не принимаю! — Он улыбнулся. И сразу посерьезнел: — И вообще... с чего ты взял, что все уже обошлось? Ты так надеешься на этого дурака Чубарова?

— Он не дурак! — хмуро сказал Орбелиани. — И дело не в этом. Зачем ему признаваться? Для чего ему смертная казнь...

— Это-то я понимаю. Да уж больно они там насобачились, наши славные чекисты. Черт их знает, с какой они стороны зайдут.

Орбелиани пренебрежительно махнул рукой.

— Не преувеличивай, Аркадий Семенович. Вспомни наших мальчиков. Такое дело — детям доверяют.

— Щенки, — добродушно согласился Гнедых. — Только знаешь что, князь? Поверь моему опыту — породистые щенки. Мы с тобой их сейчас как угодно проведем, завтра тоже, а послезавтра они нас за руку схватят. Там сидит такой, скажу я тебе, доberman-пинчер — этот Хлебников. Он, я думаю, их специально натаскивает на этом деле.

Гнедых внимательно поглядел на Орбелиани, слушающего со снисходительным видом, и вдруг поднялся со стула, заходил по комнате.

— Слушай, князь, а знаешь, какая диковинная мысль

пришла мне в голову? Ты уверен, что крутишь этими мальчиками, как хочешь. Так?

— Ну? — Орбелиани раздраженно хмыкнул. — К чему это ты?

— А вот к чему: ты можешь сейчас четко, загибая пальцы на руке, перечислить мне, ка-ку-ю информацию ты получил от них? А?

— Как это какую? — возмутился Орбелиани. — Хотя бы ту, что Чубаров держится на допросах крепко. В конце концов, отсутствие новой информации по делу Чубарова — это тоже информация, причем самая желательная для нас. Разве не так?

— Так-то оно так... Но меня смущает, что, кроме разговоров обо всем на свете, всяких там печек-лавочек, мы от них ровно ничего не узнали. Даже об аресте этой тети Насти узнал я сам, просто увидел ее в управлении. Понял? А ты уверен, что они ничего не узнали про тебя?

Орбелиани изумленно уставился на Гнедых.

— Они? Про меня? Ты думаешь?..

Гнедых с досадой хлопнул ладонью по коленке.

— Князь, князь, тебя, как всегда, подводит самоуверенность. Вбил себе в голову, что ты самый умный, самый тонкий, самый хитрый. А если это не так? Если Хлебников разгадал твой интерес к делу Чубарова и, видя твое внимание к этим мальчикам, подсунул их тебе, как наживку? Будьте, мол, спокойны, дружба с милицией, ничего опасного для вас нет. А сам ходит кругами вокруг нас, факты собирает, да и мальчики его глядят в оба, изучают нас. Что? Так не может быть?

— Однако пока...

— Вот то-то и оно, что пока. И пока оно еще «пока», надо, князь, удочки сматывать.

— Тогда какого же черта мы медлим, выжидаем, тянем, девочек соблазняем! — со злостью выговорил Орбелиани. — Действовать так действовать!

Гнедых отрицательно покачал головой:

— А спешить тоже незачем. Есть один положительный факт — то, что мне разрешили съемки. Если случится какое-то ЧП, тогда хоть через час, у нас все готово. Но лучше бы через месячишко-другой. Боюсь, что Хлебников еще бдительность проявляет, может и к аэропорту приглядеться. А как дело Чубарова стихнет, так и бдительность под лавку. У нас же все так. Слушай, но где же все-таки твоя милочка?

Орбелиани хмуро взглянул на часы, с неохотой сказал:
— Что-то опаздывает. Могли в театре задержать.
Гнедых пристально посмотрел на него:
— Ой, князь, темнишь! Не для себя ли ты ее бережешь?

Допрос

— Товарищи судьи! Я хочу обратить ваше внимание на такую деталь: преступные помыслы совсем не равнозначны преступным деяниям.

Из выступления адвоката в судебном заседании.

Да, он изменился и очень изменился. Осунувшийся, плохо побритый, в помятом костюме, Чубаров ничем не походил на того респектабельного джентльмена, каким он предстал перед Хлебниковым на первом допросе. Что ж, камера есть камера, и как ни следи за собой, а ее воздействие все же скажется.

Впрочем, пока оно сказывалось лишь на внешнем облике. Внутренне Чубаров отнюдь не опустил: держался по-прежнему бодро, без нервозности, улыбался, говорил спокойно и даже дружелюбно, иногда подмигивая сидящему у стены Саше Антонову. Только в глазах появилось что-то жалкое и усталое.

...— Михаил Дмитриевич, — продолжая допрос, говорил Хлебников. — Признаюсь вам честно: я совсем сейчас не понимаю вашего поведения. Когда вы боролись за свою жизнь — понимал. Теперь вы утверждаете, что она вам ненавистна и...

— Молчу как рыба? — подмигнув Саше, подсказал Чубаров.

— Как это согласовать?

— А вы считаете, что прежде чем покинуть нашу грешную землю, надо обязательно напакостить ближнему своему? Или кого-нибудь прихватить с собой для компании? Нет, Иван Николаевич, я человек общительный, знакомства завожу легко. Авось и в преисподней найдутся дружки-приятели. Они где хочешь найдутся. Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной. Хлебников пристально вглядывался в его лицо, ставшее в последнее время какого-то странного серо-землистого цвета с жесткими складками, протянувшимися от уголков рта.

— Вы что же, в самом деле не намерены больше бороться за...

— Не намерен, Иван Николаевич, можете не продолжать, — перебил его Чубаров. — Так и пишите: складаю лапы, все в порядке, иду ко дну.

— Вы напрасно беретесь решать за суд, — сказал Хлебников. — Еще неизвестно, как он посмотрит.

Чубаров усмехнулся:

— Мне известно. А если вдруг усмотрю у судей хоть намек на колебания, вот тогда я им такие фактики еще подброшу, что в две минуты будет достигнута полная ясность: вышка и все тут.

Он вдруг цепко взглянул на подполковника и отрицательно покачал головой.

— Нет, Иван Николаевич, не рассчитывайте. Все, что я добавлю к этому чемоданчику, будет только про меня.

Он провел ладонью по вспотевшему лбу, улыбка сбежала с его лица.

— Послушайте, Иван Николаевич! — с неожиданной страстностью заговорил он. — У меня к вам единственная просьба: ну, не задавайте мне больше вопросов. Вы же порядочный человек. Дайте мне уйти с одной-единственной честной мыслью: что из-за меня не пострадает никто!

— А мне вспоминается начало наших взаимоотношений, — сказал подполковник, словно бы не замечая чубаровской горячности. — Ваша «гибкая тактика», программа-минимум... Что же вас так сломало? — задумчиво, словно размышляя, закончил он.

— Бросьте, Иван Николаевич! — жестко сказал Чубаров. — Не надо притворяться. Это вам не идет.

Складки у рта сразу стали глубокими, лицо покраснело.

— Я не притворяюсь, Михаил Дмитриевич. Неужели тюрьма?

— О святая простота! — воскликнул Чубаров. — Как на меня может подействовать тюрьма? Что я вам, желторотый юнец?

— Но тогда что же?

— Ладно, Иван Николаевич, давайте не будем. Наверное, до последнего моего часа, который, к слову сказать, весьма и весьма близок, я должен ненавидеть вас как смертного врага. Но... клянусь, у меня нет никакой ненависти к вам!

— Но за что же вы меня должны ненавидеть? — с искренним недоумением спросил Хлебников.

Чубаров, посмотрев ему прямо в лицо, отвел глаза.

— Да, действительно, — тихо проговорил он. — Было бы за что. Впрочем, все-таки... Это вы угробили меня, Иван Николаевич.

— Я?!

— Представьте... Нет, не тем, что посадили. Это ваша служба, я не в претензии. Но вы ударили меня пострашнее, пожалуй, чем в солнечное сплетение.

Хлебников удивленно воззрился на него.

— Час от часу не легче! Сроду запрещенные удары не практиковал.

— Да? — саркастически усмехнулся Чубаров. — А кто пустил ко мне Таню?

Саша смотрел на Чубарова тяжелым взглядом.

— Но чего же здесь запрещенного? Она просила о свидании. Я знаю, что она девушка безупречной честности.

— Откуда? — перебил Чубаров.

— Это видно, Михаил Дмитриевич, — убежденно сказал Хлебников. — Поверьте уж мне: это всегда видно.

— Спасибо, Иван Николаевич, — сказал Чубаров. — За Таню — спасибо!

Он попытался выговорить это как можно беспечнее, но это у него не получилось, и он отвернулся.

— Ничего противозаконного она вам не принесет. Почему же мне было не разрешить ей свидание?

Чубаров, сощурившись, поглядел на подполковника, покачал головой.

— Полно вам, Иван Николаевич. И вы не знали, к каким последствиям это приведет? Вы не подумали о том, как я погляжу ей в глаза сейчас, когда она знает правду? Бросьте! — резко заключил Чубаров, махнув рукой.

Хлебников молча разминал в пальцах сигарету. Затем негромко сказал:

— Она очень хотела вас видеть, Михаил Дмитриевич. Тот вдруг вскочил как подброшенный.

— А я что, не хотел?! Да я... жил для нее, я оберегал ее от всяческой грязи... я дышал ею! Как вы не понимаете?!

— Почему же... — пожал плечами Хлебников.

— А она подошла ко мне и сказала: «Как же ты мог предать меня, папа?» Вот и покатались в тартарары и мои максимумы и минимумы! Дайте же мне хоть подохнуть по-

человечески, да побыстрее, если у вас есть хоть капля добра!

— Рано вам еще помирать, Михаил Дмитриевич! — вдруг сурово сказал подполковник. — Вам предстоит еще одна неприятная процедура...

— А-а, — отмахнулся Чубаров. — Все остальное — семечки!

— Как сказать... — спокойно возразил Хлебников. — Вам придется еще раз предать Таню.

Чубаров, стиснув кулаки, повернулся к подполковнику. В глазах его плескалось бешенство.

— Вы! Вы!

Внезапно лицо его сморщилось, он сразу сник, бессильно опустил на стул.

— Вон вы, оказывается, какой, — с горечью сказал он. — Ну и ну!

— Подождите меня презирать, — холодно проговорил Хлебников. — Я это как-нибудь переживу, тем более что не чувствую себя виноватым. Я хочу знать одно: что означает эта записка?

Он небрежно бросил Чубарову листок. Тот вяло, без интереса взял его, начал читать и тут же весь подобрался, насторожился.

— Где вы ее взяли?

— Один из ваших друзей пытался передать ее вам через Таню. А она отдала ее нам.

— Напрасно. Надо было просто сжечь.

Он вдруг поднял глаза на Хлебникова.

— Вы поняли содержание?

Хлебников пожал плечами.

— В общих чертах. Прежде всего я понял, что это гнусная спекуляция на святых всем нам понятиях.

Чубаров, слегка усмехнувшись, промолчал.

— Во-вторых, я не поленился перечитать «Сын артиллериста» и сообразил, что вам предлагают принять огонь на себя.

Чубаров снова молчал.

— И в-третьих, — тем же ровным тоном продолжал Хлебников. — Нетрудно понять, что угрожают расправиться с Таней, если вы не дорожите своей жизнью.

Чубаров усмехнулся.

— Чего ж вам еще надо? Ну, добавлю, что обещают выволить, если буду молчать, как партизан на допросе. Потому и партизанский привет.

Он бросил на стол записку.

— Но вы промахнулись тут, Иван Николаевич. Не надо было мне показывать эту писульку. Вы же сами понимаете: теперь-то вы из меня ни одного слова клещами не вытащите. Впрочем, они напрасно рискнули: мне все было ясно и без записки.

— Михаил Дмитриевич! — спокойно сказал Хлебников. — В разговоре со мной вы все время исходите из того, что я веду игру. Надо полагать, в данном случае вы сочли ее неудачной. И слово «предательство», по вашему мнению, я употребил опрометчиво, в прямо противоположном смысле. Так?

— Хорошо, что вы это понимаете, — вежливо сказал Чубаров, снова усмехаясь.

— А не можете ли вы на минуточку представить, что я совсем не играю, а действительно озабочен судьбой вашей дочери?

— Трудно, — насмешливо сказал Чубаров. — Это что — из альтруистических соображений?

— А я вам сейчас объясню, Михаил Дмитриевич. Мы уже знаем многих ваших... «ближних», как вы изволили выразиться.

Чубаров тревожно уставился на него.

— Не верите? Знаем Гнедых, Дмитрова, Строкатова... Знаем про вашу затею.

Чубаров, не отрываясь, глядел на него.

— Вы понимаете, у нас достаточно материала, чтобы немедленно арестовать их. Но всех ли мы знаем, вот вопрос. И не сочтут ли оставшиеся, что это дело ваших рук? Как же нам быть? Не трогать их, что ли? Или опубликовать в газетах, что вы тут ни при чём, что мы без вас обошлись? Только они ведь и это сочтут уловкой.

— Шантажируете? — стиснув зубы, глухо спросил Чубаров.

— Нет, Михаил Дмитриевич! — серьезно сказал Хлебников. — Просто хочу посадить их всех! Потому что, честно говоря, оставлять таких на свободе и в самом деле опасно. И в первую очередь для Тани.

На этот раз Чубаров молчал долго. Потом он обернулся к подполковнику.

— Спрашивайте...

— Почему вы угнали экспресс?

— За мной должен был заехать Орбелиани. Он не заехал.

— Почему?

— Очевидно, усомнился во мне, я действительно не знаю, как бы повел себя в последнюю минуту. Мог поступить и наоборот.

— Почему вы спешили именно к рейсу девятнадцать — двенадцать?

— Потому что к этому времени в Адлере должен был ждать контрабандистский катер. Зафрахтовал Бутурлин за сто тысяч долларов. Лично я вложил двадцать тысяч. Золотом. — Он усмехнулся. — Кстати, надули нас, как детей. Аванс взяли, а никакого катера, разумеется, не было.

— Так. Это понятно. Почему же самого Орбелиани не было среди пассажиров?

— Разве? Не понимаю... А-а, вот, наверное, что: Бутурлин должен был отдать ему свой билет. Сам он мог лететь по служебному удостоверению.

Если женщина любит...

— Я не сомневаюсь, что наши славные органы, на знамени которых написаны...

— Подсудимый! Наши славные, как вы выражаетесь, органы в ваших комплиментах не нуждаются! Говорите по существу дела!

Из допроса подсудимого Орбелиани в судебном заседании

Обычно репетиции кончались в два-три часа пополудни, и до вечернего спектакля еще оставалось достаточно времени, чтобы и отдохнуть, и внутренне собраться. Но сегодня репетиция задерживалась, и когда компания вывалилась на площадь, по асфальту уже разбежались длинные вечерние тени.

Душой компании была Оля. Она была оживленна, громко смеялась. Может быть, чересчур уж громко. Вся ее веселость носила несколько нервный характер, да ведь и вообще она была не из числа хохотушек. Могло бы показаться, что Оле хотелось спрятать за веселостью какую-то тревогу и, может быть, спрятать даже не от окружающих, а от самой себя.

Один из актеров — высокий длинноволосый парень

с юмором рассказывал о капустнике: разыграли актера, который решил писать воспоминания о Шалапине. А видел его лишь мельком — Федор Иванович был в городе проездом.

Компания весело смеялась, а громче всех — Оля.

Другой актер, юркий, подвижный, забегаая вперед, пытался завладеть вниманием:

— А вот у нас в Иркутске был капустник... Я там в ТЮЗе работал.

Но Оля внезапно оборвала смех и остановилась.

— Мне сюда, ребята. Привет.

— Я провожу тебя, — тотчас же придвинулся длинноволосый.

— Нет, Сережа, зачем? Я тороплюсь. И в магазины еще надо забежать.

— Мне бы тоже надо... — не сдавался длинноволосый.

— Нет, как вам нравится такая самоотверженность? — Оля обернулась к актерам. — Он собирается покупать со мной всякие женские штучки. Ребята, это же будет неоценимый муж!

— А это как раз главное в его творческом портрете, — засмеялся один из компании.

— Напрасно не берешь, Оленька. Он по этой части — крупнейший специалист, — вторил ему другой.

— Сережа, сделаешь предложение — приму без раздумий, — уверяла Оля.

— А подумать бы не мешало... — глубокомысленно изрек третий, — у него есть недостатки. Мало, но есть.

— Идите к черту! — беззлобно отругнулся незадачливый кандидат в провожатые и, пристально вглядевшись в лицо девушки, вдруг сказал: — Что-то ты больно резвишься, старуха.

— Мне сегодня положено, — сказала Оля. — Как-никак, репетирую первую настоящую роль.

Длинноволосый зло изрек:

— Во-первых, Фроська — роль далеко не настоящая, а во-вторых, ты и на этой завалишься...

— Ну, спасибо за поддержку. Ты всегда верил в меня, я знаю, — поблагодарила Оля.

— ...если, конечно, тебе не помогут друзья! — со значением закончил фразу длинноволосый.

Оля коротко кивнула.

— Намек поняла, Сережа. Учту.

Компания ушла в одну сторону, Оля — в другую.

И когда она завернула за угол, на пути у нее оказался Гена Фомин.

Она подошла спокойно, не задерживая шаг, изобразила обязательную в таких случаях улыбку.

— Здравствуйте, Гена. Что привело вас в наши края? Тревожная милицмейская служба?

Шутка у нее не вышла, усмешка лишь чуть обозначилась на губах. Оля не остановилась, и Геннадию пришлось, развернувшись, пойти с ней рядом.

— Я шел к вам, Оля.

— Увы, Гена, не смогу уделить вам ни минуты. Безумно занята.

— Я понимаю. И все-таки... Оленька, от нашего разговора очень многое зависит.

— Перед таким интригующим началом женщине устоять трудно... Я бы и не устояла, конечно, в другое время. Но у нас сегодня затянулась репетиция. И меня уже ждут, Гена.

— Если ждут, то подождут еще, — хмуро сказал Геннадий.

Она медленно покачала головой.

— И потом, боюсь, что вы ошибаетесь — от нашего разговора уже ничего не зависит.

— Нет, зависит! — упрямо повторил Фомин.

Оля взглянула на него с сочувственной улыбкой, пожала плечом.

— У вас железная аргументация. Хорошо, проводите меня немножко. И давайте без вступительных фраз.

— Оля, куда вы идете? — вдруг с неожиданной резкостью спросил Геннадий.

Она удивленно взметнула ресницы.

— Однако... С чего бы это вы решили задавать мне нескромные вопросы?

Геннадий слегка смутился, но выговорил твердо:

— Я прошу вас ответить.

— Так я вам не отвечу, — холодно сказала девушка.

Некоторое время они шли молча. Никогда в жизни Геннадию еще не приходилось начинать столь тяжелого разговора. Вчера вечером он с огромнейшим трудом выпросил у Хлебникова разрешение предупредить Олю об этом жучке — Орбелиани. Отлично понимая, что девушка может передать содержание разговора Георгию Георгиевичу, даже не может, а почти наверняка передаст, чем тотчас же насторожит его, Хлебников категорически

запретил Геннадию даже встречаться с Ольгой. Мало ли что Геннадию кажется... Ишь ты, запутывают! Что она, маленькая, не отвечает за свои поступки?..

И потом, откуда он знает, что ее запутывают. А может быть, уже запутали, и он своим вмешательством только растревожит муравейник. Что он, с ума сошел! Это же служебная тайна... И вообще, какое ему, собственно, дело? Услышав признание Геннадия, помрачнел, выругался в сердцах — и разрешил поговорить с девушкой. «Но запомни, Геннадий, говори, что хочешь, убеждай, как знаешь, но никаких сведений об Орбелиани и о нашем интересе к нему. Иначе — долой из органов», — очень серьезно сказал Хлебников.

Внезапно Оля, что-то обдумав, повернула голову.

— Хорошо, Гена, — сказала она. — Может быть, так будет даже лучше. Извольте: я иду к Георгию Георгиевичу для решительного объяснения. Надеюсь, теперь вы не будете настаивать на разговоре?

Геннадий, глядя себе под ноги, глухо сказал:

— Нет, буду! Я затем и пришел.

— Вот как! — язвительно произнесла она. — Вы что же, знали о нашей сегодняшней встрече?

— Догадывался... — неохотно сказал Геннадий.

— Час от часу не легче. Уж не шпионите ли вы за мной, товарищ милиционер? Или, как это у вас называется, взяли под наблюдение?

— Оля! — вдруг умоляюще сказал Геннадий. — Не ходите к Орбелиани, я прошу вас.

— Что? — сдвинув брови, произнесла Оля. — А вам не кажется, что вы вмешиваетесь не в свое дело? Да еще так бесцеремонно... по-милицейски.

— Оля, — с жаром заговорил Геннадий. — Говорите все, что хотите, я снесу все. Только, ради бога, не ходите к Орбелиани.

— Это становится забавным, — сдерживая гнев, отчеканила девушка. — Кто вам дал право так разговаривать со мной?

— А я ни у кого не просил такого права! — с неожиданной резкостью сказал Геннадий. И, тут же сникнув, негромко и с трудом выговорил. — Просто... я люблю вас, Оля!

Она остановилась, поглядела на него почти с испугом. Сказала спокойным, бесстрастным голосом.

— Не надо, Гена. Вы славный, хороший парень,

я всегда ценила ваше дружеское расположение... Но, пожалуйста, не надо.

— Это все, что вы можете мне сказать?

Она положила руку ему на рукав, сказала с какой-то тихой тоской:

— Ну зачем вы мне это сказали? Я же вас предупреждала.

На лице Геннадия появилась кривая усмешка.

— Вот вы чем обеспокоены. Как все было бы хорошо. Мы бы вместе порадовались вашему счастью, еще бы и на свадьбе погуляли бы, да?

Оля молча глядела куда-то в сторону.

— Да ведь дело-то в том, что не будет у вас свадьбы. Оля! Он обманывает вас. Вы знаете, что у него жена в Ленинграде? — с силой выговорил он.

Он очень надеялся ошеломить ее этим сообщением. Это был единственный факт, который ему разрешалось сообщить, и он считал, что это немало. Но она выслушала спокойно, твердо поглядела ему в глаза.

— Знаю, Гена.

— От кого? — запальчиво спросил он.

— Конечно, от него самого.

— И как же вы? — растерянно спросил Геннадий. Оля снова положила руку ему на рукав.

— Не обижайтесь, Геночка, но вы еще очень маленький. Я люблю его. А вы знаете, что такое, когда женщина любит?! — вдруг почти выкрикнула она.

Геннадий, пораженный такой внезапной страстностью ее речи, во все глаза смотрел на девушку. Потом, с трудом подбирая слова, сказал:

— Но... он совсем не такой, каким хочет казаться.

Оля грустно улыбнулась.

— Милый Геночка! Если бы я могла выбирать... я бы, конечно, выбрала вас. Но я люблю его, слышите, люблю! Запомните, Гена, есть огромная разница: когда женщина принимает чью-то любовь или когда любит сама. Ну, что вы мне еще скажете про Орбелиани? Я и сама догадываюсь: он артист, он как будто все время в гриме. В нем есть что-то порочное, бесовское. Он порою мне кажется даже не человеком, а скорее сверхчеловеком. И дурного в нем, верно, больше, чем хорошего.

— Да глупости все это, Оля, театральщина, — вдруг взорвался Геннадий. — Какой там сверхчеловек. Самый заурядный, — он замылся, не зная, как сказать дальше.

Она взглянула строго, отчужденно.

— А вот этого не надо, Гена. Приписывайте ему любые пороки, но только не заурядность. Имейте мужество взглянуть правде в глаза. Вместе со всеми своими пороками, он интереснее всех беспорочных на свете вместе взятых! — глаза девушки блеснули.

Геннадий хотел что-то сказать, но Оля предостерегающе подняла руку.

— Довольно, Гена, больше ничего не говорите. Помоему, мы объяснились. Не знаю, какой будет моя судьба, но я пойду за ним, куда бы он ни повел. — И она ушла, не попрощавшись.

Он стоял еще некоторое время и смотрел, как девушка пересекла улицу, шла, вскинув голову, по другой стороне и, дойдя до дома Орбелиани, не оглянувшись, решительно вошла в подъезд.

Геннадий с остервенением ударил носком ботинка по камешку, и тот, как снаряд, грохнул в железобетонное основание ограды вокруг какого-то здания и с брызгами разлетелся на куски. Потом круто повернулся и пошел в противоположную сторону. Сначала решительно и быстро, но через несколько шагов все медленнее, обернулся, постоял, глядя издали на дом Орбелиани. Потом вдруг повернул обратно, намереваясь пересечь улицу там же, где это сделала Оля. Но не пересек, постоял в нерешительности у кромки тротуара, затем подошел к металлической ограде и, махнув рукой, уселся на ее железобетонном основании. Редкие на этой тихой улице прохожие с удивлением глядели на застывшего в странной позе милиционера.

Предательство

Из материалов дела следует, что преступление готовилось обдуманно и тщательно. В этот день преступники еще не собирались осуществлять свой замысел. Но неожиданная для них самих угроза оказаться на скамье подсудимых, пусть по другому делу, заставила их форсировать события, поднять на ноги всю банду.

Из приговора

Войдя в прихожую, Оля с недоумением уставилась на Георгия Георгиевича — совершенно одето-

го, в плаще, берете, явно собравшегося куда-то уйти. А тот, улыбаясь, говорил:

— У вас все по-королевски, Оленька, даже опоздания. — Он выразительно посмотрел на часы и тут же поправился: — Впрочем, виноват: короли как раз не опаздывали. Помните: точность — вежливость королей. Я думаю: королев тоже.

— Вы уходите? — спросила Оля.

— Не более, чем на полчаса. Срочное дело. Да вы раздевайтесь. Чего же мы тут стоим... Вы меня подождете, Оленька? Надеюсь, в порядке компенсации за трехчасовое опоздание я имею право просить о такой милости?

Непринужденно болтая, он помог Оле снять плащ, повесил его и, проводив в комнату, усадил девушку в кресло.

— Вот вам новый сборник Элюара, полистайте, довольно занятно.

Чуть поколебавшись, весело добавил:

— У меня хорошие новости, Оля. Вернусь — поговорим.

— Сварить кофе? — спросила девушка.

— Что ж, это мысль, — согласился Орбелиани и, уже взявшись за ручку двери, вдруг обернулся.

— Да, чуть не забыл... Там, в дальней комнате, спит Аркадий Семенович, Вы уж его не беспокойте, Оленька. Говорит, сутки напролет снимал, измучился, где-то ключ от квартиры обронил. А домочадцы, видимо, на дачу подались. Вот он и появился...

— Зачем же мне его беспокоить? — удивилась Оля. — Вы только возвращайтесь скорее.

— Конечно, конечно. Я, может быть, даже минут за двадцать пять управлюсь. Ну, привет, девочка, я побежал. Не скучай!

Он вышел в прихожую, громко хлопнул дверью. И вдруг, по-кошачьи мягко ступая, нырнул в маленькую комнату, дверь которой выходила в прихожую. Там, прикинув к замочной скважине, он некоторое время прислушивался, затем прямо в плаще повалился на небольшой диванчик. Так он и лежал — неподвижно, закинув руки за голову. На лице застыла жалкая улыбка.

А Геннадий как заведенный все ходил и ходил вдоль ограды — туда-сюда. Сел, крепко сцепив руки на коленях, затем снова вскочил и зашагал с прежней методичностью: туда-сюда, туда-сюда...

Стихи и в самом деле оказались занятыми. То короткие и хлесткие, как афоризм, то философски спокойные и отвлеченные, как сама абстрактная истина. Они, правда, мало действовали на сердце, но зато уму задавали работы: Оля увлеклась. Уже начало темнеть, и Оля механическим движением включила торшер. Мягкий свет его падал на страницы книги, создавая какую-то особо подходящую для восприятия поэзии обстановку.

Внезапно за спиной девушки раздался возглас:

— Ба! Какой сюрприз! Оленька?

Она испуганно обернулась. В дверях стоял улыбающийся кинорежиссер Гнедых в халате Георгия Георгиевича, его же домашних тапочках. Заметив удивленный взгляд девушки, он смущенно развел руками.

— Прошу извинить мой вид. Никак не ожидал гостю.

— А вы что же, на правах хозяина здесь? — улыбнулась Оля.

— Что вы, что вы! — замахал руками Гнедых. — Оказался временно бесприютным — и был обласкан Георгием Георгиевичем. Но мы, киношники, народ кочевой: где переспал, там и дом. Вы разрешите немножко посидеть с вами?

Оля неопределенно пожала плечами, и Аркадий Семенович предпочел принять это за согласие. Он уселся в кресло напротив и закурил сигарету.

— Что почитываем? — весело спросил он, заглядывая снизу на обложку книги. — А-а, Поль Элюар. Знаем, знаем, читывали...

«Золотом звездная ночь пронеслась над Багдадом, не о ней я пою. Лютиком светится месяц над ангельским садом, не о нем я пою». Красиво, а?

— Это не Элюар, — закрывая книгу, поправила Оля. — Это Юлиан Тувим.

— Что вы говорите! — притворно ужаснулся Аркадий Семенович. — Как же это я дал маху! А впрочем, что Мах? Мах — тоже хороший человек. Я про философа, разумеется.

Увидев, что Олю передернуло от подобного «каламбура», поспешно перевел разговор.

— Завидую я Георгию Георгиевичу, Оленька. И сам он такой весь, как бы сказать, импозантный, и фортуна к нему всегда лицом, и женщины вниманием не обделяют. Даже

удивительно, с таким счастьем — и на свободе... — он громко захохотал.

Оля усмехнулась.

— Узнаю школу Георгия Георгиевича. Тоже завели катехизис — Ильфа и Петрова?

— Ах да, это же оттуда. Жаль... Я бы непрочь присвоить.

— Зачем же присваивать? Пользуйтесь на здоровье.

— Нет, не говорите, — с живостью возразил Аркадий Семенович. — Терпеть не могу коллективного пользования. Это меня оскорбляет. Признаюсь как на духу: иной раз в библиотеке копаюсь, нападую на хорошую книжку — и такая тоска возьмет. Почему эта книжка не у меня дома, на полке? Не хочу, чтоб к ней прикасались чужие руки — и все тут.

Он проговорил это значительно, глядя ей прямо в глаза.

— Брр... — Оля тряхнула плечом, — какое-то крайнее выражение собственничества.

— Ну и что? — спокойно отпарировал Гнедых. — Этим нас не запугаешь. А по-моему, общедоступная книга — все равно что общедоступная женщина...

— Вы опять пошлите, Гнедых, — заметила Оля. — Никак не можете без этого?

Режиссер откинулся на спинку кресла, с наслаждением выпустил струйку дыма, прикрыл глаза.

— Ох, беда с этими непорочными девами, спасу нет! Только и думай над тем, какие подобрать выражения. Послушайте, Оля, вы же умная девушка. Ну зачем вы обращаете внимание на форму, а не на содержание?

— А ваша пошлость по содержанию, — невозможно сказала Оля, — форма же только соответственная.

Аркадий Семенович покачал головой.

— Не знаю, я, может быть, излишне циничен, но, по крайней мере, не витаю в облаках, а обеими ногами стою на земле. И с этой наиболее прочной позиции заявляю... Впрочем, поскольку это придумал я сам, а не какой-нибудь там Ильф-Петров, то заявляю торжественно: судьба женщины точь-в-точь напоминает судьбу книги. Одни попадают в руки настоящего ценителя и становятся украшением его дома и предметом вожделения его знакомых, храня от всех, кроме хозяина, разумеется, свою тайну, одетую в роскошный наряд переплета, другие... Другие попадают в библиотечный абонемент и, соответ-

ственно, идут по рукам... А как выглядит библиотечная книга, интересная, конечно, это известно.

Оля презрительно скривила губы.

— Знаете, о чем я подумала, Аркадий Семенович? — медленно сказала она. — У вас ужасная манера развивать высказанную мыслишку до бесконечности. Я давно уже поняла, а вы все продолжаете... Берегитесь! Это вернейший признак ограниченности.

— А вот в этом вы глубоко заблуждаетесь, Оля, — вдруг серьезно возразил Гнедых. — Вы делаете сразу две ошибки. Во-первых, насчет моей ограниченности. Но это дело десятое. А главное — вы меня отнюдь не поняли, я уверен.

— То есть? — удивленно спросила девушка.

— Оленька! Да спуститесь с небес на землю. Вы же понимаете: в наше время женщине, если она хочет чего-то добиться в жизни, без сильного покровителя не обойтись, поверьте мне. Я, конечно, не имею в виду женщин, мечтающих просто выскочить замуж и выращивать благополучно-нудную семью.

— Ах, вот оно что! — с тихой злостью выговорила Оля. — И вы предлагаете в «покровители»... уж не себя ли?

— Именно, — спокойно потягивая сигарету, подтвердил Гнедых.

— Дала бы я вам пощечину... — проникновенно сказала Оля. — Да уж больно это смешно.

— Не вижу ничего смешного. — Гнедых обидчиво вздернул плечи.

— Аркадий Семенович! — голос Оли звучал почти умоляюще. — Вы же уверяли, что не витаете в облаках. Ну, рассудите трезво: чем меня можете привлечь вы? И помимо всего прочего — какой из вас «сильный покровитель»? Вы же... шут гороховый, вот вы кто! — последние слова Оля произнесла с беспощадностью.

— Благодарю за откровенность. — Гнедых насмешливо улыбнулся. — Только я ее, конечно, предвидел. И вот вам мой ответ: завтра я слегка шевельну пальцем — и вы, юная, перспективная актриса, или в момент ока станете примой, или покинете театр «по собственному желанию».

— Даже так? — Девушка еле сдержала улыбку. — А вы не предвидите более близкой перспективы: как вы через пять-десять минут будете объясняться с Георгием Георгиевичем? Я ведь ему не безразлична...

Аркадий Семенович презрительно фыркнул.

— Господи! Вот уж мне до лампочки — как там он к вам относится... Важно, что вы не безразличны мне...

— Не понимаю, — сказала она. — Человек, перед которым вы так раболепствуете... И стоит ему на минутку выйти — готовы вывернуться наизнанку.

— Полно вам, Оленька, — укоризненно сказал Гнедых. — Вы же актриса... У вас что, не бывает: лакея играет мэтр, а короля — щенок?

— На сцене...

— Мир — театр, люди — актеры. Старик Шекспир умел обронить словцо, — мгновенно подхватил Гнедых. И вдруг без всякого перехода спросил:

— А если я вам скажу, что он ушел по моей просьбе?

— Ложь! — Оля гневно поднялась с кресла.

За соседней стеной, стиснув до синевы руки, лежал на диване Георгий Георгиевич. Он слышал доносящиеся через стену голоса, лицо его изображало бессильную муку.

— Вы не обратили внимания на такую деталь: я ведь вас не спрашивал, где хозяин и скоро ли будет. Вам это ни о чем не говорит?

Оля смотрела на него со страхом.

— Ну вот, видите. А вы говорите: шут гороховый. Человеку свойственно ошибаться.

Оля покачала головой:

— Нет! Вы просто подлый и наглый клеветник! Так и знайте: я не поверила ни одному вашему слову. Прощайте! — она решительно направилась к выходу.

Гнедых, вскочив с кресла, преградил ей путь.

— Э, нет! Никуда вы не уйдете... Что же вы думаете, наш разговор был милой светской болтовней?

— Это что, ловушка? — тихо спросила Оля. И с угрозой в голосе предупредила: — Я сейчас закричу.

За стеной Георгий Георгиевич глухо застонал, перевернулся лицом вниз, закрыв руками уши...

— Напрасно, — Аркадий Семенович усмехнулся. — У него же квартира старой постройки, стены толстые.

— Господи! Что же это такое... — растерянно прошептала Оля.

— Честное слово, я хотел добром, — сказал Гнедых. — Но так или иначе, а я без тебя не могу!

Оля вдруг стремительно рванулась к двери, но Гнедых еще стремительнее перехватил ее, точным и уверенным движением заломив руки за спину.

— Тихо, детка! — насмешливо процедил он. — Не таких скручивали. — Одной рукой сжав запястья девушки, другою он дернул выключатель торшера. Комната погрузилась в темноту.

Увидев, как погасло окно в квартире Орбелиани, Геннадий вскочил со своего каменного сидения, постоял, посмотрел секунду, другую и, круто повернувшись, тяжело зашагал прочь.

А в комнате продолжалась борьба. Слышен был глухой звук ударов, хриплый голос Гнедых:

— Ты кусаться?! На тебе, на!

Внезапно девушка вырвалась из его рук, подбежала к столику и, нащупав тяжелую металлическую пепельницу, с размаху швырнула ее в окно.

Услышав звон разбитого стекла, мгновенно обернулся Геннадий. И тут он ясно услышал голос Оли:

— На помощь! Помогите!

Как сумасшедший рванулся Геннадий Фомин в подъезд. Перепрыгивая ступени, он взлетел на третий этаж и с силой ударил кулаками в обитую кожей дверь.

— Открывайте! Немедленно открывайте! — иступленно кричал он.

...Грохотанье в дверь слышали и в комнате. Гнедых, зло и молча оттаскивавший девушку от окна, выпустил ее, и Оля тотчас выскочила за дверь, в освещенную прихожую. И тут лицом к лицу столкнулась с выходящим из боковой комнатухи Орбелиани. Это произвело на нее такое впечатление, что она замерла на месте, с ужасом глядя на Георгия Георгиевича.

— Вы? Здесь? — еле выговорила она.

Тот гневно вскинул голову.

— Что вы, Оля! Я только зашел. Прошел прямо сюда... надо было. Не успел вот плащ снять. А тут шум, грохот какой-то. Да кто там барабанит? — уже овладев собой, крикнул он в дверь.

— Открывайте! — послышался властный голос Геннадия. — Иначе дверь вышибу!

— По какому праву вы ломитесь в мой дом? — нахмурившись, закричал Орбелиани. — Это хулиганство!

Оля, прижавшись спиной к двери, стояла молча.

— Ах, не откроете? — в голосе Геннадия послышалось бешенство. Дверь заходила ходуном. Чувствовалось, что она вот-вот слетит с петель. Орбелиани предпочел «узнать» голос.

— Геннадий? Вы? Что случилось?

Он приоткрыл дверь, становясь на пороге, но Фомин просто отшвырнул его в сторону и решительно прошел в прихожую. Едва глянув на Олю, избитую, в разорванном костюме, он, ни слова не говоря, распахнул дверь в комнату. Там уже горел свет, и Аркадий Семенович пытался спешно привести себя в порядок. Однако это было нелегко сделать: из глубоких царапин на лице еще сочилась кровь, оторванный рукав халата никак не удавалось «приладить» на место. Увидев Геннадия, он растеряннo и жалко заулыбался.

— Геночка? Ну, слава богу, что хоть ты. А мы тут, видишь, пошумели немного... Напились...

— Та-ак, — глядя то на девушку, то на Аркадия Семеновича, подал голос Орбелиани. — Кажется, и я понял. Так-то ты воспользовался моим гостеприимством! — гневно сказал он Аркадию Семеновичу. — А ну, вон из моего дома, подлец! — он широким жестом указал ему на дверь. — Быстро!

— Дайте хоть одеться. Я сейчас, — смущенно бормотал Гнедых, направляясь в дальнюю комнату. Геннадий остановил его.

— Погодите!

Повернувшись к Орбелиани, глухо сказал:

— Извините меня, Георгий Георгиевич. Но тут уже вопрос не моральный... Совершенно уголовное преступление. Я должен задержать Гнедых. А вас попрошу позвонить в райотдел.

Орбелиани медленно покачал головой.

— Не стоит. С этого подонка хватит просто вышвырнуть его. Да и не в нем дело... Ему-то как раз в тюрьме самое место, — с наслаждением говорил он, глядя прямо в лицо кинорежиссеру. Он мстил ему за недавнее унижение и потому цедил слова медленно, со смаком. — Но ведь Оленькино имя затреплют, вот что противно. А это, считайте, крест на артистической карьере. Да и вообще... для девушки такое пятно... Нет, немыслимо!

— Какое же пятно? — удивился Геннадий. — Она-то здесь при чем?

— Э-э, Гена, вы что, не знаете людей? — поморщился Орбелиани. — Они же все это истолкуют иначе...

Он подошел к разбитому окну, внимательно осмотрел улицу.

— Кажется, на наше счастье, все тихо. Можно избежать скандала.

— Да вы что, други мои, белены объелись? — вдруг вмешался Аркадий Семенович, уже оправившийся от замешательства. — Вы что лезете не в свое дело? Мало ли что может произойти между мужчиной и женщиной? В таких случаях третий — не мешайся. Ясно вам? А тебе, Генка, я удивляюсь!

— Ну, довольно! — резко оборвал его Геннадий. — Вы действительно взялись не за свое дело. Есть закон.

Он повернулся к девушке, стоящей все в той же позе — прижавшись спиной с стене.

— Оля! — сказал он ровным голосом, подчеркивая официальный характер своих слов. — В данном случае все зависит от вас. Намерены ли вы привлечь к ответственности гражданина Гнедых за попытку...

— Да! — громко сказала Оля, с вызовом глядя на Георгия Георгиевича.

— Тогда не о чем и толковать! — спокойно заключил Геннадий. — Есть заявление потерпевшей, неважно, устное или письменное. Гражданин, я должен доставить вас в...

— Чепуха! — громко воскликнул Орбелиани. — Не слушайте ее, Геннадий. Оля сейчас в запальчивости, сама не понимает, что говорит. Одну минуточку... Оля! — повернувшись к девушке, веско сказал он, глядя ей в глаза. — Подумайте, в какое положение вы ставите себя да и меня тоже. В моем доме. Впрочем, это даже не главное. Вы остались с ним наедине. Ведь никому не объяснишь, что это вышло случайно, что я отлучился на минутку, что мне было необходимо отправить срочную телеграмму...

— А вы, кстати, по-моему, никуда и не отлучались! — вставил Геннадий.

— То есть? — вспыхнул Орбелиани.

— Я все время находился у вашего подъезда. Вы не выходили и не входили.

— Ах, вот как! Кто вам дал право следить за моим домом! Я привлеку вас к ответственности!

— Я не следил за вашим домом. Я ждал возвращения Оли. Мы не договорили.

— Товарищ лейтенант, — ровным, безжизненным тоном сказала Оля. — Я официально прошу вас арестовать этого гражданина, — она указала на Гнедых, — со-

вершившего на меня нападение, подробности напишу в письменном заявлении. Все!

— Одевайтесь! — резко приказал Геннадий.

— Оля! Не горячитесь, умоляю вас! — бросился к девушке Георгий Георгиевич, молитвенно сложив руки. — Взвесьте все хорошенько. Ну, ради меня! Ради нашей... дружбы! Дайте себе время успокоиться. Возбудить дело никогда не поздно, я сам помогу вам.

— Я знаю цену вашей помощи, Георгий Георгиевич! — вдруг сказала Оля таким тоном, что тот мгновенно осекся.

А Геннадий холодно заметил:

— Прошу вас не оказывать давления. Это незаконно.

— Да не оказываю я никакого давления! — закричал Орбелиани, — я сам возмущен до глубины души. Я пытаюсь спасти ее репутацию.

— Это не ваша забота, не хлопчите, — тем же тусклым голосом возразила Оля.

— Геннадий! — Георгий Георгиевич в отчаянии бросился к Фомину. — Ну хоть вы-то не будьте дураком! Вы же понимаете: мы с Олей большие друзья. Больше, чем друзья. Сейчас она возбуждена. Но завтра она откажется от своего заявления, и мы тоже не подтвердим ваших показаний. Вы окажетесь в глупом положении. Аркадий Семенович — уважаемый человек, с именем. У вас будут крупные неприятности. Зачем вам это?

— Ступай-ка, парень, домой, а мы тут без тебя разберемся! — с ухмылкой вставил Аркадий Семенович. — Тоже мне ревнивец! Дали тебе отставку, так нечего личные счета сводить. За это рога быстроломают.

— Так, — сказал Геннадий. — Значит, не хотите позвонить? Обойдусь без вас...

Он подошел к телефону, щелкнул рычажком и стал набирать номер, не спуская глаз с режиссера. Орбелиани, оказавшись у него за спиной, схватил со столика бутылку коньяку и с размаху ударил Геннадия по голове. Охнув, Геннадий выпустил трубку и повалился на пол.

***

На столе дежурного по управлению зазвонил телефон. Старший лейтенант Белоухов снял трубку и услышал взволнованный детский голос:

— Алло! Алло! Милиция? Говорит Володя Алтухов...

— Какой Володя Алтухов? — не слишком кстати переспросил дежурный.

— Ну, просто Володя Алтухов из одиннадцатой школы. Я тут на улице Гоголя, знаете?

...Ему пришлось-таки изрядно побегать по улице Гоголя, этому Володе Алтухову из 11-й школы. Сунув монетку в щель первого телефона-автомата, он тут же увидел, что у него нет трубки, вырвана вместе со шнуром. Второй автомат проглотил монету и не вернул. Около третьего Володя обнаружил, что больше нет двухкопеечной монетки. Растерянно потоптавшись в будке, Володя собрался у кого-нибудь просить монету, но тут до него дошел наконец смысл надписи на аппарате: «Вызов без монет спецслужб»...

Он говорил без остановки.

— В общем, недалеко от поликлиники, знаете? В доме двадцать четыре кто-то изнутри выбил окно. Да, я сам видел. Потом какая-то женщина ка-ак закричит: «На помощь!». Потом какой-то парень ка-ак кинется в этот подъезд! Потом ка-ак начнет бухать в седьмую квартиру! Как откуда знаю? Я же за ним побежал, посмотреть. Только я снизу, со второго этажа глядел, а седьмая на третьем. Ну, и... все. Я ждал, ждал, а все тихо. А разве это может быть, чтоб тихо было?

...Хлебников грузно расхаживал по кабинету и, поглядывая на Сашу, четко диктовал пожилой машинистке:

— Таким образом, учитывая характер его нынешней деятельности, а также появление на «черном рынке» промышленного золота, есть основания полагать, что именно через него происходила утечка золотого песка с охраняемого им прииска...

Только сейчас, слушая четкий голос подполковника, излагающего весь ход дознания, Саша начал понимать, какая огромная работа была проделана отделом, сколько людей было втянуто в ее орбиту — и как незначительна была их роль с Геннадием. Из Красноярска, из Тбилиси, из Сочи и Адлера пришло огромное количество информации — а ведь ее собирали люди, действовавшие оперативно и быстро. Саша попытался представить себе весь объем работы в целом и невольно поразился ее целостности и гармоничности. И все же и их работа с Геннадием входила в общую мозаику пусть маленьким, но важным кирпичиком.

А подполковник продолжал диктовать:

— Недоказанность вины в судебном разбирательстве в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году, освободив его от судебной ответственности, не освободила от ответственности служебной: он был уволен из органов МВД по недоверию. В настоящий момент имеющимися в наличии материалами доказывается и преступление, содеянное в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. Исходя из вышеизложенного, прошу вашей санкции на арест...

В дверь без стука вошел майор Хмелевский и бесцеремонно перебил подполковника:

— Вы не поедете с группой? Там к нам, сам как его, звоночек интересный поступил: происшествие на Гоголя, двадцать четыре. Вы, кажется, этой квартирой интересуетесь.

Подполковник и Саша переглянулись. Хлебников, ни слова не говоря, быстро сложил в сейф бумаги, запер. Кивнул Саше:

— Поехали!

В десятиместном «газике», прыгающем на ухабах, Хмелевский рассказал о звонке Володи Алтухова.

— Прямо так и говорит дежурному: а разве, говорит, может быть, чтоб тихо было? Очень смекалистый парнишка, хоть, сам как его, сразу в штат бери.

Хлебников невесело буркнул:

— Еще ничего не известно.

— Да я не про то... — смутился майор. — Я про мальчика. Эти парнишечки, сам как его, самый вездесущий народ.

«Газик», подпрыгивая и мигая синим сигналом, мчался по улице...

***

В квартире номер семь Георгий Георгиевич четким голосом, не волнуясь, отдавал распоряжения по телефону:

— По дороге заедешь за Дмитриевым — я звонил, он ждет у «Трех вязов». У зала регистрации встретитесь со съемочной группой — они уже выехали. Пусть Бутурлин регистрирует билеты, так надежнее. Вот все. Да, Костя, вот еще что. Не толпитесь там, пожалуйста, не привлекайте к себе внимание. Понял? Нет, садиться будем все вместе, мы не опоздаем. Все!

Гнедых был уже одет, он нетерпеливо поглядывал на часы. Покосившись на Олю, стоявшую на коленях около лежащего в беспамятстве Геннадия и пытавшуюся своим шарфиком перевязать его голову, насмешливо обронил:

— Сизифов труд, Оленька. Ежели он, упаси бог, очнется, мне придется повторить способ Георгия Георгиевича. А у меня рука потяжелее.

Девушка, не оборачиваясь, на мгновенье замерла, держа на весу голову Геннадия.

Орбелиани положил трубку, обернулся к Аркадию Семеновичу:

— Не понимаю, почему бы не поехать на Костином автобусе?

— А зачем? — удивился Гнедых. — Пока бы он сюда доплюхал, потом за Дмитриевым... Время, князь, время. А у меня такси зафрахтовано на весь период съемок. Работает как часы... Минутку... — Он взглянул в разбитое окно. — Да вот оно, ждет как миленькое. Поехали...

— К вам?

— Зачем, прямо в аэропорт.

— А разве вы не возьмете...

— Милый князь, я тебя не узнаю. Для чего же я своих добрых молодцев вперед отправил?

— Слушайте, Аркадий Семенович, — вдруг взволнованно заговорил Орбелиани. — А не кажется ли вам все это... авантюрой, что ли... Так вот, с наскака, с разбегу... Тяп-ляп — клеточка.

— Звучит пророчески! — усмехнулся Гнедых — Но не забудьте: быстрота и натиск — суворовский девиз. Пока они будут чухаться, мы уже возьмем курс на Ашхабад.

— А почему на Ашхабад?

— Ну, князь, истинно говорят: один дурак может задать столько вопросов, что не ответят сто мудрецов. Потому что именно там, а не в другом месте нам к самолету подадут удобный восьмиместный газик. И именно там, буквально за городом есть места, где граница проходит не далее, чем в трехстах метрах от дороги. И если с ходу рвануть на газике да приготовить оружие... Словом, в случае чего, будем пробиваться. Ясно?

Орбелиани хмуро молчал. Гнедых презрительно сморщился:

— Э-э, князь, да вы, я вижу, просто струхнули. Правильно о вас писал Михаил Юрьевич: «Бежали робкие грузины». Ну-ка, довольно трясогузиться!

Он открыл его чемоданчик, стоящий на столе, вытащил какой-то белый платочек в целлофане. Зажав его в руке, подошел к Оле.

— Итак, сударыня, как я понял — вы теперь не поедете с нами?

Он вдруг обхватил голову девушки и с силой прижал ей ко рту платок. Оля попыталась было оттолкнуть его, вырваться, но тут же силы оставили ее, и она, теряя сознание, опустилась на пол.

— Прекрасно! — восхитился Гнедых. — Видишь, заодно поставлен эксперимент. Надеюсь, мы вообще обойдемся без кровопролития.

— Поехали уж, что ли, — мрачно перебил его Орбелиани. — Время теряем...

— У нас его вполне достаточно! — возразил Гнедых.

Он поднял платок, которым усыпил Олю, и прижал его ко рту Геннадия.

...Резко взвизгнув тормозами, милицейский «газик» остановился у подъезда. Через минуту подполковник Хлебников уже давил кнопку звонка квартиры номер 7. Из-за двери — ни звука.

— Что у него, звонок не работает? — проворчал подполковник.

— Там же какое-то устройство хитрое, — напомнил Саша Антонов. — Свет зажигается...

Он ударил ногой в дверь.

Развязка

Из квартиры № 7 дома № 24 по улице Гоголя подсудимый Орбелиани обзвонил по телефону своих сообщников и подал сигнал сбора.

Из обвинительного заключения

У входа на летное поле всегда толпятся нетерпеливые пассажиры. Чего они опасаются, бог весть — автопоезд не придет ни раньше, ни позже времени, место в самолете занимать не надо. Сиди в аэровокзале и спокойно жди объявления о посадке. И все-таки не ждут, бегают, хлопочут, просительно заглядывают в глаза контролерам: скоро ли? А который самолет наш? А самим идти к нему нельзя?

Костя Строкатов стоял в беспечной позе скупающего курортника, прислонившись спиной к металлической загородке. Взгляд его, ожидающий и тревожный, перебегал с молчаливых парней из съемочной группы, рассеявшихся кружком над своими кофортами, «Язуами», штативами по другую сторону прохода, то на бессмысленно-мечтательное лицо музыканта Дмитрова, сидящего на чемодане и выстукивающего пальцами по футляру баяна что-то ритмичное, то на дверь аэровокзала.

Наконец оттуда вышел, на ходу складывая какие-то бумажки, Бутурлин — как всегда, хмурый и деловитый. Он не спеша подошел к Косте и, словно не замечая на лице его тревожного ожидания, уложил бумажки в нагрудный карман кителя, застегнул пуговку.

Костя не выдержал паузы, хрипло спросил:

— Ажур?

— Пш-ш, — презрительно прошипел Бутурлин. — Великое дело... Все здесь... — Он похлопал по карману: — Билеты, посадочные, багажные квитанции.

— Молоток! — восхитился Костя, показывая глазами и парням из киногруппы и музыканту Дмитрову, что все в порядке.

***

Такси 27—17 мчалось по тем же самым местам, по которым совсем недавно летел Чубаров в автобусе-экспрессе, угнанном из-под носа незадачливого шофера. Вот остался позади и мост через ручей, который жители поселка без стеснения называют рекой, вот и сам поселок покорно расступился перед ходкой машиной. Гнедых, сидящий рядом с водителем, с удовольствием смотрел, как стремительно сматывается под колеса серая лента дороги.

— Давай, Сенечка, пыли! — поощрительно бросил он шоферу, молодому упитанному парню. — Не опоздаем к рейсу — червонец твой.

Ах как нравилось Сенечке работать с киношниками. И средняя идет — дай бог, не надо мыкаться по городу в поисках пассажира, и навидался он при них уйму интересного. И вот возьми их — и так он обязан отвезти их в аэропорт, а они еще красненькую сулят. Все бы такие были!

Старался Сенечка, честно отрабатывал обещанную ему десятку, машина неслась по шоссе, как торпеда, далеко протянулся от нее хвост пыли, поднятый с немытого с зимы асфальта. Вот и стрелка с указателем «Аэропорт»,

последний поворот, подъем — и напрямик к аэродрому.

— Не должны опоздать, Аркадий Семенович! — радостно отозвался Сенечка. — Времени — вагон!

И, лихо крутнув баранку, выворачивая на подъем, со страхом выругался:

— Эх... черт побери... влипли!

На обочине дороги, скрытый со стороны шоссе поворотом, стоял мотоцикл с двумя работниками ГАИ. Властно взметнулся жезл, приказывающий остановиться.

Тревожно переглянулись Гнедых и Орбелиани. Но, кажется, дело касалось лишь превышения скорости. Милиционеры, не сходя с мотоцикла, сидели и ждали водителя. Тогда проворней шофера метнулся к ним Аркадий Семенович.

— Извини, старшина, — дружелюбно говорил он, доставая из кармана членский билет Союза кинематографистов. — К рейсу опаздываем. Я кинорежиссер Гнедых, вот мои документы. — Увидев, что старшина безразлично отмахнулся от них, сразу внутренне расцвел, заговорил веселее. — Горим, понимаешь, во...

Он чиркнул себя пальцем по горлу.

— Какой рейс? — строго спросил старшина.

— Тринадцать — четырнадцать, Ашхабад.

— Ладно, езжайте! На обратном пути подъедете! — приказал он водителю, неловко топтавшемуся в сторонке. — И держите все же разумную скорость, вы вполне успеваете!

— Слушаемся, товарищ старшина! — весело крикнул из окна Гнедых. — Вот это правильно, по-хозяйски. Обязательно сниму о вас очерк! Привет! Видишь, князь, опасности надо всегда идти навстречу. А ты не горюй! — Это уже водителю. — Добавляю еще пятерик.

— Ох и народ эти киношники, — с восхищением сказал сидящий в люльке молодой милиционер. — Прямо вечные двигатели, всегда в запарке. Интересно, где учатся на киношников, а, товарищ старшина? Один ВГИК, что ли? Я хотел после школы, только не осмелился. А в радиотехнический по конкурсу не прошел, одного балла не хватило.

— Ты давай связь держи, киношник! — напомнил старшина. — Не прохлопай чего-нибудь.

Милиционер обиженно дернул подбородком.

— Так уж и прохлопаю! Полный штиль в эфире. Без происшествий.

В квартире Орбелиани царила суэта, которая всегда возникает там, где что-то случается. Хлопотали милиционеры, уже приступившие к предварительному осмотру квартиры. Только что два санитара вынесли на носилках Олю, все еще не пришедшую в сознание. Геннадий лежал на тахте, беспомощно откинув голову. Лицо его было белым как бумага. Около него, опустившись на колени, колдовал эксперт, торопясь закончить осмотр, пока снизу не поднялись за Геннадием санитары.

— Ну, тут гадать не приходится, — сказал он. — В обоих случаях — хлороформ. Очень сильная доза. Ну, и удар, это само собой...

В уголке смирно сидели понятия — женщина в круглых роговых очках и тщедушный мужчина с лысиной, — с любопытством и опаской поглядывая на всю эту процедуру. Им еще было не совсем ясно, для чего их пригласили, и от этого было немного не по себе.

Хлебников сидел и что-то писал. Саша, стоящий около приятеля, тихо сказал:

— Эх, Геныч, Геныч... Что бы тебе сказать — пошли бы вдвоем.

Не прекращая писать и не поднимая головы, подполковник заметил:

— Вдвоем объясняться с девушкой не ходят. Куда ж они могли податься сейчас, а? — привычным движением потирая виски, продолжал он, уже ни к кому не обращаясь.

— Задержим? — спокойно спросил Хмелевский, только что наводивший справку о съемочной группе. — Такси двадцать семь — семнадцать.

— Да надо бы, надо бы... — согласился Хлебников, не отводя глаз от пришедших санитаров и Саши Антонова, которые укладывали Геннадия на носилки.

— Осторожней, пожалуйста, — сердито вмешался врач, увидев, что один из санитаров хотел положить что-то под голову Геннадия. — У него же голова разбита.

— Доктор, — неожиданно громко спросил подполковник, — когда он придет в себя?

Тот неопределенно пожал плечами.

— Думаю, что сразу, как доставим в санчасть. Но очень-то спешить не стоит.

— Нет, нет, — с досадой перебил Хлебников. — А если бы само собой, без вашей помощи?

Врач задумался.

— Очень сильная доза. Через два-три часа. Организм у него крепкий.

— Спасибо, доктор, больше вопросов нет. — Он повернулся к Хмелевскому: — Ясно? Стало быть, они считают, что через два-три часа Геннадий им будет не опасен. Так получается?

Хмелевский нахмурился.

— Очевидно, так.

— И умчались в такси, — продолжал Хлебников.

Саша высказал догадку:

— В аэропорт.

Хлебников встал из-за стола.

— Товарищи! — обратился он ко всем, находящимся в комнате. — Положение серьезное. Похоже, что преступники решились на последний шаг...

А Хмелевский тем временем уже диктовал в телефонную трубку:

— Дежурный? Хмелевский говорит. Записывай: всем постам ГАИ! Всем мотопатрульным и постовым службам! Такси двадцать семь — семнадцать. Предположительно — направляется в сторону аэропорта... Подлежит немедленному задержанию!...

...А через две-три минуты сообщение Хмелевского уже слушали в милицеских машинах, несущихся по городу, мотопатрульные в круглых касках, регулировщики на перекрестках. Слушали с возрастающей тревогой и двое патрульных ГАИ, стоявшие со своим мотоциклом около указателя «Аэропорт».

«...В машине — двое пассажиров. Один — Орбелиани Георгий Георгиевич, директор ателье «Экстра». Другой — Гнедых Аркадий Семенович, кинорежиссер научно-исследовательского института. Возможны и другие. Сообщаю приметы...»

— Они! — словно очнувшись, взволнованно закричал молодой милиционер.

— Точно! — сквозь зубы выдавил старшина, уже запуская мотор. Мотоцикл рванулся на шоссе и помчался в сторону аэропорта.

...Сообщение поста ГАИ на участке поселок — аэропорт дежурный тотчас же передал Хлебникову. «Такси 27—17 проследовало с превышением скорости

мимо указателя минут 15 назад. Направляется к рейсу 13—14 на Ашхабад. Один из двух пассажиров — кинорежиссер Гнедых. Ведется преследование».

— Опергруппу в аэропорт! — скомандовал Хлебников. — Старший... — Он сделал паузу, и Саша рванулся вперед:

— Пустите меня, товарищ подполковник.

— Может быть, вы? — спросил подполковник Хмелевского. Тот коротко кивнул.

— Нельзя горячиться, Саша, — сказал Хлебников смертельно разобиженному парню. — Езжайте, я буду чуть позже — надо связаться с аэропортом.

***

Как ни спешила опергруппа Хмелевского, как ни бешено мчались две милицейские желто-синие машины, все-таки по всему выходило, что раньше чем за час им в аэропорт не попасть. Мало того, что и путь сам по себе неблизкий, да и помехи в пути просто так не смахнешь. Одно дело — скользнуть мимо красного сигнала светофора, ошпаривая испуганную улицу тревожным ревом милицейской сирены, и совсем другое — уткнуться в медленно ползущую вереницу груженых щебенкой грузовиков, когда навстречу столь же медленно и натужно тянется колонна автомобилей с лесом. Многотонные грузовики спокойно делают свое важное и нужное людям дело и мало интересуются погонями, засадами и другими аксессуарами детективного жанра.

Вот почему подполковник Хлебников, приняв во внимание возможность самых неожиданных дорожных «пробок», на всякий случай позвонил по телефону: предупредил о готовящейся операции руководство аэропорта, проинструктировал отделение транспортной милиции, оберегающее там порядок.

Словом, когда лихой Сенечка подкатил на своей машине 27—17 к зданию аэровокзала, предприятие Гнедых — Орбелиани уже можно было считать провалившимся. Но, разумеется, оба вожака преступной группы этого не знали и потому появились перед своими «мальчиками» в обычном респектабельном виде. Правда, респектабельность эта носила чисто внешний характер. Орбелиани начал откровенно трусить еще в машине

и потом, выбравшись из нее, так явственно проявил признаки страха, что Гнедых злобно зашипел на него:

— Перестаньте праздновать труса, князь! Стыдно!

Орбелиани пытался взять себя в руки, но это ему никак не удавалось: все тело обмякло, правая нога, еще в детстве подпорченная костным туберкулезом, сейчас вообще не разгибалась. Гнедых, недовольно скосив глаза, поморщился, но говорить что-либо уже было некогда — они выходили из здания аэровокзала и сразу оказались около своих.

— Ну, как успехи, детки? — преувеличенно бодро спросил Гнедых, обращаясь одновременно к Бутурлину и Строкатову.

— Все в ажуре! — радостно выпалил Костя, довольный тем, что может первым передать шефу такое приятное известие.

— Порядок! — мрачно изрек Бутурлин, не отрывая глаз от летного поля.

Сообщение и впрямь сильно подбодрило Орбелиани.

— Что ж мы тогда стоим? — засуетился он. — Пошли?

— Куда? — вдруг резко повернулся к нему Бутурлин.

— То есть, как куда? На посадку.

— Да? — скривил губы Бутурлин. — Вы что, ослепли?

Георгий Георгиевич растерянно оглянулся. Действительно, пассажиры толпой сгрудились около запертых дверей выхода на летное поле и, судя по недовольному гулу, выражали крайнее нетерпение. Гнедых взглянул на часы. Через десять минут самолет уже должен быть в воздухе, а...

Бутурлин понял тревогу шефа.

— То-то и оно! — заметил он. — А между тем, посадку еще даже не объявляли! И вообще...

— Что вообще? — неожиданно вскипел Орбелиани. — Что вы все каркаете, Петр Степанович! Может, неисправность в самолете какая, может, заправить не сумели вовремя... Мало ли что бывает. А вы сразу панику разводить!

— Сами вы поменьше паникуйте, князь! — посоветовал Гнедых. — А это что такое, Петр Степанович? — он кивнул на милиционеров, выстроившихся вдоль ограды. — Это что, обычно?

— А пес его знает! — выругался Бутурлин, — я уж сам гляжу... может, прилетает кто... какой-нибудь принц заморский... И задержка из-за того же...

Гнедых молча пожал плечами. Объяснение показалось ему убедительным, хотя полностью тревоги не сняло.

— Передай: держаться всем поближе, — шепнул он Косте Строкатову. И почему-то испытал облегчение, когда увидел, что к нему придвинулись «мальчики» из киногоруппы и аккордеонист Дмитрий.

...Некоторую неуверенность испытывали и сотрудники милиции, получившие приказ Хлебникова «не допускать посадки в самолет кинорежиссера Гнедых и заведующего ателье Орбелиани». Конечно, они слышали сообщение по радиации и тотчас «засекли» пассажиров такси 27—17, но, во-первых, те так стремительно покинули машину и, пройдя через вокзал, очутились у входа на летное поле, что милиционеры просто не успели перехватить их по дороге. Во-вторых, Гнедых и Орбелиани сразу окружили какие-то люди, и было не совсем ясно, что же делать с ними: арестовывать или нет. Во всяком случае, краткий, торопливый приказ об этом ничего не говорил. Поэтому дежурный решил выполнять приказ в самом его буквальном смысле: не допускать в самолет всю эту компанию, а там пусть разбирается опергруппа, которая должна прибыть с минуты на минуту. Он же остановил и готовых действовать двух примчавшихся на мотоцикле «гаишников», и тем пришлось удовлетвориться задержанием остолбеневшего от изумления шофера Сенечки, который еще не уехал, рассчитывая прихватить обратного пассажирика.

Но сказать «не допустить посадки» гораздо легче, чем сделать. Как не допустить? На каком основании? Чем это мотивировать? Над этими вопросами ломал себе голову дежурный. «Слава богу, хоть рейс задержался, может, успеет опергруппа!» — думал он, в надежде поглядывая на дорогу. Разумеется, он догадывался, что задержка рейса тоже связана с полученным приказом, но когда увидел вынырнувшие из-за поворота две желто-синие машины, почувствовал, как с души свалился камень.

Опытный Хмелевский с первого взгляда оценил положение. Преступники, встревоженные присутствием милиции, инстинктивно сбились в тесную группу, стоящую несколько поодаль от основной массы пассажиров. Этот интервал надо было использовать и действовать немедленно. По приказу Хмелевского пятерка ребят, изображая запоздавших пассажиров, отрезала группу Гнедых от толпы, и оперативники приступили непосредственно к операции.

— Осторожней, Саша! — на ходу предостерегал Антонова майор Хмелевский. — Не забывай, что у них, сам как его, есть оружие.

...Гнедых так заворожили стоявшие вдоль ограды молчаливые парни в милицейской форме и так ему хотелось верить в догадку Бутурлина о встрече «заморского принца», что он в глубине души уже в нее поверил. Поэтому появление майора Хмелевского, вышедшего из-за его спины и тихо, почти шепотом приказавшего: «Спокойно, гражданин Гнедых! Вы арестованы», — он сначала даже не принял как реальность. И только ощутив, как в живот ему уперся ствол пистолета, он пришел в себя и неохотно поднял руки.

Орбелиани, напротив, воспринял возникшую перед ним фигуру Саши Антонова как совершеннейшую реальность. Он даже попытался изобразить дружескую улыбку и почему-то поздоровался:

— Здравствуйте, Саша!

— Привет! — удивленно буркнул Антонов. — Ну-ка, руки! — Он мгновенно защелкнул на запястьях Орбелиани наручники.

Бутурлин раньше других заметил вышедших из дверей аэровокзала милиционеров. Ему удалось несколько отодвинуться от группы своих сообщников. Прижавшись спиной к ограде, он видел, как уводят аккордеониста Дмитрова, Костю Строкатова, парней из киногруппы. Все это он принимал вяло, как во сне. И только увидев стальные зажимы на руках Гнедых, он с мгновенной ясностью осознал, что все кончено...

Эпилог

...Учитывая тяжесть совершенных ими преступлений и особую опасность самих преступников для общества, суд приговорил А. С. Гнедых и Г. Г. Орбелиани к расстрелу. Остальные приговорены к различным срокам заключения в исправительной колонии строгого режима. Принимая во внимание чистосердечное раскаяние, искреннее осознание своей вины перед обществом, суд счел возможным смягчить М. Д. Чубарову меру наказания...

Присутствующие встретили приговор с большим удовлетворением.

Из газет

СТО ДВАДЦАТЫЙ МАРШРУТ

«Тов. Стебунов В. Ф. принят на службу в милицию после увольнения из рядов Советской Армии в ноябре 1959 года. Зарекомендовал себя как исключительно добросовестный, исполнительный и дисциплинированный сотрудник...»

(Из служебной характеристики).

Маршрут, на котором работает старший сержант Стебунов, на карте оперативной обстановки обозначен цифрой «120».

Василию Федоровичу сорок пять. Он — ветеран патрульно-постовой службы. Сразу как-то прикипел к ней более двадцати лет тому назад.

На сто двадцатом маршруте — сложная оперативная обстановка: много магазинов, ресторан, коктейль-бар, кафе, заводские общежития, оживленные безымянские транспортные линии. Словом, напряженный участок.

Целый день в раскаленном пыльном воздухе стоит мощный гул, помноженный на клубы голубоватого дыма из выхлопных труб машин. По улицам почти непрерывно движется поток «Икарусов», «Камазов», «Москвичей». Сотни людей на тротуарах. Столпотворение.

Но Стебунов настолько привычно и умело ориентируется в этой разношерстной, гудящей, пестрой толпе, что, кажется, словно он вообще никогда не расстанется со своим постом где-нибудь на Победе или Ново-Вокзальной.

Хотя, между прочим, эта гипербола не так уж и далека от истины...

На больших милицейских картах город поделен на оперативные квадраты, секторы, участки. В каждом из них, на определенных маршрутах и постах, несут свою нелегкую круглосуточную вахту сотрудники патрульной службы. Их посты дублируются ПМГ, ГАИ, подразделениями ночной милиции и вневедомственной охраны. В считанные

минуты, если того потребует обстановка, любой район будет надежно заблокирован. Разветвленная система оперативного милицейского розыска будет тотчас же приведена в действие и преступнику не удастся уйти.

Поэтому, если сравнивать штаб УВД и его аналитические подразделения с мозгом и сердцем, то патрульно-постовая служба милиции — это руки, глаза и уши, чуткие нервные окончания сложного милицейского организма. Своеобразный форпост борьбы с преступностью.

...Человек в испачканном грязью темном костюме привалился плечом к разогретой солнцем стене. Было видно, что ему стоит известных усилий держаться на ногах.

Мы замедлили шаг. В последнюю минуту мужчина заметил нас и инстинктивно подался было в сторону. Но Стебунов уже крепко держал его за локоть.

— Добрый день, откуда такой?

Мужчина бессмысленно смотрел на нас серыми, абсолютно пустыми глазами и молчал.

— Откуда вы?

— Я?.. С Севера...

— Так, уже кое-что проясняется, — усмехнулся Василий Федорович. — А в Куйбышеве что делаете? Живете где?

— На Севере...

— К нам, значит, только пить приезжаете?

У мужчины, разумеется, не оказалось документов. На многие наши вопросы он вообще давал преднамеренно путанные ответы.

— Надо бы познакомиться с ним основательнее, — негромко сказал мне Стебунов.

В дежурной части Советского РОВД к задержанному отнеслись профессионально внимательно. Средних лет оперативный дежурный в форме капитана милиции раскрыл журнал регистрации.

— Имя, фамилия? Адрес? Так... Сядьте прямо.

Яркая вспышка блица. Снимок «на память».

— А теперь выньте все из карманов.

Мужчина откинулся на стуле и покосился на дверь. Помедлил, что-то соображая.

— Карманы, — повторил дежурный.

Мужчина полез в свой карман. Там что-то зашелестело, и на стол легла увесистая пачка денег. Потом еще. Несколько двадцатипятирублевых упало на пол. А мужчина на наших глазах все вынимал и вынимал деньги.

Купюры были крупные: в десять, двадцать пять, пятьдесят рублей. Через минуту он буквально завалил ими стол.

— Аккуратнее... Не спешите, куда уж теперь спешить, — негромко отозвался Василий Федорович. — Откуда деньги-то?

— Получку получил, — криво усмехнулся задержанный.

Капитан уже снял телефонную трубку, набрал номер и попросил спуститься вниз кого-то из отделения уголовного розыска. Теперь с неизвестным начнут работать, и сотрудники оперативной службы с точностью до минуты установят происхождение всех этих денег. А наша миссия на этом закончилась. Покончив с формальностями — рапорта, объяснительные, протоколы задержания и осмотра, — мы выходим на улицу.

На следующий день мы узнали, что задержанный — опасный преступник. У него уже было несколько судимостей.

— Вот видите, — сказал мне тогда Стебунов, — все, оказывается, бывает очень буднично. Увидели, задержали.

— Но почему вы решили, что перед вами — преступник?

Стебунов помолчал, а потом сказал в раздумье:

— Трудно сразу объяснить. Что-то подсказало...

«Что-то подсказало...» А что именно? Стебунову никто не показывал пальцем на этого человека. Сам остановился около него. Мимо проходили десятки людей. А он задержал именно того, кто, наоборот, менее всего хотел встречи с милицией.

Иной раз, наблюдая за его работой, думаешь: как-то, действительно, все просто выходит... Но за этой кажущейся простотой тот самый годами службы наработанный крепкий профессионализм, который позволяет опытному сотруднику в любой толпе, при любых условиях безошибочно «засечь» преступника.

Этому невозможно научить. Это приходит только со временем. С массой потраченных нервов и бессонных ночей. С годами нелегкой милицмейской службы.

2

«За время работы проявил организаторские способности, умение работать с людьми...»

В обращении с гражданами и товарищами по службе вежлив. В коллективе пользуется заслуженным авторитетом».

(Из служебной характеристики).

— Вышел я на свое первое дежурство, начитавшись всяких там детективных книжек, — вспоминает Василий Федорович. — Иду по улице, а сам головой кручу по сторонам... День проходит, другой, неделя... Где преступники? Где погони?

Коротко улыбнувшись своим былым представлениям о милицеейской службе, Стебунов продолжает:

— Хороший попался мне командир — Скачков, — умный, честный милиционер. Прямой человек. Он мне и говорит: ты своего преступника еще долго ждать будешь. А люди со всеми своими бедами — вот они, рядом, и помощи от тебя ждут сейчас: зять у кого-то буйнит, сын-пьяница мать из дома выгоняет, мальчишки нахулиганили, новые покрышки у «Ижа» украли... К тебе люди обратятся, и ты, говорит, им помочь должен.

Мы идем по тихой, залитой жарким июльским солнцем улице. Светило клонится к закату, но до мягких летних сумерек еще далеко.

— Не сразу, конечно, но стал я тогда понимать, что в милиции есть еще и обыденная, черновая работа. И больше-то именно ее...

Когда того требует служба, он бывает строг и настойчив, но в то же время с обостренным вниманием относится к тому, чтобы не ущемить самолюбие человека, не унижить его достоинства неосторожным словом, жестом, поведением. Патрульно-постовая служба милиции по сути своей публична. Человек в синей милицеейской форме всегда на виду: в дежурной машине, на мотоцикле, просто на улице. И поэтому очень важно, чтобы его действия были поняты людьми. Чтобы он сам был понят.

Мы дежурили вместе со Стебуновым на разных маршрутах, но меня нигде не покидало ощущение, что я иду с хозяином квартала. Спокойным, обстоятельным и мудрым человеком. Справедливым. Любящим людей. И люди платили ему тем же.

Сколько раз нас с Василием Федоровичем останавливали его бывшие «крестники». Слово за слово, тут и разговор. О себе, о детях своих, да и здоровьем самого Василия Федоровича поинтересуются. Иной «подопечный» еще, смеясь, вспомнит, как старший сержант его в отдел доставлял. И все без обид, без жалоб. Словом, многие тут знают Стебунова.

— Здравствуйте, Василий Федорович, — уважительно поздоровались попавшиеся навстречу парень с девушкой.

— Как здоровье, что не заходите... Я бы вам чаю заварила, «индийского»... — зовет приветливая старушка-вахтер.

— Здравствуйте... Здравствуйте, — то и дело слышится со всех сторон, пока мы идем по улице.

По многу раз за дежурство старший сержант Стебунов обойдет квадрат, вновь и вновь заворачивая к своим, как он их называет, «горячим точкам»: магазинам, танцплощадке, заводским общежитиям, коктейль-бару, стоянке такси. Сначала по одному кругу, потом по второму, третьему, четвертому... До глубокой ночи.

Патрульную службу милиции «ноги кормят». В общем-то, получается так, что сотрудники сами себе «ищут» работу и, как правило, «находят» ее около пивбаров, на людных остановках, в подъездах домов, в темных уголках скверов.

Так и старший сержант Стебунов будет на ногах с вечера до ночи с ночи до утра. Ровно смену. А потом еще столько, сколько вообще будет нужно.

3

«Коллектив отделения, которым командует старший сержант В. Ф. Стебунов, неоднократно добивался хороших показателей в своей работе... В 1981 году милиционерами отделения раскрыто и предотвращено 15 преступлений, задержано 27 преступников, более 2 тысяч человек за различные административные правонарушения, в том числе около 500 — за мелкое хулиганство...»

(Из служебной характеристики).

К полуночи мы свернули на улицу Красных Коммунаров. Город спал. Мы шли притихшей улицей и молча вслушивались в его спокойное, ровное дыхание.

...Человек вынырнул из темного проходного двора, и, наткнувшись на нас, без слов повернул назад. Мы бросились вслед. Спокойный и даже несколько медлительный в жизни Василий Федорович Стебунов вдруг оказался превосходным стайером.

Мы догнали мужчину очень быстро, через какие-то пару минут. Бегал он неважно. Его остановили и подвели поближе к свету.

— У-уф... — наконец-то он рассмотрел нашу милицмейскую форму и с облегчением вздохнул.

— С чего это вы бегаєте, на ночь глядя? — спросил его Стебунов.

Мужчина хватал широко раскрытым ртом воздух и никак не мог отдышаться. Даже при неровном свете уличного фонаря было видно, как он напуган. Василий Федорович, видя это, дал человеку прийти в себя, а потом снова спросил:

— Так что же случилось?

— Меня преследовали!

— Кто?

— Не знаю.

Мы переглянулись.

— У вас есть с собой какие-нибудь документы?

Мужчина молча протянул паспорт и маленькую целлулоидную карточку заводского пропуска. Старший сержант Стебунов быстро просмотрел их: Виталий Николаевич Л., сорок лет, инженер одного из куйбышевских заводов. Потом мужчина несколько успокоился и сумел более внятно обрисовать то, что с ним случилось.

Оказалось, что при выходе из дома его остановил какой-то человек и потребовал денег. В руке у него был нож. Мужчина очень испугался и побежал. Неизвестный еще какое-то время преследовал его, но потом отстал. Все. Больше мужчина ничего не мог добавить.

Василий Федорович Стебунов быстро размышлял: если все произошло действительно так, как описывал потерпевший, то преступник не мог далеко уйти. Ведь прошли буквально минуты... И он, вынудив рацию, нажал на кнопку вызова.

— Я — «651»-й, прошу на связь...

Отдел отозвался сразу же. Стебунов быстро передал информацию о происшествии и приметы возможного преступника. Завертелся маховик милицейского розыска.

В эфире еще слышались переговоры патрулей, «закрывающих» квадрат, когда около нас со скрипом затормозил желто-синий милицейский «Уаз». На переднем сиденье рядом с шофером сидел командир роты патрульно-постовой службы Советского РОВД майор милиции А. В. Глазунов.

— Скорее в машину!

Хлопнули дверцы, и «Уаз», резко развернувшись, помчался по улице. Начался розыск, как говорят в милиции, «по горячим следам». В таких случаях речь идет о часах, если не минутах. След не должен «остыть»... Острый луч сильного милицейского рефлектора прыгал по стенам домов, высвечивая их номера.

— По какой улице вы бежали?

— Кажется, по Ново-Вокзальной...

Минут через пятнадцать, когда мы уже успели два раза пересечь Ново-Вокзальную, в машине заработала рация и нас попросили подъехать на угол улиц Красных Коммунаров и XXII Партсъезда. Буквально пролетев несколько кварталов, мы увидели на перекрестке младшего сержанта Вячеслава Казакова. Около него стоял небольшого роста худощавый мужчина.

— Смотрите, похож?

— Он, он, товарищи, — закричал потерпевший, — узнал его!..

...А потом мы сидели в дежурной части и писали. Рапорта, объяснительные. Рядом через несколько шагов милиционеры роты сдавали оружие, но у нас еще оставалась кое-какая работа. При досмотре одежды у мужчины обнаружили остро наточенное лезвие...

З ту ночь мы освободились поздно — где-то в половине ретьего. Вышли из здания Советского РОВД и полной рудью вдохнули теплый ночной воздух. Дежурство заканчивалось. Пора расходиться по домам.

4

**«В 1977 году награжден Памятным Дипломом
МВД СССР и денежной премией. В 1980 году —
Почетной грамотой МВД СССР. Награжден медалями
«За безупречную службу» 1, 2 и 3 степеней...»
(Из служебной характеристики).**

СОДЕРЖАНИЕ

Эдуард Кондратов. Преступление будет раскрыто! (Диалог писателя и генерала милиции)	3
Тамара Швец. Трудные контакты. Очерк	21
Николай Каштанов. Без права на покой. Документальная повесть	30
Галина Сокольников. Удар на себя. Очерк	74
Федор Никифоров. Схватка на Камышовом озере. Документальный рассказ	79
Александр Боровков. Лиха беда — начало. Очерк	101
Михаил Толкач. Черная накипь. Рассказ-быль	117
Владимир Сокольников. Нелетная погода. Повесть	154
Николай Елизаров. Сто двадцатый маршрут	265

ИБ № 582

Составитель **Галина Павловна Сокольников**

БЕЗ ПРАВА НА ПОКОЙ

Рассказы о милиции

Редактор **В. Н. Мясников**
Художник **Е. А. Дидуренко**
Художественный редактор **Е. В. Альбокринов**
Технический редактор **З. К. Яшина**
Корректор **Э. И. Щербакова**

Сдано в набор 5.04.83. Подписано в печать 1.11.83.
ЕО 01410. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Литературная гарнитура. Печать офсетная. Тираж
30 000 экз. Заказ 1791. Цена 55 коп.

Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Ордена Трудового Красного Знамени
тип. изд-ва Куйбышевского обкома КПСС,
г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

55 коп.

БЕЗ ПРАВА НА ПОКОЙ

Нуйбышевское книжное издательство
1983